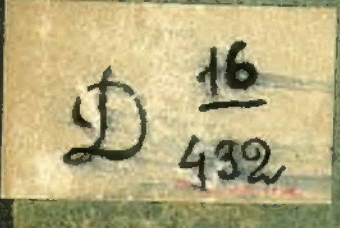
Русский
ген. штаб
в царствов. имп.
Александра I.

Д 16/432.
15

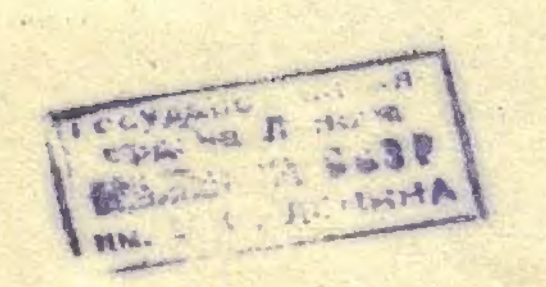
РУССКІЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙН. ПРОСП., Д. № 39.
1874.

Дозволено цензурою. 14-го декабря 1874 года.

I.

РУССКІЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

(Пять главъ изъ неизданной «Исторіи русскаго генеральнаго штаба» генералъ-маіора Глиноецкаго).

I.

(1801—1810).

Генералъ-квартирмейстеръ П. К. фонъ-Сухтеленъ 1-й.—Мѣры его для комплектованія Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.—Положеніе колоновожатыхъ.—Составъ и числительность чиновъ квартирмейстерской части; ихъ занятія по геодезической и топографической части; маневры.—Участіе офицеровъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части въ войнахъ первыхъ годовъ царствованія Императора Александра.—Первыя попытки къ назначенію чиновъ квартирмейстерской части на должности по дежурству.

Въ первые же мѣсяцы царствованія Императора Александра I высказалось уже, что квартирмейстерскому вѣдомству готовится возрожденіе изъ того невыгоднаго положенія, въ какое оно было приведено въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія. Чрезъ два мѣсяца по вступленіи на престолъ, Императоръ Высочайше пожаловалъ Свитѣ по квартирмейстерской части блестящій мундиръ, съ особымъ золотымъ шитьемъ по черному бархату, рисунокъ котораго сохранился и донынѣ на мундирѣ нашего генеральнаго штаба. Новый мундиръ былъ совершенно сходенъ съ прежнимъ по покрою: тоже темнозеленаго сукна съ красною стамедовою подкладкой, но съ черными бархатными обшлагами и воротникомъ, на которыхъ, кромѣ красной суконной вы-

пушки, имѣлись вышитыя битью и блестками золотыя петлицы; на фалдахъ мундира суконныя красныя полки, съ черною бархатною выпушкою; пуговицы въ два ряда, желтыя; аксельбантъ золотой; камзолъ, лосинные панталоны, большіе сапоги, оставлены по-прежнему; прежній бѣлый галстухъ замѣненъ чернымъ шелковымъ, да на шляпѣ отмѣненъ позументъ, оставленъ лишь черный бантъ, и шляпѣ приданъ султанъ изъ перьевъ.

Измѣненіе обмундированія было лишь началомъ выдѣленія квартирмейстерскаго вѣдомства въ совершенно отдѣльное, самостоятельное учрежденіе. Наиболѣе важно было пріискать человѣка, который бы организовалъ это возрождающееся учрежденіе такимъ образомъ, чтобы оно дѣйствительно приносило ожидаемую отъ него пользу. Выборъ правительства въ этомъ случаѣ былъ какъ нельзя болѣе удаченъ: онъ палъ на иностранца, который вызванъ былъ въ Россію еще Екатериною, какъ бы для замѣны Баура, для развитія и руководства его начинаній по инженерной части, именно на Петра Корниловича фонъ-Сухтелена.

Родившись, въ 1759 году, въ Голандіи, фонъ-Сухтеленъ служилъ на родинѣ въ инженерахъ и принятъ былъ въ русскую службу инженеръ-подполковникомъ въ іюлѣ 1783 года, въ самый годъ смерти Баура.

Неизвѣстно, было ли такое совпаденіе случайностью, или же имѣлось въ виду, вслѣдствіе недостатка въ нашемъ инженерномъ корпусѣ того времени хорошихъ офицеровъ, замѣнить умершаго Баура свѣдущимъ и ученымъ инженеромъ, но, во всякомъ случаѣ, пріобрѣтеніе Россіею фонъ-Сухтелена было дѣломъ замѣчательнымъ, особенно по тѣмъ важнымъ заслугамъ, которыя этотъ человѣкъ оказалъ своему новому отечеству.

П. К. Сухтеленъ принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ людей своего времени; онъ хорошо зналъ языки: греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій, голандскій и русскій, имѣлъ обширныя познанія въ военныхъ и математическихъ наукахъ, въ нумизматикѣ и исторіи литературы, поддерживалъ постоянныя сношенія со многими учеными и съ извѣстными библіографами Европы. У него былъ рѣдкій мюнцъ-кабинетъ (который онъ уступилъ академіи наукъ), отличное собраніе картинъ и библіотека, принадлежавшая къ числу наиболѣе значительныхъ частныхъ библіотекъ въ Россіи и состоявшая изъ дорогихъ и рѣдкихъ книгъ и рукописей.

Переселившись въ Россію, Сухтеленъ исполнялъ разныя порученія по инженерной части, участвовалъ въ Финляндской войнѣ противъ

Швеціи, съ 1788 по 1790 годъ, и за оказанныя отличія произведенъ въ генералъ-маіоры, а послѣ войны на него возложенъ былъ осмотръ и исправленіе всѣхъ существовавшихъ на шведской границѣ укрѣпленій, составленіе проектовъ для новыхъ сооруженій въ этихъ мѣстностяхъ, а также и предсѣдательство въ особой комисіи, которой было поручено приведеніе въ извѣстность всѣхъ имѣвшихся послѣ финляндской кампаніи плановъ, картъ и маршрутовъ. При этихъ занятіяхъ Сухтеленъ имѣлъ возможность познакомиться съ тогдашнимъ генеральнымъ штабомъ, съ его недостатками и нуждами. Награжденный за эти труды чиномъ генералъ-лейтенанта (въ 1797 году) и инженеръ-генерала (въ 1799 году), онъ, въ концѣ царствованія Императора Павла, сперва управлялъ инженернымъ департаментомъ въ Кіевѣ, а потомъ былъ назначенъ членомъ «департамента водяныхъ комуникацій»; въ 1800 году, когда Россія готовилась къ войнѣ съ Англіею, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ корпуса, долженствовавшаго охранять берега Бѣлаго моря, объѣхалъ все прибрежье и составилъ нѣсколько проектовъ для обороны значительнѣйшихъ пунктовъ. Вызванный въ 1801 году въ Петербургъ, Сухтеленъ назначенъ, 31-го іюля этого года, генералъ-квартирмейстеромъ, и съ этого времени начинается новая его дѣятельность по устройству Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.

На сколько можно судить по результатамъ, дѣятельность П. К. Сухтелена въ должности генералъ-квартирмейстера, главнѣйшимъ образомъ, была направлена къ тому, чтобы привлечь въ Свиту по квартирмейстерской части наиболѣе образованныхъ и способныхъ людей, и создать изъ нихъ хорошихъ съемщиковъ и картографовъ, въ которыхъ дѣйствительно представлялась настоятельная надобность. Въ то время вовсе не сознавалась еще необходимость участія офицеровъ квартирмейстерской части въ занятіяхъ войскъ мирнаго времени, а между тѣмъ знакомство съ мѣстностью должно было составлять ихъ главную спеціальность; подготовить же ихъ къ тому возможно было лучше всего съемками мирнаго времени, которыя являлись тѣмъ болѣе цѣлесообразными, что давали обильный матеріалъ для только что зарождавшейся нашей картографіи.

Задавшись такимъ образомъ цѣлію сдѣлать изъ офицеровъ квартирмейстерской части съемщиковъ и картографовъ, Сухтеленъ, прежде всего, почелъ необходимымъ усилить личный составъ этого учрежденія, соотвѣтственно представлявшейся потребности, не стѣсняясь никакимъ ограниченнымъ штатомъ, а затѣмъ обезпечить надлежащее постоянное комплектованіе этого корпуса офицеровъ вполнѣ подготов-

*

лепными молодыми людьми. Въ послѣднемъ особенно представлялась надобность, такъ какъ болѣе всего въ квартирмейстерской части недоставало младшихъ чиновъ, поручиковъ и подпоручиковъ, и въ случаѣ надобностей военнаго времени приходилось замѣщать ихъ офицерами изъ строевыхъ частей, вовсе не подготовленными къ спеціальности службы генеральнаго штаба.

Въ первые годы своего управленія квартирмейстерскою частью, Сухтеленъ пополнялъ ее, хотя въ незначительной степени, офицерами, прежде служившими въ генеральномъ штабѣ, а также служащими въ разныхъ другихъ вѣдомствахъ; сдѣлалъ было попытку, въ 1802 году, выбирать въ квартирмейстерскую часть офицеровъ прямо изъ числа подпоручиковъ, выпускаемыхъ изъ 1-го кадетскаго корпуса, что оказалось, однако, неудобнымъ по малой подготовкѣ этихъ офицеровъ; наконецъ, остановился на томъ, чтобы сдѣлать единственнымъ источникомъ комплектованія Свиты по квартирмейстерской части,—колоновожатыхъ. Пополняя ввѣренное его управленію вѣдомство офицерами со стороны, П. К. Сухтеленъ главнѣйше руководствовался тѣмъ, чтобы принимаемые въ Свиту обладали достаточными математическими познаніями для производства съемокъ, почему, по преимуществу, останавливался въ своемъ выборѣ на инженерныхъ офицерахъ, какъ русскаго, такъ и иностраннаго происхожденія; послѣднимъ особенно было даваемо преимущество. Многіе иностранцы, эмигрировавшіе изъ западной Европы, были приняты въ это время въ Свиту по квартирмейстерской части, такъ что между современниками сложилось даже оригинальное понятіе, что одно незнаніе русскаго языка считалось вполнѣ достаточнымъ мотивомъ для зачисленія всякаго иностранца въ Свиту; понятіе, конечно, не вѣрное, но не лишенное значенія въ общемъ перечнѣ всѣхъ причинъ, содѣйствовавшихъ замѣчавшейся тогда непопулярности генеральнаго штаба въ нашихъ войскахъ. Заключеніе это, въ особенности, должно было упрочиться во время Отечественной войны, когда, какъ увидимъ ниже, число иностранцевъ въ квартирмейстерской части увеличилось, а затѣмъ, мнѣніе, разъ упроченное въ войскахъ, передавалось уже послѣдующимъ поколѣніямъ, содѣйствуя закрѣпленію за генеральнымъ штабомъ положенія, какъ бы чуждаго нашей арміи.

Что касается до мѣръ Сухтелена относительно созданія въ учрежденіи колоновожатыхъ постояннаго источника, предназначаемаго для комплектованія Свиты по квартирмейстерской части, то по этому предмету ему удалось достигнуть достаточно удовлетворительныхъ результатовъ. Основная мысль его при этомъ заключалась въ томъ, чтобы

принимать на службу въ Свиту молодыхъ людей съ хорошимъ общимъ образованіемъ, давать имъ спеціальное образованіе, и затѣмъ повышать въ офицерскіе чины за успѣхи въ занятіяхъ ранѣе, чѣмъ они могли бы быть произведены гдѣ либо въ другомъ вѣдомствѣ. Большинство поступающихъ въ колоновожатые зачислялись на службу въ возрастѣ отъ 16-ти до 18-ти лѣтъ, но были 15-ти, 13-ти и даже 12-ти лѣтніе, какъ напримѣръ, принятые въ 1804 году, Балкъ и двое братьевъ Фридрихсъ. Только въ 1809 году (*) повелѣно было, чтобы въ колоновожатые не опредѣлять моложе 16-ти лѣтняго возраста.

Принимаемые на службу колоновожатые отчасти назначались на съемки, но преимущественно были собираемы въ Петербургѣ, при «депо» Свиты по квартирмейстерской части, гдѣ руководство ихъ занятіями было возложено на подполковника фонъ-Фицтума. Этотъ штабъ-офицеръ принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, и, что всего важнѣе, умѣлъ оказывать весьма полезное вліяніе на ввѣренную ему молодежь. Уроженецъ Саксоніи, Фицтумъ воспитывался въ Россіи, гдѣ и началъ службу въ 1786 году рядовымъ лейбъ-гвардіи въ Конномъ полку, изъ котораго, 1-го января слѣдующаго 1787 года, былъ отставленъ съ чиномъ поручика; поступивъ вновь на службу осенью того же года въ 1-й кадетскій корпусъ, фонъ-Фицтумъ былъ зачисленъ, въ слѣдующемъ году, въ инженерный корпусъ подпоручикомъ, и затѣмъ дальнѣйшую службу проходилъ въ должности преподавателя фортификаціи и артилеріи въ артилерійскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ корпусахъ чужестранныхъ единовѣрцевъ и въ морскомъ кадетскомъ. Изъ послѣдняго, въ августѣ 1801 года, Фицтумъ зачисленъ маіоромъ въ Свиту по квартирмейстерской части, гдѣ и оставался постоянно при депо, занимаясь съ колоновожатыми (**).

Съ назначеніемъ Сухтелена генералъ-квартирмейстеромъ, управленіе квартирмейстерскою частію было помѣщено въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ самъ Сухтеленъ занималъ обширную квартиру въ бель-этажѣ, въ фасадѣ, обращенномъ на Фонтанку; въ нижнемъ этажѣ подъ нимъ помѣщался комендантъ замка, генералъ Дибичъ; это были, въ началѣ царствованія Императора Александра, единственные жильцы

(*) Высочайшее повелѣніе 12-го мая 1809 года Пол. Собр. Зак.

(**) Умеръ въ 1829 году, въ чинѣ генералъ-маіора и въ званіи члена военно-ученаго комитета. Изъ его ученыхъ трудовъ въ свое время наиболѣе было извѣстно «Разсужденіе о сочиненіи военныхъ плановъ», изданное имъ въ 1801 году, и нѣсколько переводовъ, между которыми сохранило до настоящаго времени интересъ переведенное имъ въ 1827 году сочиненіе Верблейна: «Разсужденіе о службѣ главнаго штаба (въ смыслѣ генеральнаго штаба) и о подробностяхъ, наблюдаемыхъ при вожденіи войскъ.

этого обширнаго зданія. Въ остальныхъ затѣмъ залахъ собирались ежедневно, съ девяти до двухъ часовъ по-полудни, всѣ колоновожатые для слушанія лекцій и занятій черченіемъ, а также и всѣ находившіеся въ Петербургѣ на лицо офицеры квартирмейстерской части. Доступъ къ Сухтелену и право пользованія его обширною библіотекою былъ открытъ для всѣхъ. Къ тому же Сухтеленъ славился своимъ хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ: ежедневно у него обѣдало двадцать, тридцать гостей, въ числѣ которыхъ бывали разныя знаменитости того времени и приглашаемые офицеры квартирмейстерской части; къ обѣду же, за общимъ столомъ, приглашался всегда и дежурный колоновожатый. Послѣ обѣда, все общество переходило въ библіотеку, гдѣ велась оживленная и умная бесѣда, поддерживаемая радушнымъ хозяиномъ. На этихъ собраніяхъ, офицеры квартирмейстерской части болѣе научались, чѣмъ изъ книгъ; здѣсь они пріобрѣтали связи и знакомства для будущей службы; да и самъ Сухтеленъ узнавалъ здѣсь лучше своихъ подчиненныхъ, чѣмъ на службѣ (*).

Въ чемъ заключались собственно учебныя занятія колоновожатыхъ, положительно не имѣется никакихъ свѣдѣній, но извѣстно, что маіоръ Фицтумъ преподавалъ колоновожатымъ геометрію, полевую фортификацію и черченіе плановъ; что, время отъ времени, періодически, изъ этихъ предметовъ производились колоновожатымъ испытанія, въ присутствіи самого генералъ-квартирмейстера и, на основаніи этихъ испытаній, наиболѣе успѣвавшихъ производили въ офицеры, не стѣсняясь ни возрастомъ, ни сроками службы (**); такъ, поступившій въ колоновожатые, изъ подпрапорщиковъ Преображенскаго полка, Лютинскій, былъ произведенъ въ подпоручики Свиты, всего послѣ двухъ мѣсяцевъ службы колоновожатымъ; графъ Апраксинъ (Василій Ивановичъ), Павелъ Сухтеленъ (сынъ генералъ-квартирмейстера), Федоръ Шубертъ, были произведены въ офицеры Свиты, пробывъ лишь восемь мѣсяцевъ колоновожатыми и имѣя всего шестнадцать лѣтъ отъ роду. Впрочемъ, большинство колоновожатыхъ было производимо въ офицеры послѣ двухъ лѣтъ занятій; мало успѣвавшихъ производили въ армію прапорщиками и даже выпускали унтеръ-офицерами.

Надо отдать полную справедливость П. К. Сухтелену, что онъ умѣлъ пріискивать способныхъ людей и давать имъ ходъ; имъ, такъ сказать, были привлечены къ службѣ въ генеральномъ штабѣ его собственный сынъ, Павелъ Сухтеленъ, Шубертъ, Гартингъ и много дру-

(*) Рукописныя записки генерала отъ инфантеріи Ф. Ф. Шуберта.

(**) Дѣла квартирмейстерской части 1801 года, № 44.

гихъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи извѣстными, лицъ; имъ же, изъ полной неизвѣстности, выведенъ былъ и Теннеръ, пріобрѣвшій впослѣдствіи столь громкую извѣстность своими геодезическими трудами.

Отецъ Теннера былъ управляющимъ въ небольшомъ имѣніи Амферъ, близъ Нарвы, гдѣ у него, 22-го іюля 1783 года, родился сынъ Карлъ. По недостаточности родителей, молодой Карлъ Теннеръ не могъ получить съ ранняго возраста полнаго образованія, но пользовался лишь урывчатыми уроками, передаваемыми ему странствующими учителями и землемѣрами, бывшими на работахъ въ мѣстахъ его родины. Къ счастію, способности Теннера обратили на себя вниманіе богатаго и ученаго графа Готтарда Андрея Мантейфеля, который принялъ его въ свой домъ для совмѣстнаго обученія съ своими дѣтьми; здѣсь Теннеръ сталъ оказывать быстрые успѣхи въ латинскомъ языкѣ, въ математикѣ, въ рисованіи, такъ что когда ему было всего пятьнадцать лѣтъ (въ 1798 году), графъ Мантейфель счелъ возможнымъ поручить ему составленіе карты для приготовляемаго имъ къ изданію на французскомъ языкѣ описанія путешествія по Сибири. Для подготовки матеріаловъ къ этой работѣ, Мантейфель взялъ Теннера въ Петербургъ, гдѣ онъ и привлекъ на себя вниманіе П. К. Сухтелена; послѣдній не замедлилъ зачислить его на службу въ колоновожатые, но, не ограничиваясь этимъ, принялъ его къ себѣ въ домъ на все готовое и доставлялъ ему всѣ средства къ усовершенствованію своего образованія. Подъ руководствомъ такого покровителя, сблизившись дружбою съ молодымъ Павломъ Сухтеленомъ и его двоюроднымъ братомъ Гартингомъ, Карлъ Ивановичъ Теннеръ пріобрѣлъ прочное и обширное образованіе, сдѣлавшее его впослѣдствіи отличнымъ боевымъ офицеромъ генеральнаго штаба и европейскимъ ученымъ (*).

Своею неутомимою дѣятельностію по укомплектованію Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, генералу Сухтелену удалось подготовить значительное число свѣдущихъ людей для геодезическихъ и топографическихъ работъ и, въ тоже время, достичь того, что къ началу первыхъ столкновеній Россіи съ императорскою Франціею наша армія была обезпечена достаточно многочисленнымъ корпусомъ офицеровъ квартирмейстерской части, который, къ 1-му іюля 1805 года, заключалъ въ себѣ слѣдующее число чиновъ:

Генералъ-маіоровъ.	5
Полковниковъ	11

(*) Извлечено изъ автобіографіи К. И. Теннера, сохранявшейся въ его бумагахъ.

Подполковниковъ	17
Маіоровъ	16
Капитановъ	17
Поручиковъ	12
Подпоручиковъ	36
Прапорщикъ	1 (*)
Колоновожатыхъ	60
Итого: Генераловъ	5
Штабъ-офицеровъ	44
Оберъ-офицеровъ	66
Нижнихъ чиновъ	60

Относительно послѣднихъ можно замѣтить, что число 60, установленное еще штатами 1772 года, было принято Сухтеленомъ за нормальное, выше котораго число колоновожатыхъ не увеличивалось. Что же касается до прочихъ чиновъ Свиты, то число ихъ не было опредѣлено никакимъ штатомъ и измѣнялось, сообразно съ обстоятельствами; однако, при этихъ измѣненіяхъ, постоянно поддерживалось преобладаніе численности оберъ-офицерскихъ чиновъ надъ штабъ-офицерскими, что объясняется понятнымъ желаніемъ имѣть болѣе рабочихъ рукъ на всякаго рода топографическія работы.

Повышеніе въ чины дѣлалось за отличіе, по линіи, но безъ всякихъ опредѣленныхъ на этотъ предметъ правилъ. Градація чиновъ оставалась прежняя, т. е. безъ чина штабсъ-капитана, который, съ царствованія Императора Павла, введенъ былъ во всѣхъ войскахъ. Неимѣніе въ Свитѣ по квартирмейстерской части этого чина, а также и то, что колоновожатые производились прямо въ подпоручики, составляло самое существенное преимущество службы въ квартирмейстерской части; преимущество это особенно привлекало въ Свиту по квартирмейстерской части честолюбивую и знатную молодежь, для которой эта служба, до капитанскаго чина, представляла даже большія выгоды, чѣмъ служба въ гвардіи; этимъ объясняется, что многіе начинали службу въ колоновожатыхъ, а дослужившись по квартирмейстерской части до поручика или капитана, переходили за отличіе въ гвардію. Эти разсчеты, вѣроятно, и побудили отмѣнить, въ 1811 году, сказанное преимущество, приравнявъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже, квартирмейстерскіе чины къ артилерійскимъ.

Вглядываясь въ составъ корпуса офицеровъ по квартирмейстер-

*) Принятый изъ поручиковъ мекленбургской службы прапорщикъ Икскюль.

ской части въ 1805 году (*), нельзя не обратить вниманія на разнохарактерность этого состава, которую можно, однако, подвести подъ слѣдующія главныя категоріи: офицеры бывшаго екатерининскаго генеральнаго штаба, принятые въ Свиту въ царствованіе Императора Павла, иностранцы и молодые питомцы Сухтелена, будущая надежда квартирмейстерской части.

Къ числу первыхъ двухъ категорій относились почти исключительно всѣ генералы и штабъ-офицеры, причемъ отъ прошлаго царствованія оставалось всего только 15 штабъ-офицеровъ, преимущественно въ маіорскихъ и полковничьихъ чинахъ; высшіе же чины исключительно были заняты людьми, начавшими службу при Екатеринѣ, воспитанными въ военномъ отношеніи на войнахъ турецкихъ; немногіе изъ нихъ принимали участіе въ италіанскомъ походѣ 1799 года, гдѣ впервые пришлось ознакомиться русскимъ войскамъ съ новымъ образомъ веденія войны; нѣкоторые же изъ этихъ чиновъ провели все царствованіе Императора Павла въ отставкѣ; а между тѣмъ, всѣ они были еще въ полной силѣ здоровья и свѣжести силъ: старшему изъ генераловъ—Герарду 1-му было 50 лѣтъ, младшему—Мухину, только 35; старшему изъ полковниковъ—Бергу (Бурхарду) было 45 лѣтъ, младшему — Зоммеру, всего 29; возрастъ подполковниковъ былъ относительно наиболѣе старый; въ числѣ лицъ этого чина только одинъ имѣлъ 29 лѣтъ (Пенскій), а остальные были въ возрастѣ отъ 35 до 42 лѣтъ. Наконецъ, въ маіорскомъ чинѣ было нѣсколько лицъ моложе 30-ти лѣтъ, но большинство имѣли также отъ 35 до 42 лѣтъ. Обстоятельство это не лишено значенія въ виду безпрерывныхъ войнъ, наполнявшихъ все десятилѣтіе, съ 1805 по 1815 годъ, въ теченіе которыхъ обнаружилась несостоятельность прежнихъ екатерининскихъ служакъ генеральнаго штаба, что и привело къ необходимости, не стѣсняясь въ старшинствѣ чиновъ, назначать по квартирмейстерской части нерѣдко младшихъ въ чинѣ на высшія мѣста, помимо старшихъ чиновъ.

Что касается оберъ-офицеровъ, то между ними хотя и было нѣсколько человѣкъ, начавшихъ службу въ прошломъ столѣтіи, но таковые составляли меньшинство, которое исчезало передъ наплывомъ молодаго поколѣнія, отличавшагося прекрасною солидною подготовкой, если не въ военномъ, то, по крайней мѣрѣ, въ общеобразовательномъ отношеніи; между ними были люди высокообразованные, но имъ не доставало знакомства съ войсками и боеваго опыта; всѣ занятія ихъ

(*) Списокъ чиновъ Свиты по квартирмейстерской части предполагается приложить къ отдѣльному изданію «Исторіи русскаго генеральнаго штаба».

во время мира имѣли нѣсколько односторонній характеръ, что проистекало, главнѣйшимъ образомъ, отъ того направленія, какое дано было чинамъ квартирмейстерской части генераломъ Сухтеленомъ.

Генералу П. К. Сухтелену принадлежитъ честь быть первымъ основателемъ у насъ правильныхъ съемокъ. Оцѣнивъ важное государственное значеніе съемокъ и хорошо понимая, что онѣ могутъ принести надлежащую пользу только въ томъ случаѣ, если будутъ производиться правильно и въ систематическомъ порядкѣ, онъ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы придать имъ такой характеръ.

Вскорѣ послѣ назначенія генералъ-квартирмейстеромъ, Сухтелену поручено было главное управленіе и собственнымъ Его Величества депо картъ, а въ октябрѣ 1802 года, онъ былъ назначенъ инспекторомъ всего инженернаго вѣдомства. Такое соединеніе въ рукахъ одного лица трехъ учрежденій, занимавшихся до того съемочными и картографическими работами, очевидно должно было имѣть первостепенную важность для успѣха этихъ работъ. Дѣйствительно, съ первыхъ же годовъ текущаго столѣтія, работы эти принимаютъ замѣтно успѣшное развитіе; хотя онѣ временно и были прерываемы войнами, но за то съ новою энергіей возобновлялись каждый разъ, какъ только обстоятельства тому благопріятствовали. Только въ 1811 г., въ виду готовившейся борьбы съ Наполеономъ, прекращены были вовсе большія, такъ называемыя государственныя съемки и вновь возобновлены на другихъ основаніяхъ только послѣ окончанія этой борьбы.

Къ началу текущаго столѣтія депо картъ успѣло подготовить уже нѣсколько большихъ и по тому времени очень хорошихъ картъ; оно же предприняло и обширную работу составленія такъ называемой столистовой карты, на скорѣйшее окончаніе которой обращено было полное вниманіе генерала Сухтелена. Составленіе этой карты было окончено въ 1805 году (*), за что тогда же всѣмъ служащимъ въ депо картъ даны были на воротники петлицы, оставленныя впослѣдствіи всему инженерному вѣдомству.

При самомъ составленіи этой карты, Сухтеленъ встрѣтилъ весьма важные недостатки въ ней, вслѣдствіе малаго числа вѣрно-опредѣленныхъ пунктовъ, а также, вообще, вслѣдствіе недостаточности матеріаловъ для ея составленія. Отсюда проистекаетъ стремленіе его къ распространенію астрономическихъ познаній, какъ между офицерами

(*) Эта карта окончательно издана только въ 1814 году, но уже къ 1812 году значительная часть ея была награвирована.

квартирмейстерской части, такъ и между чинами, служащими въ депо картъ, а также и усиленіе съемочныхъ работъ.

Въ первомъ отношеніи, чрезвычайно дѣятельнымъ и полезнымъ пособникомъ Сухтелена является академикъ Федоръ Ивановичъ Шубертъ (*).

На него Сухтеленъ возложилъ подготовку офицеровъ квартирмейстерской части къ геодезическимъ работамъ. Для этого, съ 1802 года, назначаемы были офицеры обучаться астрономіи у академика Шуберта, и съ 1802 по 1805 г. перебывали въ этомъ курсѣ: полковникъ Довре, маіоръ Фридерици, капитанъ Нейдгартъ 2-й, поручики: Теслевъ 1-й и 2-й, подпоручики: Темперъ, Ивановъ, Гартингъ. Независимо отъ этихъ лицъ, астрономъ Шубертъ подготовилъ въ своемъ сынѣ отличнаго математика и геодезиста. Молодой Шубертъ (Федоръ Федоровичъ), служившій потомъ съ отличіемъ въ генеральномъ штабѣ, получилъ прочное домашнее образованіе, основанное исключительно на изученіи языковъ и математики. На одиннадцатомъ году жизни (въ 1800 году), онъ отданъ былъ въ школу св. Петра, но бойкость его и пылкая воспріимчивость плохо уживались съ школьнымъ педантствомъ, тѣмъ болѣе, что по своимъ познаніямъ и особенно по развитію онъ рѣзко выдѣлялся изъ толпы своихъ сотоварищей. Вслѣдствіе того, отецъ предпочелъ взять его, въ 1803 году, изъ четвертаго класа школы и опредѣлить на службу въ колоновожатые; жизнь, собственные труды и частыя командировки докончили затѣмъ его образованіе.

Въ командировкахъ же и въ служебныхъ занятіяхъ не было недостатка; въ зиму 1803 — 1804 г., колоновожатый Шубертъ посланъ былъ съ поручикомъ Теслевымъ 2-мъ въ Полоцкъ, для

(*) Сынъ профессора теологіи въ Гельмштедтѣ, Федоръ Шубертъ воспитывался въ гётингенскомъ университетѣ, готовясь быть пасторомъ; не получивъ однако мѣста по духовному вѣдомству, Шубертъ поступилъ гувернеромъ и управляющимъ къ богатому помѣщику въ Германіи; здѣсь онъ сталъ изучать математику и вскорѣ пристрастился къ ней. Желая составить себѣ карьеру, Шубертъ переселился, въ 1783 году, въ Россію, гдѣ сперва занималъ скромное мѣсто землемѣра въ Ревелѣ, а затѣмъ, вступивъ въ сношенія съ петербургскою академіею наукъ, гдѣ въ то время сіяли Гмелинъ, оба брата Бернульи, Леонардъ Эйлеръ, Бильфингеръ, обратилъ на себя вниманіе своими глубокими познаніями и получилъ при академіи мѣсто сперва адъюнкта, а вскорѣ и професора. Дѣятельность Шуберта отличается чисто практическимъ направленіемъ: кромѣ многихъ астрономическихъ сочиненій, онъ издавалъ ежегодный академическій мѣсяцесловъ, былъ редакторомъ нѣмецкихъ академическихъ вѣдомостей, составлялъ ежегодно для флотскихъ офицеровъ астрономическія таблицы, подъ названіемъ «Морской мѣсяцесловъ»; по его планамъ были устроены обсерваторіи въ Николаевѣ и Кронштадтѣ; онъ же завѣдывалъ академическою обсерваторіею, библіотекою и мюнцъ-кабинетомъ.

наблюденія тамъ солнечнаго затмѣнія и опредѣленія долготы и широты Полоцка. Это была первая астрономическая экспедиція, предпринятая по новой методѣ, предложенной астрономомъ Шубертомъ (*). За эту экспедицію молодой Шубертъ произведенъ былъ въ подпоручики Свиты по квартирмейстерской части, на 15-мъ году отъ роду, и вслѣдъ затѣмъ, опять командированъ съ тѣмъ же Теслевымъ для опредѣленія астрономическаго положенія пунктовъ па восточномъ и южномъ берегахъ Бѣлаго моря, Онежскаго и Ладожскаго озеръ, въ мѣстностяхъ, вовсе неизвѣстныхъ до того времени. Это были первыя пріобрѣтенія, сдѣланныя Ф. Ф. Шубертомъ для географіи Россіи и служившія къ пополненію столистовой карты, такъ какъ при этомъ опредѣлены были долготы и широты городовъ: Сердоболя, Онеги, Архангельска, Вытегры, Кеми и монастырей: Сердобольскаго и Никольскаго. Въ послѣдующіе затѣмъ три года, еще нѣсколько офицеровъ (Теслевъ 1-й, 2-й и 3-й, Шубертъ, колоновожатый Вейраухъ) сдѣлали опредѣленія пунктовъ по берегамъ Финскаго и Рижскаго заливовъ; тогда же состоялась обильная своими результатами астрономическая экспедиція, сопровождавшая посольство Головкина въ Китай. На этой экспедиціи, служащей какъ бы практическимъ продолженіемъ астрономическихъ чтеній Ф. И. Шуберта, мы и остановимся.

Подготовку всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ для ученой экспедиціи, долженствовавшей сопровождать посольство Головкина, Сухтеленъ возложилъ на подпоручика Теннера, знакомаго уже съ Азіятскою Россіею по своимъ занятіямъ съ графомъ Мантейфелемъ; въ помощь ему былъ приданъ колоновожатый Шильдеръ (**). За отличное исполненіе этого порученія, Теннеръ былъ назначенъ также въ посольство.

Собственно астрономическая часть посольства состояла въ вѣдѣніи професора Ф. И. Шуберта изъ слѣдующихъ офицеровъ квартирмейстерской части: полковника Довре, капитана Теслева 1-го, поручиковъ: Иванова и Богдановича, подпоручиковъ: Теннера и Шуберта, и колоновожатаго Мошинскаго.

Выѣхавъ, весною 1805 г., изъ Петербурга, посольство достигло Кяхты въ октябрѣ мѣсяцѣ, сдѣлавъ всего 6,228 верстъ. Занятія квартирмейстерскихъ офицеровъ начались только отъ Перми, и за-

(*) Новая метода эта изложена въ особомъ руководствѣ для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ (Anleitung zu der astronomischen Bestimmung der Länge und Breite), выдержавшемъ съ 1801 по 1818 годъ три нѣмецкихъ и два русскихъ изданія.

(**) Извѣстный впослѣдствіи инженеръ-генералъ.

ключались въ томъ, что астрономъ Шубертъ и капитанъ Теслевъ опредѣляли широты и долготы всѣхъ попутныхъ городовъ, подпоручикъ Шубертъ велъ астрономическій дневникъ, а остальные офицеры сняли глазомѣрно весь путь отъ Перми до Кяхты, въ масштабѣ двухъ верстъ въ дюймѣ, употребляя для того ручной планшетъ, безъ штатива, съ бусолью. Всего на этомъ пути было опредѣлено 10 астрономическихъ пунктовъ. Затѣмъ, при возвращеніи посольства изъ Китая, Теслеву, Иванову, Богдановичу и Тепперу было поручено снять глазомѣрно Нерчинскій округъ и всю китайскую границу, на востокъ до Амура, а на западъ до Омска. При этомъ пройдено было маршрутами до 6,022 верстъ, сняты планы многихъ городовъ и горныхъ заводовъ, а капитанъ Теслевъ опредѣлилъ положеніе еще десяти пунктовъ въ Забайкальѣ.

Вся эта работа, продолжавшаяся два года (до января 1807 г.), дала обильный матеріалъ для знакомства съ южной частью Сибири.

Такимъ образомъ, астрономическія занятія офицеровъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, доставили матеріалъ для нашей картографіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и подготовили опытныхъ геодезистовъ для послѣдующихъ работъ, установившихся у насъ по окончаніи войнъ съ Наполеономъ.

Что же касается до съемокъ, то во время вступленія Сухтелена въ должность генералъ-квартирмейстера производилась, начатая, какъ извѣстно, еще въ 1796 году, съемка Старой Финляндіи, т. е. нынѣшней Выборгской губерніи. Съемка эта кончена въ 1804 году; произведена она исключительно трудами офицеровъ квартирмейстерской части, подъ руководствомъ полковника Штейнгеля, произведеннаго въ генералъ-маіоры въ 1798 году. Всего было снято 36,000 квадратныхъ верстъ, большею частію мензулою, въ одноверстномъ масштабѣ; горы оттушованы кистью. На этой съемкѣ почти исключительно участвовали офицеры екатерининскаго генеральнаго штаба (*), и работы ихъ отличаются точностью и особо тщательною отдѣлкою.

По примѣру этой съемки, Сухтеленомъ предпринятъ былъ рядъ

(*) Въ «Историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ», изданномъ по случаю 50-ти лѣтняго юбилея этого корпуса, приводится, что на финляндской съемкѣ, подъ руководствомъ Штейнгеля, участвовало всего 11 офицеровъ квартирмейстерской части, а именно: подполковникъ Штегеманъ, маіоры—Стуббе, Бергъ, Ридигеръ и Нейдгартъ, капитанъ Ширенгеръ, поручики Теслевъ 1-й и 2-й, Бракманъ и Гозіусъ и подпоручикъ Кориловичъ. Но независимо отъ этихъ лицъ, составлявшихъ какъ бы постоянный кадръ финляндской съемки, время отъ времени были къ ней прикомандировываемы и многіе другіе офицеры.

другихъ подобныхъ работъ, подъ общимъ названіемъ топографическихъ съемокъ, которыя, однако, производились безъ заранѣе опредѣленныхъ тригонометрическихъ пунктовъ. Всего въ періодъ съ 1802 по 1810 годъ произведены были слѣдующія съемки:

	Квадр. верстъ.
Эстляндіи съ прилежащими островами, съ 1802 по 1804 годъ.	15,900
Волынской губерніи, съ 1802 по 1806 годъ . .	40,000
Подоліи съ Очаковскою степью, съ 1803 по 1810 г.	59,900
Частей губерній Петербургской, Новгородской и Олонецкой, съ 1805 по 1810 годъ	36,400
Лифляндіи, съ 1806 по 1811 годъ	40,000
Итого . .	192,200

Независимо отъ того, въ концѣ 1801 года командированы были на кавказскую линію, для изслѣдованія Кавказскихъ горъ, полковникъ Дрепякинъ и подпоручикъ Розье; а въ 1803 году, по требованію министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, отправлено было еще десять офицеровъ квартирмейстерской части для составленія карты Грузіи, причемъ на нихъ было возложено и камеральное описаніе края. Послѣ же абоскаго мира, въ 1809 году, приступлено было къ обширной съемкѣ вновь пріобрѣтенной Финляндіи, которая должна была охватить пространство въ 275,000 квадратныхъ верстъ.

На всѣ эти работы, разновременно, по представленіямъ Сухтелена, было выдано до 172,000 рублей, причемъ отпускъ суммъ на съемки постоянно возрасталъ; такъ, на 1802 годъ всего было асигновано только 2,267 руб. 40 коп., но съ 1805 г. отпускъ этотъ ежегодно простирался уже до 4½, а съ 1808 года до 38,000.

Рабочими и руководителями на этихъ съемкахъ почти исключительно были офицеры квартирмейстерской части, встрѣчавшіе однако въ своихъ занятіяхъ громадныя затрудненія. Всего, въ теченіе разсматриваемаго десятилѣтняго періода, перебывало на означенныхъ съемкахъ до 450 съемщиковъ, но въ отдѣльные годы число ихъ не превышало 65. Какъ начальствующія лица, такъ и производители съемокъ безпрерывно мѣнялись, будучи отвлекаемы другими занятіями, особенно послѣ 1805 года, когда войны, въ которыхъ участвовала Россія, почти не прерывались. Не считая съемки Старой Финляндіи, которая вся была произведена подъ руководствомъ Штейнгеля, изъ остальныхъ только одна лифляндская съемка была начата и кончена подъ вѣдѣніемъ одного и того же лица, полковника Гарпе, которому

принадлежитъ и честь окончанія съемки Эстляндіи; всѣ же прочіе руководители отдѣльныхъ съемокъ безпрерывно мѣнялись.

Такъ, волынская съемка начата генераломъ Вистицкимъ 2-мъ (Михаиломъ), а кончена генераломъ Мухинымъ; подольскою завѣдывали, поочередно, полковникъ Хоментовскій и баронъ Клотъ-фонъ-Юргенсбургъ, а кончилъ ее также Мухинъ. На петербургской съемкѣ было, послѣдовательно, также три начальника, генералы: Штейнгель и Медеръ и полковникъ Штегеманъ. На съемкѣ Грузіи, начальники мѣнялись пять разъ; ею завѣдывали попеременно: полковники Древнякинъ и Тихановъ, маіоръ Матушевичъ, потомъ опять Древнякинъ, и наконецъ генералъ-лейтенантъ маркизъ Паулуччи, при которомъ Древнякинъ былъ простымъ съемщикомъ. На съемкѣ Новой Финляндіи, разными отдѣлами ея, поперемѣнно завѣдывали до 1811 г. слѣдующія лица: генералъ-маіоры Бергъ и Адеркасъ, полковники Штегеманъ, Фридерици и баронъ Тейль, маіоры: Эбергардъ и Нейдгартъ.

Производители работъ тоже долго не заживались на мѣстахъ; ни одинъ изъ нихъ не пробылъ цѣлаго десятилѣтія; наибольшая часть оставалась на съемкахъ годъ и менѣе, и только двое пробыли по восьми лѣтъ; то были: подпоручикъ Розье, находившійся съ 1803 года на съемкѣ Грузіи и дослужившійся тамъ до чина капитана, и колоновожатый Геннеманъ, поступившій въ 1803 году на волынскую съемку и выбывшій въ 1810 году съ подольской, въ чинѣ капитана.

При недостаточности числа съемщиковъ, при ихъ постоянныхъ перемѣщеніяхъ, работы должны были еще не мало страдать отъ недостатка инструментовъ и прислуги. Болѣе другихъ были снабжены ими петербургская и финляндская съемки, но на остальныхъ существовала полнѣйшая бѣдность инструментами; астролябія была наиболѣе употребительнымъ инструментомъ, но и она имѣлась не вездѣ въ достаточномъ по числу съемщиковъ количествѣ экземпляровъ; мензулы были въ самомъ ограниченномъ числѣ, а на нѣкоторыхъ съемкахъ ихъ вовсе не было. Для примѣра можно указать, что на близкой къ столицѣ лифляндской съемкѣ, въ 1805 году, при 15 съемщикахъ было: астролябій восемь, мензулъ двѣ, цѣпей 10, готовалень двѣ и магнитъ одинъ; послѣ того неудивительно, что въ отдаленной Грузіи было всего на съемкѣ въ 1803 году, при 14 съемщикахъ: двѣ астролябіи, одна мензула, одна бусоль, одна готовальня и пять цѣпей. Нижними чинами для прислуги также не щедро снабжались тогдашніе съемщики: рѣдко бывало по два человѣка на съемщика,

чаще же менѣе, чѣмъ по одному рядовому на каждаго съемщика; бывали годы, на съемкѣ въ Грузіи, когда вовсе не назначалось нижнихъ чиновъ.

При такомъ положеніи съемочныхъ работъ, нельзя не удивляться тому, чтó было сдѣлано, такъ какъ все-таки исполнено было очень многое и, не смотря на многія неточности въ работахъ, нельзя не признать, что нѣкоторыя съемки, принимая во вниманіе тогдашнее состояніе этого дѣла и у насъ, и въ западной Европѣ, были произведены вполнѣ удовлетворительно. Съемки эти дали обильный матеріалъ для, такъ называемой, столистовой карты, которая была у насъ въ употребленіи почти до сороковыхъ годовъ, а что еще важнѣе, эти съемки послужили практическою школою, въ которой выработался правильный взглядъ на этого рода занятія, образовались руководители тѣхъ обширныхъ топографическихъ работъ, которыя были предприняты при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, послѣ возвращенія нашихъ войскъ изъ Франціи.

Независимо отъ большихъ, такъ называемыхъ, государственныхъ съемокъ, производились въ разсматриваемомъ нами періодѣ и многія другія, по иниціативѣ отдѣльныхъ учрежденій, безъ внутренней между собою связи и назначаемыя къ удовлетворенію потребности минуты.

Такъ, многіе офицеры были командируемы по временамъ для съемки мѣстъ, гдѣ производились сборы войскъ, а именно: въ окрестностяхъ Москвы, Харькова, Ольвіополя, Чернигова; въ окрестностяхъ Петергофа и Ораніенбаума дѣлались съемки для маневровъ; были, наконецъ, снимаемы маршруты при разныхъ командировкахъ. Изъ числа этого рода работъ, кромѣ съемокъ, произведенныхъ экспедиціей, сопровождавшей посольство графа Головкина въ Китай, можно указать еще на слѣдующія:

1) Съемка Киргизъ-кайсацкихъ степей, произведенная въ 1803 и 1804 г. командированнымъ по особому порученію поручикомъ Гавердовскимъ, въ сопровожденіи колоновожатыхъ Богдановича и Иванова; имѣя всего конвой изъ 27 казаковъ, съемщики эти не дошли перехода на два до Сыръ-дарьи, и не смотря на то, что имъ приходилось отбиваться отъ многочисленныхъ партій кочевниковъ, они, тѣмъ не менѣе, изслѣдовали значительное пространство степи. Представленное Гавердовскимъ описаніе степи, съ картою въ масштабѣ $\frac{1}{1,310,000}$ и съ пятнадцатью видами, предполагалось было издать въ 1811 году, но предпріятіе это было остановлено ходомъ политическихъ событій.

2) Съемка Петербургской губерніи, произведенная въ 1800—

1802 году подполковникомъ Хоментовскимъ и полковникомъ Адеркасомъ.

3) Въ 1809 году, первый опытъ тригонометрической съемки города Петербурга, въ которой участвовали поручикъ Теннеръ, подпоручикъ Дистъ и чиновникъ Пансперъ.

4) Въ концѣ же 1809 года, полковникъ Гаюсъ, находившійся въ Корфу, представилъ ситуаціонный планъ этого острова и планы крѣпостей Корфу, св. Мавра и Гаэты; работа эта была начата еще въ 1803 году полковникомъ квартирмейстерской же части Попандопуло.

5) Въ 1810 году, снята граница Тарнопольскаго округа съ Австріею.

6) Полковнику Буцковскому поручено было сдѣлать военно-топографическое описаніе Кавказской губерніи и линіи.

Весною 1809 года, семь офицеровъ квартирмейстерской части (*) были командированы для осмотра военныхъ дорогъ въ нашемъ западномъ пограничномъ пространствѣ, причемъ на нихъ было возложено осмотрѣть дороги и особенно деревни, для ночлеговъ и растаговъ, и для назначенія сборныхъ мѣстъ при каждой станціи, въ раіонѣ 30 верстъ. Изъ предписанія военнаго министра, графа Аракчеева, относительно этой командировки видно (**), что назначеннымъ семи офицерамъ указано сдѣлать всего 25,328 верстъ, причемъ на разъѣзды имъ опредѣлено было выдать полуторныя прогонныя деньги, всего въ размѣрѣ 2,600 руб. Командировка эта, очевидно, имѣла связь съ составлявшеюся въ то время маршрутною картою, исполненіе которой было возложено, въ 1806 году, на маіора Хатова и вызвано совершеннымъ недостаткомъ дорожныхъ картъ, проявившимся особенно ощутительно при движеніи нашихъ войскъ за-границу въ 1805 году. Такимъ образомъ, съемки и черченіе картъ и плановъ составляли преимущественныя и, можно сказать, почти исключительныя занятія офицеровъ квартирмейстерской части, въ особенности въ первые четыре года управленія генерала Сухтелена; къ войскамъ же они вовсе не были назначаемы, кромѣ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ. Такъ, къ 1-му іюля 1805 года, офицеры Свиты были распредѣлены по нижеслѣдующему (***):

(*) Полковникъ Емельяновъ, маіоръ Гавердовскій, капитанъ Фитингофъ, штабсъ-капитанъ Тарасовъ, поручики: Поренсовъ, Згуромали и Пягинъ.

(**) Секретный архивъ канцеляріи военнаго министерства 1808 года, дѣло № 74.

(***) Донесеніе генералъ-квартирмейстера, инженеръ-генерала фонъ-Сухтелена, въ инспекторскую экспедицію военной коллегіи отъ 1-го іюля 1805 года, Арх. В. М. въ Москвѣ.

	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Колоновожатыхъ.
При депо	3	18	19	36
На съемкахъ	2	15	34	17
При кавказской инспекціи и въ Грузіи	—	5	3	—
Въ Оренбургѣ.	—	1	2	—
При посольствахъ въ Китай и Японію.	—	2	5	1
Въ Корфу.	—	—	2	1
Въ разныхъ командировкахъ, внѣ прямой службы квартирмейстерской части	—	3	1	5
Итого .	5	44	66	60

При депо офицеры занимались почти исключительно картографическими работами и только изрѣдка были командируемы въ мѣста, гдѣ предполагались сборы войскъ; но и при этихъ командировкахъ роль чиновъ квартирмейстерской части ограничивалась только одпѣми съемками; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы они принимали непосредственное участіе въ занятіяхъ войскъ. За это время, даже составленіе при войскахъ дислокаціи возлагалось непосредственно на самыя части войскъ, и отчетность въ ихъ квартирномъ расположеніи сосредоточивалась не въ управленіи генералъ-квартирмейстера, а въ инспекторской экспедиціи военной колегіи. Такъ, въ 1804 году предписывалось, чтобы командиры полковъ и отдѣльныхъ баталіоновъ доставляли въ эту экспедицію, къ 1-му января и къ 1-му іюля, подробныя вѣдомости о квартирномъ расположеніи, съ показаніемъ штабъ-квартиръ, а также селеній, въ которыхъ расположены роты и эскадроны, и съ обозначеніемъ разстоянія этихъ пунктовъ отъ штабъ-квартиръ. Всѣ этого рода свѣдѣнія, только въ случаѣ надобности, передавались изъ инспекторской экспедиціи въ вѣдѣніе генералъ-квартирмейстера.

Объ участіи офицеровъ квартирмейстерской части въ маневрахъ, сохранилось только одно извѣстіе, именно относительно маневровъ, происходившихъ въ 1803 и 1804 годахъ, въ окрестностяхъ Петербурга (*).

Въ 1803 году, маневры эти происходили въ окрестностяхъ Краснаго Села, причемъ одною стороною командовалъ генералъ-отъ-кавалеріи Михельсонъ, а другою—престарѣлый фельдмаршалъ графъ Ка-

(*) Bernhardi. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Gr. von Toll.

менскій, считавшійся въ то время прекраснымъ тактикомъ; у послѣдняго въ должности генералъ-квартирмейстера состоялъ молодой маіоръ Толь, назначенный къ этому дѣлу, какъ человѣкъ боевой, участвовавшій въ кампаніи, знавшій войска, между тѣмъ какъ многіе старшіе офицеры отказывались отъ участія въ маневрахъ, отговариваясь прямо незнаніемъ этого дѣла.

Въ 1804 году маневры были повторены въ окрестностяхъ Петергофа, причемъ главнымъ руководителемъ ихъ назначенъ былъ 29-ти-лѣтній любимецъ Императора Александра, генералъ-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, которому суждено было играть современемъ столь важную роль въ судьбѣ генеральнаго штаба. Помощникомъ себѣ въ новомъ для него дѣлѣ князь Волконскій избралъ маіора Толя, а послѣдній пригласилъ къ участію въ маневрахъ двухъ капитановъ квартирмейстерской части—Хатова и Селявина. Это было первое знакомство князя Волконскаго съ этими офицерами, которые впослѣдствіи служили ему дѣятельными помощниками въ дѣлѣ преобразованія квартирмейстерской части.

По словамъ Бернгарди, князь Волконскій во всемъ полагался на Толя, предоставивъ ему полную свободу въ распоряженіяхъ относительно маневровъ и, какъ видно, распоряженія эти удостоились Высочайшаго одобренія Государя Императора, такъ какъ Толю за участіе его въ маневрахъ былъ пожалованъ бриліантовый перстень.

Полное разъединеніе въ мирное время офицеровъ квартирмейстерской части съ войсками должно было неизбѣжно отразиться крайне неблагопріятно въ военное время. Война 1805 года не замедлила это высказать. При движеніи Кутузова съ 46,000-мъ корпусомъ на помощь Австріи, при немъ назначенъ былъ въ должность генералъ-квартирмейстера генералъ-маіоръ Герардъ, а въ его распоряженіе семь штабъ и оберъ-офицеровъ Свиты по квартирмейстерской части и три колоповожатыхъ (*). Почти всѣ назначенные въ этотъ корпусъ квартирмейстерскіе офицеры дѣлали уже кампанію 1799 года, хотя самъ начальникъ ихъ былъ болѣе извѣстенъ своими гидротехническими, чѣмъ боевыми заслугами. Начавъ службу еще при Баурѣ и будучи принятъ прямо подпоручикомъ въ генеральный штабъ (въ 1776 году) изъ архитекторовъ адмиралтейской коллегіи, Логинъ Ивановичъ Герардъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ царскосельскаго парка, старорусскихъ государственныхъ соляныхъ заводовъ, мыти-

(*) Подполковникъ Энгельманъ, маіоры: Тангъ и Нейдгартъ (Павелъ), капитанъ Коноваловъ, подпоручики: Сазоновъ, Бурнашевъ 1-й, Іонъ, колоновожатые: Гудовичъ, Боровскій и Шильдеръ.

щенскаго водопровода въ Москвѣ, наконецъ, въ постройкѣ рижской гавани, но до 1799 года вовсе не находился при войскахъ, съ которыми впервые познакомился въ итальянско-швейцарскомъ походѣ Суворова, во время котораго онъ состоялъ при корпусѣ Ребиндера.

Человѣкъ, безспорно, высоко образованный, Герардъ далеко не былъ военнымъ. Впрочемъ, со вступленіемъ нашихъ войскъ въ Австрію, его значеніе должно было неизбѣжно изгладиться, такъ какъ къ Кутузову назначенъ былъ австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Шмитъ, пользовавшійся высокимъ уваженіемъ въ Австріи, и облеченный неограниченною довѣренностію императора Франца. Къ сожалѣнію, служба Шмита при русскихъ войскахъ была непродолжительна, такъ какъ онъ палъ отъ непріятельскихъ пуль, ведя русскую колонну подъ Кремсомъ (30-го октября). Его мѣсто занялъ ученый математикъ Вейротеръ, который былъ извѣстенъ уже русскимъ по кампаніи 1799 года, когда онъ состоялъ при Суворовѣ. Послѣднее обстоятельство усиливало, конечно, его авторитетъ и возвысило его въ глазахъ Императора Александра, прибывшаго къ арміи вскорѣ послѣ дѣла при Кремсѣ. Это было тѣмъ опаснѣе, что Вейротеръ вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ всѣхъ русско-австрійскихъ армій, соединенныхъ подъ начальствомъ Кутузова. Хотя при русскихъ войскахъ, собиравшихся у Ольмюца, кромѣ Герарда, находился еще квартирмейстерской части генералъ-маіоръ Штейнгель, и даже начальникъ этой части, Сухтеленъ, по предпочтеніе отдано было австрійскому генералъ-квартирмейстеру, отчасти вслѣдствіе надежды на знаніе имъ мѣстности и на его способности, а быть можетъ и для того, чтобы ввести австрійца въ составъ главной квартиры Кутузова, при которомъ первенствующую должность дежурнаго генерала занялъ генералъ-адъютантъ князь Волконскій, взявшій къ себѣ въ начальники канцеляріи извѣстнаго уже ему квартирмейстерской части маіора Толя.

Слѣдуетъ припомнить, что кампанія 1805 года была первою войною, въ которой русскимъ войскамъ предстояло встрѣтиться съ военнымъ геніемъ Наполеона, въ которой, притомъ же, имъ приходилось дѣйствовать въ большихъ массахъ, какихъ до тѣхъ поръ Россія никогда не выставляла ни на одномъ театрѣ войны. Наши штабы непривычны были къ управленію столь большими силами, каковыми представлялись союзныя войска, собранныя у Ольмюца (82,000 человѣкъ).

Управленіе этой массой тѣмъ болѣе было затруднительно, что она не распредѣлялась на корпуса и дивизіи, а смотря по надобности,

дѣлилась или на колонны, или же для нея устанавливался особый «ordre de bataille», въ которомъ назначались: авангардъ, первая и вторая линіи и резервъ. Австрійцы же имѣли уже практику въ дѣлѣ управленія подобными массами, и ихъ генеральный штабъ, какъ бы щеголялъ именно тѣмъ, чтобы систематически распредѣлять войска по разнымъ отдѣламъ арміи.

Въ противуположность тому основному принципу, что всѣ военныя операціи должны, прежде всего, отличаться простотою, офицеры австрійскаго генеральнаго штаба, напротивъ, считали главнымъ достоинствомъ военныхъ соображеній ихъ сложность: смѣшивать и разводить войска, подобно тому, какъ хорошій игрокъ тасуетъ карты и затѣмъ выводитъ изъ нихъ игру, считалось верхомъ военной мудрости. Наши квартирмейстерскіе офицеры считали себя въ этомъ профанами и удивлялись искуству австрійцевъ въ дѣлѣ распредѣленія войскъ (*).

Но вскорѣ наступило разочарованіе: вслѣдствіе сложности распоряженій, замедлялась отдача приказаній и еще болѣе затруднялось ихъ исполненіе. При движеніи отъ Ольмюца къ Аустерлицу, распоряженія Вейротера выказались во всей ихъ непрактичности. Переходы были невелики, но, по словамъ Ермолова, распредѣлены такимъ непонятнымъ образомъ, что рѣдко войска оканчивали ихъ скорѣе 10-ти или 12-ти часовъ; всѣ колонны непремѣнно пересѣкали другъ друга, и то по нѣсколько даже разъ, что вызывало только напрасную трату времени (**).

Теоретическое направленіе австрійскаго генеральнаго штаба болѣе всего выказалось, какъ извѣстно, подъ Аустерлицомъ, гдѣ и пришлось за это сильно поплатиться. Оказалось, что штабъ нашей арміи не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, и уже по этому самому впалъ въ ошибку. Вейротеръ, хвалившійся тѣмъ, что, маневрировавъ въ минувшемъ году, между Брюнномъ и Аустерлицемъ, знаетъ подробно мѣстность, гдѣ предположено было дать сраженіе, составилъ диспозицію, которая, по выраженію Ермолова, «болѣе похожа была на топографическое описаніе брюнскаго округа, нежели на начертаніе порядка, пріуготовляющаго цѣлую армію къ бою». Къ тому же диспозиція составлена была на нѣмецкомъ языкѣ и передана князю Волконскому очень поздно; цѣлую ночь маіоръ Толь занимался переводомъ ея на русскій языкъ, и лишь къ шести часамъ утра она была доставлена въ войска, а между тѣмъ, движеніе должно было на-

(*) Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Gr. von Toll.
(**) Записки Ермолова, часть I, стр. 32.

чаться въ семь часовъ. Диспозиція была на нѣсколькихъ листахъ, наполнена трудными названіями озеръ, рѣкъ, долинъ и возвышенностей; все въ ней было такъ запутано, что ни запомнить, ни понять не было никакой возможности. Списывать же ее въ войскахъ, по свидѣтельству Ермолова, не позволялось, потому, что надобно было успѣть прочитать ее многимъ начальникамъ, а между тѣмъ, диспозиція имѣлась лишь въ маломъ числѣ экземпляровъ (*).

Послѣдствія этихъ распоряженій слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться. Неудачи войны 1805 года вызвали со стороны нашего правительства рядъ реформъ въ организаціи русской арміи, не затронувшихъ, однако, квартирмейстерской и вообще штабной службы. А между тѣмъ, въ реформахъ по этой части особенно чувствовалась надобность. Безпорядки, происходившіе на театрѣ войны, нерѣдко повторялись и при передвиженіяхъ мирнаго времени, внутри Имперіи; люди свѣдующіе приписывали ихъ прямо генеральному штабу, и жаловались на его неустройство. Такъ, въ дневникѣ генералъ-маіора Барклая-де-Толли, бывшаго, въ то время, командиромъ 3-го егерскаго полка, находимъ жалобы, что вновь послѣдовавшая дислокація (въ августѣ 1805 года), составленная съ цѣлію доставить войскамъ болѣе удобствъ и облегчить постойную повинность, влекла за собою большіе безпорядки: во многія мѣстности вступали войска двухъ и трехъ разныхъ частей, что порождало излишнія хлопоты и переписку. Конечно, это было слѣдствіемъ невѣрности картъ и небрежности работы штабныхъ чиновъ. При этомъ Барклай-де-Толли высказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «желалъ бы, чтобы Государь не пожалѣлъ издержекъ на приведеніе генеральнаго штаба, этой важной отрасли арміи, въ болѣе цвѣтущее состояніе, и для пополненія его способными и дѣятельными людьми. Можно бы найти ихъ въ нашей арміи въ достаточномъ числѣ, стоитъ только дать себѣ трудъ поискать ихъ: истинное достоинство не навязывается» (**).

Слова замѣчательныя, какъ вышедшія изъ подъ пера будущаго военнаго министра, которому и удалось сдѣлать очень многое для правильнаго устройства штабовъ и, вообще, службы генеральнаго штаба.

Аустерлицъ, какъ извѣстно, возбудилъ въ нашемъ обществѣ и въ арміи, непривычной къ пораженіямъ, патріотическое воодушевленіе и желаніе загладить понесенныя неудачи.

(*) Записки Ермолова, т. I.

(**) Собственноручныя записки Барклая-де-Толли, обязательно сообщенныя Свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Ѳ. И. Веймарномъ.

Подъ впечатлѣніемъ этого воодушевленія зародилось первое стремленіе между нашими офицерами къ развитію и расширенію своего образованія. Появленіе около того же времени ученаго сочиненія Жомини, въ которомъ не только изучались дѣйствія Фридриха Великаго, но и сравнивались съ таковыми же Наполеона I (*), не мало способствовало удовлетворенію этого стремленія. Мастерское изложеніе военныхъ операцій, ясность и привлекательность слога сдѣлали у насъ изъ Жомини моднаго военнаго писателя, съ самыхъ первыхъ шаговъ его на военнолитературномъ поприщѣ. Изученію его отдались съ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ вообще у насъ набрасываются на каждую новинку; конечно, это увлеченіе не могло оставаться безъ послѣдствій, если не для массы нашего военнаго общества того времени, то, по крайней мѣрѣ, для отдѣльныхъ личностей. Не входя въ гадательныя изслѣдованія того, на сколько изученіе Жомини повліяло на личное развитіе офицеровъ квартирмейстерской части, можемъ смѣло указать, что оно возбудило въ ихъ средѣ стремленіе къ критической оцѣнкѣ военныхъ дѣйствій, дало образцы для военныхъ писателей, образовавшихся впослѣдствіи (**).

Указывая на начало вліянія на наше общество сочиненій Жомини, надо, однако, сознаться, что вліяніе это могло вполнѣ выказаться лишь современемъ, а никакъ не на первыхъ же порахъ. Этому наиболѣе препятствовали непрерывныя войны, слѣдовавшія за 1805 годомъ: не говоря уже о Закавказьи, гдѣ военныя дѣйствія не прерывались съ 1803 года, Россія вела на Дунаѣ борьбу съ Турціею съ 1806 по 1812 годъ, съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 годахъ, съ Швеціею въ 1808—1809 годахъ. Всѣ эти войны, хотя и доставляли нашей арміи, а въ томъ числѣ и Свитѣ по квартирмейстерской части, обильную боевую практику, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудняли служащимъ въ этомъ вѣдомствѣ научныя занятія.

Къ началу кампаніи 1806—1807 годовъ, русская армія является уже въ болѣе устроенномъ видѣ, чѣмъ въ 1805 году: она уже раздѣлена на дивизіи, которыя, впрочемъ, правильнѣе было бы называть корпусами, такъ какъ въ каждой изъ нихъ было отъ 6—8 полковъ пѣхоты и по три полка кавалеріи, съ соотвѣтственнымъ числомъ артилеріи и казаковъ.

Однако, въ дѣлѣ устройства штабовъ встрѣчаемъ прежнюю неопре-

(*) Первое сочиненіе Жомини: «Traité des grandes opérations militaires», въ которомъ изъ дѣйствій Фридриха Великаго и Наполеона выводятся правила высшаго военнаго искуства, появилось въ 1805 году, а въ 1806 году уже было издано извлеченіе изъ него на русскомъ языкѣ.

(**) Bernhardi.

дѣлительность; штабы остаются не управленіями частей войскъ, а полною собственностію командующихъ начальниковъ; поэтому-то въ этихъ штабахъ главную роль играютъ чины дежурства и адъютанты, какъ лица, избираемыя самими начальниками войскъ и вполнѣ отъ нихъ зависящія; квартирмейстерскіе же чины, назначенные распоряженіемъ генералъ-квартирмейстера, являются какими-то временными чиновниками штабныхъ учрежденій, лицами, какъ бы навязанными частнымъ начальникамъ, или приставленными къ нимъ; отсюда естественный поводъ къ разрозненности между штабными чинами, между дежурствомъ и квартирмейстерской частію, причемъ, разумѣется расположеніе высшихъ начальниковъ должно было клониться на сторону первыхъ.

О томъ, какъ именно были распредѣлены офицеры квартирмейстерской части по дивизіямъ, въ арміяхъ Буксгевдена и Беннигсена, не осталось никакихъ извѣстій; изъ отдѣльныхъ указаній видно только, что съ назначеніемъ фельдмаршала Каменскаго главнокомандующимъ, такъ называемою, *заграничною* арміею, генералъ-квартирмейстеромъ этой арміи былъ назначенъ генералъ-маіоръ Штейнгель, столь извѣстный по своей финляндской съемкѣ; онъ же сохранилъ это званіе и при Беннигсенѣ, до самаго конца кампаніи, или вѣрнѣе говоря, до сраженія подъ Фридландомъ, гдѣ, вслѣдствіе контузіи, ему пришлось передать свою должность старшему въ чинѣ офицеру квартирмейстерской части, полковнику Адеркасу.

По отзывамъ современниковъ, Штейнгель, будучи хорошимъ съемщикомъ и чертежникомъ, въ то же время былъ и чисто боевымъ офицеромъ: хладнокровный подъ огнемъ, дѣятельный, рѣшительный, чуждый всякихъ интригъ, вполнѣ честный, правдивый человѣкъ, онъ былъ любимъ подчиненными, уважаемъ начальниками. Сближенію его съ подчиненными не мало способствовала тогдашняя простота всего административнаго организма арміи: всѣ офицеры квартирмейстерской части, состоявшіе при главной квартирѣ, обыкновенно располагались вмѣстѣ съ своимъ генералъ-квартирмейстеромъ, постоянно находились при немъ, получая непосредственно отъ него, словесно, всѣ приказанія; сложныя переписки тогда еще не существовали и во всей штабной дѣятельности господствовала поразительная простота (*).

Въ вѣдѣніи Штейнгеля встрѣчаемъ, по большей части, бывшихъ его сотрудниковъ по финляндской съемкѣ, какъ-то, полковниковъ: Берга (Бурхарда), Адеркаса, Вистицкаго 3-го, подполковниковъ: Эйхе-

(*) Рукописныя записки генерала Ф. Ф. Шуберта.

на 1-го и 2-го, Фредерици, Корниловича, Кочетова, Соснина, капитана Эбергарда, а также многихъ молодыхъ офицеровъ: поручика Фитингофа, подпоручиковъ: Теппера, Шуберта, Бурнашева 1-го, Гельфрейха, Насакина, Бартоломея, и др.

Кампанія 1806 — 1807 годовъ, испорченная, такъ сказать, съ самыхъ первыхъ дней ея, двоеначаліемъ, слабостію и неспособностію Каменскаго къ управленію большими силами, тѣмъ не менѣе должна была послужить не безполезною школою для молодыхъ офицеровъ квартирмейстерской части, особенно въ томъ отношеніи, что выказала имъ значеніе мѣстности въ военныхъ дѣйствіяхъ. Наша армія и ея офицеры того времени, по преимуществу, были воспитаны на турецкихъ войнахъ, въ которыхъ мѣстность играла вообще самую ничтожную роль.

На придунайскихъ и новороссійскихъ равнинахъ не думали объ оборонительныхъ позиціяхъ, а главное старались отыскать непріятеля и, сойдясь съ нимъ, разбивали его, на какой бы онъ мѣстности ни находился. Въ войнахъ же съ французами приходилось отыскивать, по возможности, лучшія позиціи, и отъ выбора ихъ во многомъ зависѣлъ успѣхъ военныхъ дѣйствій. Въ этомъ оношеніи выборъ генералъ-квартимейстеромъ Штейнгеля былъ какъ нельзя болѣе умѣстнымъ, такъ какъ онъ, по своей прежней дѣятельности, являлся очень хорошимъ судьею въ дѣлѣ оцѣнки мѣстности; объ этой способности его выбирать удачно позиціи заявилъ Беннигсенъ въ самомъ началѣ кампаніи, въ своемъ донесеніи о сраженіи при Пултускѣ (14-го декабря 1806 г.) (*), а затѣмъ въ теченіе цѣлой кампаніи войска наши занимали неоднократно весьма хорошія позиціи, на которыхъ имъ удавалось, если не вполнѣ отражать, то, по крайней мѣрѣ, энергически сдерживать превосходство непріятельскихъ силъ. Исключеніе изъ этого составляетъ, конечно, несчастная фридландская позиція, сдѣлавшаяся образцовою, только по своимъ отрицательнымъ качествамъ. Но позиція эта не была избрана заблаговременно для встрѣчи на ней непріятеля; это была позиція чисто случайная, на которой нашимъ войскамъ пришлось столкнуться съ непріятелемъ, вслѣдствіе болѣзненности и бездѣйствія главнокомандующаго Беннигсена, и пришлось сражаться безъ надлежащаго единства, отчасти потому, что уже передъ самымъ началомъ дѣла, при рекогносцировкѣ, были ранены оба главные помощника главнокомандующаго, дежурный генералъ Эссенъ 1-й и генералъ-квартирмейстеръ Штейнгель. Неудивительно, что при столь неблагопріятной обстанов-

(*) «Журналъ военныхъ дѣйствій» 1806 и 1807 годовъ.

кѣ, съ больнымъ главнокомандующимъ, безъ ближайшихъ его помощниковъ, армія наша, выдержавъ сраженіе при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, отступила въ страшномъ безпорядкѣ за Нѣманъ: многія части вовсе не получали приказанія объ отступленіи и, узнавъ только отъ жителей о проигранномъ нашими войсками сраженіи, направлялись по собственному усмотрѣнію къ предѣламъ Имперіи, встрѣчаясь нерѣдко съ непріятелемъ, отбиваясь отъ него, забирая у него плѣнныхъ. Описывая эти безпорядки, Ермоловъ спрашиваетъ: (*) «Простительно желать знать, кому принадлежитъ честь подобныхъ распоряженій? Кажется полковнику Адеркасу. И кто же осмѣлился бы оспаривать ее у нѣмца, ибо съ давнихъ временъ не умѣютъ найти русскаго въ генералъ-квартирмейстеры».

Это злое замѣчаніе, проникнутое сарказмомъ, которымъ отличаются всѣ приговоры остроумнаго героя, въ настоящемъ случаѣ показываетъ только, что и самые свѣтлые умы бываютъ несправедливы, когда увлекаются пристрастіемъ и смотрятъ на дѣло односторонне. Андрей Антоновичъ Адеркасъ 2-й считался однимъ изъ лучшихъ офицеровъ квартирмейстерской части своего времени, но вступивъ въ исправленіе должности генералъ-квартирмейстера послѣ Штейнгеля, въ самый разгаръ Фридландскаго боя, онъ, конечно, былъ безсиленъ для возстановленія порядка, тѣмъ болѣе, что самый штабъ совершенно разстроился, потерпѣвъ также нѣкоторую убыль въ своихъ чинахъ. Такъ, почти рядомъ съ Штейнгелемъ былъ раненъ подпоручикъ Шубертъ; при отступленіи, переплывая, подъ выстрѣлами, рѣку Алле, былъ слегка раненъ поручикъ Теннеръ.

Что Адеркасъ былъ отличный офицеръ генеральнаго штаба, это онъ доказалъ въ слѣдующемъ году, въ Финляндскую войну, гдѣ, состоя при князѣ Багратіонѣ, особенно отличился при отраженіи шведской высадки, у Гельзинга (14-го сентября 1808 года). Но такова уже постоянная участь офицеровъ генеральнаго штаба: дѣятельность ихъ, содѣйствующая успѣху, не замѣчается, ея плодами нерѣдко пользуются другіе; но случись неудача, вся вина безотговорочно сваливается на ихъ головы.

Эпоха Тильзитскаго мира, закончившаго войну 1806—1807 годовъ, знаменательна въ исторіи генеральнаго штаба въ томъ отношеніи, что въ это время правительство наше сознало, наконецъ, необходимость надлежащаго образованія штабныхъ учрежденій. За образецъ при этомъ были, естественно, приняты французскія военныя учрежденія, а для изученія ихъ отправленъ въ 1807 году, по Вы-

(*) Записки А. П. Ермолова, т. I.

сочайшему повелѣнію, заграницу генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій. Къ сожалѣнію, мы ничего не могли найти относящагося до этой командировки, но біографы князя Волконскаго сообщаютъ, что имъ посвящено было два года на заграничную поѣздку, изъ которой онъ доставилъ обстоятельныя записки и свѣдѣнія о французскихъ учрежденіяхъ того времени; собранныя имъ свѣдѣнія имѣли, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, дѣйствительное вліяніе на наше военное законодательство 1811 и 1812 годовъ.

Между тѣмъ, какъ подготовлялись такимъ образомъ научныя основанія для будущихъ преобразованій нашихъ штабовъ, войны наши съ турками и шведами способствовали усиленію и нашей боевой подготовки. Въ этомъ отношеніи особенно полезна была для насъ Шведская война 1808—1809 годовъ, которая представила обширную боевую практику не только для нашихъ генераловъ, но и для строевыхъ офицеровъ, а въ особенности для офицеровъ квартирмейстерской части. Своеобразность финляндскаго театра войны требовала обстоятельнаго изученія мѣстности; раздробленіе войскъ на мелкіе, по большей части, вполнѣ самостоятельные отряды, развивало находчивость и сообразительность начальниковъ мелкихъ частей, требовало чрезвычайной точности во всѣхъ распоряженіяхъ. Въ этой-то школѣ подготовлялись будущіе дѣятели квартирмейстерской части, подъ руководствомъ болѣе опытныхъ своихъ сослуживцевъ по мундиру.

Въ этой войнѣ сдѣланъ былъ и первый опытъ новаго устройства штаба арміи: при главнокомандующемъ, графѣ Буксгевденѣ, является ближайшимъ его сотрудникомъ и помощникомъ, въ должности начальника штаба и въ то же время начальника инженеровъ, генералъ-квартирмейстеръ Сухтеленъ, которому Финляндія была уже извѣстна по войнѣ 1789 года. Непосредственными его сотрудниками поставлены были: въ должности генералъ-квартирмейстера, генералъ-маіоръ Бурхардъ Бергъ, а въ званіи дежурнаго генерала, генералъ-лейтенантъ Коновницынъ. Но устройство частныхъ штабовъ остается все-таки прежнее и вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія частныхъ начальниковъ; штабы, по старому, составляютъ принадлежность начальниковъ, а не отрядовъ. Такъ, напримѣръ, въ сѣверномъ корпусѣ, когда имъ командовалъ генералъ-адъютантъ графъ П. А. Шуваловъ, весь штабъ состоялъ изъ собственнаго секретаря графа, надворнаго совѣтника Я. П. Рениталова, да по квартирмейстерской части,—подполковника барона Тейль-фонъ-Сераскеркена и подпоручика Липранди, не задолго до того произведеннаго въ этотъ чинъ изъ колоновожатыхъ за отличіе при Индесальми; въ другихъ случаяхъ, кромѣ

офицеровъ квартирмейстерской части, ближайшимъ сотрудникомъ главноначальствующаго бывалъ бригадъ-маіоръ, выбираемый по собственному усмотрѣнію начальника изъ строевыхъ офицеровъ. Особыхъ канцелярій также еще не было, а всѣ распоряженія дѣлались непосредственно изъ кабинета начальниковъ, гдѣ сами же офицеры переписывали отдаваемыя приказанія и диспозиціи. Отъ такой простоты дѣлопроизводства, конечно, выигрывало дѣло, особенно при мелкихъ отрядахъ, на которые была разбита наша армія въ Финляндіи.

Требовалось, пожалуй, большое число квартирмейстерскихъ офицеровъ, чтобы имѣть ихъ при каждомъ отрядѣ, такъ какъ въ эту кампанію квартирмейстерскую службу безразлично несли офицеры какъ этой части, такъ и инженерные, какъ двухъ вѣдомствъ, вполнѣ подчиненныхъ Сухтелену. Число же ихъ было весьма значительно, сравнительно съ численностію дѣйствовавшей въ Финляндіи арміи. Сила послѣдней, во всю кампанію, не превосходила 50,000 человѣкъ, а при ней имѣлось не менѣе 40 инженерныхъ и квартирмейстерскихъ офицеровъ, не считая нѣсколькихъ колоновожатыхъ; по преимуществу это были оберъ-офицеры, для которыхъ особенно была полезна эта школа. Всего считалось: инженерныхъ и квартирмейстерскихъ штабъ-офицеровъ—14, оберъ-офицеровъ—27, колоновожатыхъ—5 (*).

Въ числѣ штабъ-офицеровъ встрѣчаемъ здѣсь имена: полковниковъ: Енгельмана, Адеркаса, Муромцова, подполковника Кочетова, маіоровъ: Гавердовскаго, Хатова, Селявина, Нейдгарта, Тейль-фонъ-Серасперкена; въ спискахъ оберъ-офицеровъ—капитановъ: Теслева 1-го, Соснина, Паравицына, П. И. Бразина, поручиковъ и подпоручиковъ: Шуберта, Теслева 2-го, Сухтелена 2-го, Гартинга, Сулима, Коханова, Бруна, Липранди, Маркевича, Вупселя. Въ эту же кампанію заслуживаютъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ первый офицерскій чинъ колоновожатые: Вейраухъ, Орловъ, князь Вадбольскій, Дребушъ, Липранди. Во время Шведской войны 1808—1809 годовъ представлялось обширное поприще для дѣятельности офицеровъ квартирмейстерской части, чему, конечно, не мало способствовало то, что во главѣ ея стояли самъ Сухтеленъ и генералъ Бергъ, человѣкъ замѣчательный по своимъ военнымъ дарованіямъ и еще болѣе по разнообразію пройденной имъ служебной карьеры. Начавъ службу, въ 1774 году, сержантомъ въ Воронежскомъ пѣхотномъ полку, Бурхардъ Максимовичъ Бергъ почти вовсе не служилъ въ строю, а первые годы своей служ-

(*) Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande, par le L. G. C. P. de S***. Сочиненіе это принадлежитъ участнику этой же войны, генералъ-лейтенанту П. П. Сухтелену, дѣлавшему ее въ чинѣ поручика квартирмейстерской части.

бы провелъ въ должности адъютанта, сперва у генерала Игельстрома, а потомъ у своего отца, генералъ-аншефа Максима Васильевича (Магнуса Іоанна) Берга. Переведенный, послѣ смерти отца, въ Несвижскій карабинерный полкъ, онъ участвовалъ во второй Турецкой войнѣ и, между прочими дѣлами, въ штурмѣ Измаила (1790 года), но будучи недоволенъ медленнымъ производствомъ въ чины, перешелъ изъ кавалеріи въ 3-й Эстляндскій егерскій баталіонъ, женился на дѣвицѣ фонъ Дункеръ, кузинѣ генералъ-лейтенанта фонъ Бока, по протекціи котораго зачислился въ провіантскій штатъ. Въ качествѣ военнаго совѣтника провіантскаго вѣдомства, Бергъ участвовалъ въ Голандской экспедиціи 1799 года, и съ корпусомъ Эссена перевезенъ въ Англію, откуда возвращенъ въ концѣ 1800 года, вскорѣ послѣ чего переведенъ полковникомъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Въ кампанію 1806 года Бергъ, состоя при графѣ Остерманѣ, особенно отличился въ дѣлѣ при дер. Черновѣ (11-го декабря), а въ слѣдующемъ году получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст. за сраженіе при Прейсишъ-Эйлау, гдѣ былъ тяжело раненъ въ правую руку (*). Произведенный, 1-го января 1808 года, въ генералъ-маіоры, Бергъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ Финляндской арміи, и за участіе свое въ Шведской войнѣ получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. Надо полагать, что присутствіе при дѣйствующей арміи самого Сухтелена отодвигало Берга на второй планъ; въ особенности это подтверждается тѣмъ, что имя Берга вовсе не встрѣчается въ реляціяхъ и въ официальной перепискѣ; о немъ извѣстно только, что онъ находился при войскахъ Барклая-де-Толли, во время перехода черезъ Кваркенъ, велъ второе отдѣленіе этого отряда и выказалъ при этомъ случаѣ полную распорядительность, энергію и знаніе своего дѣла (**).

Къ сожалѣнію, Шведская война 1808—1809 г. почти вовсе еще не разработана въ нашей литературѣ, почему весьма мало имѣется свѣдѣній о дѣятельности офицеровъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, но поприще для этой дѣятельности было обширно; поэтому, не смотря на скудость извѣстій, можно видѣть, что служба этихъ офицеровъ и въ Финляндіи проходила съ полнымъ отличіемъ. Изъ особо выдающихся отличій, можно, между прочимъ, указать на слѣдующія (***): 30-го марта 1808 года, состоявшій при начальникѣ 21-й пѣхотной дивизіи, князѣ Багратіонѣ, квартирмейстер-

(*) Autobiographie des Generalen der Infanterie Gregor von Berg (роднаго брата Бурхарда Берга).

(**) «Журналъ военныхъ дѣйствій» 1808 и 1809 годовъ.

(***) Тамъ же.

ской части подполковникъ Нейдгартъ (*) получилъ приказаніе отправиться на Аландскіе острова, съ цѣлію уничтоженія тамъ всѣхъ судовъ и вообще для недопущенія шведовъ къ высадкѣ на острова и для воспрепятствованія формированію мѣстной милиціи, которой предполагалось собрать до 3,000 человѣкъ.

Для исполненія этого сложнаго дѣла, ему даны были слишкомъ ничтожныя средства: всего 120 егерей 25-го полка, большею частію малообученныхъ рекрутовъ, и 22 казака, да въ видѣ поддержки, на островѣ Кумлингѣ, выставленъ былъ баталіонъ пѣхоты полковника Вунча. Тѣмъ не менѣе, Нейдгартъ блистательно исполнилъ возложенное на него порученіе: скрытнымъ и быстрымъ движеніемъ, онъ занялъ неожиданно для жителей островъ Большой Аландъ, отыскалъ и истребилъ скрытые въ лощинахъ подъ снѣгомъ склады оружія, уничтожилъ телеграфъ, содержавшій сообщеніе съ шведскимъ берегомъ, обезоружилъ жителей, отобралъ у нихъ перевозочныя средства, и когда ледъ уже вскрылся, уничтожилъ на островахъ и въ фарватерахъ, на протяженіи слишкомъ 150 верстъ, всѣ сигнальные знаки. Исполненіе послѣдняго ставило его въ крайне опасное положеніе, тѣмъ болѣе, что наша флотилія не являлась, а къ островамъ скрытно прибыли шведскія суда съ десантомъ, который, при помощи жителей, захватилъ наши разъсѣянные и слабые посты. Послѣ трехдневной обороны, Нейдгартъ долженъ былъ уступить численному превосходству непріятеля и, послѣ упорной защиты въ домѣ одного пастора, совершенно изнуреннымъ былъ захваченъ въ плѣнъ.

Плѣнъ этотъ нисколько не запятналъ оказанной имъ услуги, за которую онъ удостоился получить бриліантовый перстень, награда, дававшаяся въ то время очень часто за военные подвиги.

Маіоръ Гавердовскій, удачнымъ расположеніемъ стрѣлковъ и артиллеріи, содѣйствовалъ отраженію десантнаго шведскаго отряда, напавшаго невзначай, послѣ сраженія при островѣ Сандо (20-го іюля

(*) Павелъ Ивановичъ Нейдгартъ, старшій братъ Александра Ивановича, бывшаго съ 1832 по 1834 годъ генералъ-квартирмейстеромъ, родился въ 1779 году и началъ службу нижнимъ чиномъ, сперва въ артиллеріи, а потомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку. 12-го декабря 1796 года, онъ изъ портупей-прапорщиковъ этого полка былъ произведенъ Императоромъ Павломъ прямо въ поручики Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, за поднесенные Государю чертежи и выписки по части военныхъ наукъ. Служба его до 1805 года заключалась въ производствѣ съемокъ въ Финляндіи, откуда онъ, уже въ чинѣ маіора, назначенъ былъ въ штабъ корпуса Кутузова, посланнаго въ Австрію. Съ этого времени онъ постоянно состоялъ при войскахъ, сдѣлавъ кампаніи 1805, 1806 и 1807 годовъ и пріобрѣтя репутацію исполнительнаго, храбраго и отлично понимающаго мѣстность офицера квартирмейстерской части.

1808 года), на нашу главную квартиру, находившуюся на мызѣ Вестанскіеръ. Вообще, офицеръ этотъ составилъ себѣ во время Шведской войны громкую репутацію своими военными способностями, и пользовался особымъ расположеніемъ графа Буксгевдена, при которомъ лично и состоялъ. Въ чинѣ маіора, онъ за эту кампанію получилъ, между прочимъ, аренду въ 600 руб., награду весьма цѣнную въ то время.

Генералъ-маіоръ Адеркасъ 2-й былъ командированъ, въ апрѣлѣ 1808 года, для рекогносцировки береговъ Ботническаго залива и для постройки береговыхъ батарей; затѣмъ, постоянно завѣдывая передовыми постами по этому прибрежью, онъ особенно отличился при отраженіи, въ іюнѣ мѣсяцѣ, нападенія шведовъ на Або.

Но, независимо отъ дѣятельности чиновъ квартирмейстерской части, прямо относящейся къ ихъ обязанностямъ, въ реляціяхъ и сочиненіяхъ о Шведской войнѣ 1808—1809 годовъ мы встрѣчаемъ очень много указаній на такіе подвиги этихъ чиновъ, которые выходятъ изъ обыкновеннаго круга ихъ дѣятельности. Такъ, самому П. К. Сухтелену, его дипломатической ловкости, Россія обязана пріобрѣтеніемъ Свеаборга, этой неприступной твердыни, доставшейся намъ почти безъ жертвъ и, притомъ, безъ продолжительной осады; главнымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ является у Сухтелена сынъ его, Павелъ Петровичъ, служившій въ то время поручикомъ квартирмейстерской части и употребленный для переговоровъ съ свеаборгскимъ комендантомъ, адмираломъ Кронштедтомъ. Орденъ св. Владиміра 1-й степени былъ наградою за это дѣло старику Сухтелену, а тотъ же орденъ 4-й степени и званіе флигель-адъютанта Его Величества,—сыну его.

Вообще, въ эту войну, обильную и сраженіями и разнаго рода конвенціями, офицеры квартирмейстерской части употреблялись нерѣдко съ полнымъ успѣхомъ для веденія переговоровъ съ непріятелемъ. Такъ, состоявшій при войскахъ Кульнева, во время движенія на Грисельгамъ, капитанъ Гартингъ успѣлъ склонить шведовъ къ уступкѣ намъ этого городка съ двухверстнымъ раіономъ; находившійся при графѣ Шуваловѣ полковникъ баронъ Тейль фонъ-Сераскеркенъ заключилъ съ шведскимъ генераломъ Грипенбергомъ извѣстную конвенцію въ Каликсѣ (13-го марта 1809 года), по которой финляндскія войска окончательно были исключены изъ шведской арміи (*). Наконецъ, капитанъ Теслевъ 1-й былъ посылаемъ парламентеромъ на Аландскіе острова и, презирая опасности, достигъ почти

(*) Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande par le L. G. C. P. de S***.

до самаго Стокгольма, собравъ множество полезныхъ для насъ свѣдѣній; какъ велика была его заслуга въ этомъ случаѣ, можно судить изъ того, что за этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ слѣдующимъ чиномъ, бриліантовымъ перстнемъ и удостоился получить особое Высочайшее благоволеніе (*).

Вообще нельзя не замѣтить, что за Шведскую войну 1808—1809 годовъ, продолжавшуюся всего десять мѣсяцевъ, квартирмейстерскіе офицеры были щедро осыпаны Высочайшими наградами; такъ, молодой Сухтеленъ былъ произведенъ въ поручики, назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества, получилъ перстень и ордена: св. Владиміра 4-й ст., св. Анны 3-й и 2-й ст.; И. П. Липранди, начавъ кампанію колоновожатымъ, кончилъ ее поручикомъ квартирмейстерской части, пріобрѣвъ два чина боевыми отличіями, да сверхъ того: Высочайшее благоволеніе, серебряный (солдатскій) Георгіевскій крестъ, орденъ св. Анны 3-й ст. и золотую шпагу съ надписью: «за храбрость». Другіе офицеры также получили по нѣсколько наградъ и весьма немногіе только по одной наградѣ.

Еще менѣе имѣется свѣдѣній объ участіи квартирмейстерскихъ офицеровъ въ турецкихъ войнахъ царствованія Императора Александра I (1805—1812). Впрочемъ, и самыя эти войны не имѣли большаго значенія въ виду событій, происходившихъ на западныхъ предѣлахъ Имперіи, почему арміи наши на Дунаѣ были немногочисленны, да не велико было и число состоявшихъ при нихъ квартирмейстерскихъ офицеровъ. Но и здѣсь, надо полагать, квартирмейстерская служба велась съ полнымъ успѣхомъ, такъ какъ не слышится жалобъ противъ нея, а, напротивъ, встрѣчаются награды за боевыя отличія. Здѣсь, между прочимъ, К. Ф. Толь (**) получилъ чинъ подполковника и орденъ св. Анны 2-й ст., Ф. Ф. Шубертъ чинъ капитана, а за дѣло при Батинѣ, гдѣ былъ раненъ пулей въ ногу, — золотую шпагу за храбрость.

На этомъ же театрѣ войны заслужили орденъ св. Георгія 4-й ст. подполковникъ Мишо, за взятіе Туртукая, въ 1810 году, и маіоръ Хомемтовскій (Михаилъ Яковлевичъ) за особое отличіе и храбрость въ томъ же году подъ Шумлою; послѣдній въ этомъ же году удостоился получить и золотое оружіе, за храбрость въ дѣлѣ при Батинѣ.

(*) Наградные списки въ Архивѣ Главнаго Штаба.

(**) К. Ф. Толь служилъ въ дунайской арміи только съ 1806 по 1809 годъ, когда, вслѣдствіе неудовольствія противъ него со стороны фельдмаршала князя Прозоровскаго, былъ назначенъ командиромъ 20-го егерскаго баталіона, стоявшаго на Литвѣ.

Говоря о войнахъ этого періода, нельзя не упомянуть о двухъ дѣятеляхъ этихъ войнъ, которые хотя уже и не числились въ то время въ спискахъ генеральнаго штаба, но по своему прошедшему вполнѣ принадлежали ему, это именно генералы: Богданъ Федоровичъ Кноррингъ и Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ.

Первый изъ нихъ, по справедливости, могъ быть названъ ученикомъ Баура. Происходя отъ виртембергской дворянской фамиліи, переселившейся въ Эстляндію, Кноррингъ (*) кончилъ курсъ наукъ въ 1764 году, въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, и произведенный въ поручики Нижегородскаго пѣхотнаго полка, началъ службу подъ начальствомъ извѣстнаго своими воинскими доблестями Вейсмана. Съ началомъ первой Турецкой войны, перейдя въ генеральный штабъ, ему довелось рѣдкое счастіе участвовать въ дѣйствіяхъ: князя Голицына подъ Хотинымъ, Румянцева подъ Ларгою и Кагуломъ, гдѣ онъ непосредственно состоялъ при Баурѣ, Панина противъ Бендеръ, Текелли подъ Журжею, Потемкина подъ Силистріею. Посланный затѣмъ съ Фокшанскаго конгреса (1773 г.), отъ полномочнаго нашего посла, князя Григорія Орлова, къ брату его, Алексѣю, прославившемуся Чесменскою побѣдою, Кноррингъ проѣхалъ всю Европейскую Турцію и успѣлъ снять мѣстность отъ Рущука до Константинополя и Дарданелъ. Возвратясь послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ строй, Кноррингъ командовалъ нѣсколько лѣтъ полкомъ, а въ Шведскую войну 1788 года былъ генералъ-квартирмейстеромъ финляндской арміи и послѣ того, командуя особымъ корпусомъ, способствовалъ усмиренію Литвы, разбивъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ польскихъ конфедератовъ и взявъ, въ 1794 году, упорно защищаемую Вильну. Орденъ св. Георгія 2-й ст. и чинъ генералъ-лейтенанта были наградою за эти послѣдніе его боевые подвиги; вскорѣ послѣ того, онъ удалился отъ дѣлъ и до начала нынѣшняго столѣтія жилъ въ отставкѣ въ лифляндскомъ своемъ имѣніи.

Въ 1806 году, Императоръ Александръ принялъ снова Кнорринга на службу съ чиномъ генерала отъ инфантеріи и, пожаловавъ ему орденъ св. Александра Невскаго, назначилъ помощникомъ къ престарѣлому фельдмаршалу графу Каменскому; послѣ же отъѣзда послѣдняго изъ арміи, Кноррингъ оставался въ видѣ совѣтчика при Беннигсенѣ, но по разномыслію съ нимъ былъ отозванъ послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау. Надо полагать, что лѣта и утомленіе боевою службою ослабили уже силы Кнорринга и лишили его прежней твердости воли, почему ему и не удалось играть видной роли въ борьбѣ

(*) Родился въ 1746 году, на мызѣ Эрнатъ, Вейсенштейнскаго уѣзда.

съ Наполеономъ, не достало такта, чтобы руководить Каменскимъ и Беннигсеномъ и сдѣлаться для нихъ необходимымъ. Быть можетъ, именно отсутствію самостоятельности онъ и обязанъ былъ назначеніемъ, въ декабрѣ 1808 года, главнокомандующимъ финляндскою арміею, вмѣсто Буксгевдена. Въ этомъ званіи ему пришлось осуществлять планъ кампаніи, которому онъ не сочувствовалъ, который считалъ неисполнимымъ, но который, тѣмъ не менѣе, увѣнчался полнымъ успѣхомъ, благодаря настойчивости Императора Александра и неутомимой заботливости тогдашняго военнаго министра, графа Аракчеева. Поэтому-то, хотя Кноррингъ и былъ главнокомандующимъ арміи, совершившей единственный по своей смѣлости переходъ по льдамъ Ботническаго залива, хотя онъ самъ и слѣдовалъ съ своей главной квартирой при одной изъ колоннъ, но имя его не сохранило въ исторіи тѣсной связи съ этими подвигами, а вскорѣ по окончаніи Шведской войны, Кноррингъ сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго и окончательно удалился отъ дѣлъ, поселившись въ Дерптѣ. Тамъ онъ и скончался 17-го декабря 1825 года, на 79 году жизни (*).

М. Л. Булатовъ былъ типомъ боеваго служаки конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій. Происходя изъ рязанскихъ дворянъ, онъ, тѣмъ не менѣе, отслужилъ пять лѣтъ (съ 1776 по 1781 г.) нижнимъ чиномъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскомъ полку, откуда былъ выпущенъ въ армейскую пѣхоту поручикомъ и съ полкомъ попалъ на Кубань. Участвуя во многихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ за Кубанью и Лабою, онъ выслужилъ чинъ капитана и къ началу второй Турецкой войны перешелъ волонтеромъ въ екатеринославскую армію князя Потемкина; послѣдній, за отличіе подъ Очаковымъ, перевелъ его, въ 1788 году, маіоромъ въ генеральный штабъ, въ которомъ Булатовъ оставался до упраздненія его въ 1797 году, служа постоянно въ передовыхъ войскахъ на Дунаѣ и въ Польшѣ. Съ образованіемъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, Булатовъ былъ зачисленъ въ оную, произведенъ, въ 1799 году, въ генералъ-маіоры, а въ 1807 году снова обращенъ къ войскамъ. Служба его въ генеральномъ штабѣ не представляла ничего особеннаго, кромѣ того, что имъ произведены были нѣкоторыя съемки на Волыни и около Петербурга, и что онъ, въ отсутствіе генерала Германа, кратковременно управлялъ депо квартирмейстерской части. Въ концѣ 1807 года, Булатовъ назначенъ шефомъ Могилевскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ и выступилъ, въ 1808 году, въ шведскую

(*) Военно-Энциклопедическій лексиконъ.

Финляндію. Находясь въ авангардѣ корпуса Тучкова, онъ быстрымъ наступленіемъ очистилъ почти всю восточную Финляндію отъ шведовъ, но, окруженный при Револаксѣ превосходными силами непріятеля, потерпѣлъ сильное пораженіе, израненый взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Стокгольмъ. Возвратясь черезъ годъ изъ плѣна, Булатовъ поспѣшилъ загладить свою неудачу на Дунаѣ и здѣсь, находясь постоянно въ передовыхъ отрядахъ, выказалъ блистательное мужество, распорядительность и энергію. Обильныя награды, полученныя имъ за это время, достаточно о томъ свидѣтельствуютъ: за три года (съ половины 1809 до 1812 г.) онъ получилъ: личное Высочайшее благоволеніе, ордена: св. Анны 1-й ст. и алмазные знаки на оный, св. Владиміра 3-й и 2-й ст., св. Георгія 3-й ст. (за сраженіе при Батинѣ) и золотую шпагу съ алмазами и надписью «за храбрость». Не смотря на всѣ эти отличія, Булатову не пришлось играть видной роли въ войну 1813 и 1814 годовъ; состоя въ резервной арміи, онъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ подъ Дрезденомъ, а потомъ въ осадѣ Гамбурга, гдѣ и былъ сильно контуженъ съ поврежденіемъ глазъ; раны и лѣта (въ 1814 году ему было 53 года) видимо ослабили прежнюю его энергію, и хотя онъ умеръ только въ концѣ двадцатыхъ годовъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, но уже ничѣмъ особеннымъ не заявилъ своей дѣятельности (*).

Участіе П. К. Сухтелена въ Шведской войнѣ 1809 года было послѣднимъ боевымъ его дѣломъ въ службѣ по квартирмейстерской части. Съ заключеніемъ мира въ Фридрихсгамѣ, онъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Стокгольмъ, откуда болѣе не возвращался къ прежнимъ должностямъ, хотя до самой смерти своей сохранилъ какъ бы почетное званіе генералъ-квартирмейстера. Еще при отъѣздѣ его въ 1808 году къ финляндской арміи, управленіе квартирмейстерскою частію на время его отсутствія было возложено на генералъ-маіора Вистицкаго 2-го (Михаилъ Степановичъ), который и оставался въ этой должности до назначенія, въ 1810 году, князя П. М. Волконскаго.

Вмѣстѣ съ назначеніемъ Сухтелена въ Стокгольмъ, депо картъ осталось въ непосредственномъ завѣдываніи инженеръ-генералъ-маіора Оппермана, назначеннаго управлять также инженернымъ департаментомъ. Съ этого времени, депо картъ надолго отдѣлилось отъ квартирмейстерской части, поступивъ, въ сентябрѣ 1810 года, въ непосредственное вѣдѣніе военнаго министра.

(*) Формулярный списокъ генералъ-лейтенанта М. Л. Булатова въ московскомъ отдѣлѣ Архива Главнаго Штаба.

Кратковременное управленіе квартимейстерской частію генераломъ Вистицкимъ ознаменовано однако двумя весьма важными распоряженіями по этой части: одно, по которому офицеры, желающіе поступать въ это вѣдомство, должны были подвергаться экзамену въ знаніяхъ, по квартирмейстерской части потребныхъ (*), а другое, чтобы впредь въ должностяхъ дежурныхъ штабъ-офицеровъ всѣ дивизіонные и корпусные командиры непремѣнно имѣли штабъ-офицеровъ, или капитановъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, почему тогда же повелѣно было: «военной колегіи предписать всѣмъ дивизіоннымъ и корпуснымъ командирамъ, дабы они о назначеніи въ оныя званія вышеписанныхъ чиновниковъ снеслись съ генералъ-квартирмейстеромъ генераломъ Сухтеленомъ, къ коему и впредь въ таковыхъ случаяхъ относиться, а уже генералъ-квартирмейстеръ, сдѣлавъ оное по тому распоряженіе, долженъ о таковыхъ избранныхъ квартирмейстерской части чиновникахъ представлять всегда на Высочайшее утвержденіе; коль же скоро будутъ утверждены въ оное званіе чиновники квартирмейстерской части, то находящихся нынѣ въ сихъ должностяхъ армейскихъ полковъ чиновниковъ отослать въ полки (**)».

Оба эти распоряженія весьма многознаменательны для нашихъ штабныхъ учрежденій; они показываютъ, что правительство наше признало уже въ то время численность квартирмейстерскихъ чиновъ столь достаточною, что, съ одной стороны, сочло возможнымъ затруднить ихъ комплектованіе, установленіемъ выбора на основаніи экзамена, съ другой—признало полезнымъ и возможнымъ расширить кругъ дѣятельности этихъ чиновъ, выводя ихъ изъ прежней тѣсной рамки ихъ спеціальности, и открывая имъ доступъ къ новымъ должностямъ при войскахъ. Однако, вторая изъ этихъ мѣръ привела на практикѣ къ неудовольствіямъ и была по многимъ причинамъ трудно исполнима, чѣмъ и объясняется ея неуспѣхъ.

Постановленіе о томъ, чтобы чины дежурства, по крайней мѣрѣ высшіе, комплектовались людьми съ высшимъ общимъ и военнымъ образованіемъ, безспорно, само по себѣ хорошо и полезно, но оно являлось слишкомъ рѣзко противорѣчащимъ установившимся взглядамъ на штабныхъ чиновъ. Генералы первыхъ годовъ царствованія Императора Александра были воспитаны въ другихъ понятіяхъ, по которымъ каждый начальникъ части былъ полнымъ хозяиномъ своего

(*) Высочайшій указъ 1808 года 2-го іюня. Полное Собраніе Законовъ.

(**) Высочайшій указъ 6-го сентября 1809 года, Полное Собраніе Законовъ, ст. 23827.

штаба, избирая самъ всѣхъ чиновъ, смѣняя и награждая ихъ по своему произволу; многіе изъ нихъ сами прошли черезъ школу адъютантства и чистосердечно признавали, что школа эта есть наилучшая для военнаго образованія молодаго человѣка.

Теперь же вводился порядокъ, нарушавшій такое преимущество ихъ, и идущій въ разрѣзъ съ ихъ убѣжденіями: ближайшихъ помощниковъ своихъ они должны были получать по назначенію генералъ-квартирмейстера изъ лицъ, которыхъ они сами по большей части вовсе, до того не знали, и которыя, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не знали войскъ. Въ тогдашней Свитѣ по квартирмейстерской части много было офицеровъ изъ иностранцевъ, изъ инженеровъ, наконецъ, изъ колоновожатыхъ, которые вовсе не служили въ строю, а слѣдовательно, не были знакомы съ войсками, проведя наиболѣе значительную часть своей службы при депо или на съемкахъ; на нихъ строевые начальники смотрѣли подозрительно, какъ на незнающихъ всѣхъ тонкостей войсковаго механизма, и въ этомъ они, конечно, были правы.

Какъ бы то ни было, непосредственное управленіе П. К. Сухтеленомъ квартирмейстерскимъ вѣдомствомъ имѣло весьма важное значеніе для этого учрежденія. Задавшись мыслію, чтобы Свита Его Величества по квартирмейстерской части состояла изъ людей, дѣйствительно выдающихся по своему образованію и способностямъ, Сухтелену удалось не только достигнуть этого, но и открыть для чиновъ этого вѣдомства обширное поприще для отличій, гдѣ вполнѣ могли выказаться ихъ способности. Офицеры Свиты, въ первые годы нынѣшняго столѣтія, болѣе чѣмъ когда либо получали весьма частыя и важныя порученія. Кавказъ, Киргизскія степи, Сибирь, Китай служили поприщемъ для трудовъ весьма многихъ офицеровъ квартирмейстерской части; независимо отъ участія этихъ офицеровъ въ посольствѣ графа Головкина, былъ командированъ и при посольствѣ дѣйствительнаго камергера Резанова въ Японію (въ 1803 году) квартирмейстерской части маіоръ Фридерици, совершившій съ Крузенштерномъ кругосвѣтное плаваніе на кораблѣ «Надежда». На Іоническихъ островахъ офицеры квартирмейстерской части также играли нѣкоторую роль при образованіи тамъ республики семи соединенныхъ острововъ. Сопровождая Сухтелена, маіоръ Хатовъ и капитанъ Гартингъ съ нѣсколькими офицерами обозрѣли, въ 1807 году, наше тогдашнее западное пограничное пространство и участвовали въ составленіи проектовъ обороны западной границы Имперіи.

Всѣ эти порученія имѣли, по преимуществу, научныя цѣли и вмѣ-

стѣ съ производившимися квартирмейстерскою частію, въ тоже время, съемочными и картографическими работами, конечно, отвлекали офицеровъ этого вѣдомства отъ прямаго ихъ назначенія по службѣ при войскахъ, что отчасти и не замедлило выказаться въ первыхъ войнахъ съ императорскою Франціею. Но и этотъ недостатокъ былъ устраненъ вскорѣ боевой практикой послѣ 1805 года. Кампаніи 1806 и 1807 годовъ, войны съ Турціею, а особенно Шведская война 1808—1809 годовъ, сблизили квартирмейстерскихъ чиновъ съ войсками, способствовали возрожденію къ нимъ довѣрія со стороны войскъ и начальниковъ.

Не менѣе важная заслуга Сухтелена заключается въ томъ, что онъ установилъ на прочныхъ основаніяхъ нашу военную картографію, положивъ начало двумъ весьма важнымъ для штабовъ войскъ картамъ: спеціальной, такъ называемой столистовой, и маршрутной; наконецъ, онъ же, при содѣйствіи академика Шуберта, положилъ начало и нашимъ геодезическимъ работамъ, подготовивъ для послѣдующей эпохи нѣсколькихъ замѣчательныхъ дѣятелей.

II.

(1810—1812).

Назначеніе генералъ-адъютанта князя Волконскаго управляющимъ квартирмейстерской частію.—Образованіе его канцеляріи.—Ближайшіе его помощники.—Современное устройство военно-топографическаго депо.—Распредѣленіе офицеровъ квартирмейстерской части и ихъ служба по «руководству для дивизіоннаго генералъ-штаба» и по «учрежденію для управленія большою дѣйствующею арміею».—Комплектованіе Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.—Колоновожатые.—Общество математиковъ.—Н. Н. Муравьевъ (отецъ).—Составъ квартирмейстерской части къ началу 1812 дода.—Наиболѣе выдающіяся въ ней личности.

Какъ ни было замѣчательно управленіе генерала Сухтелена квартирмейстерскою частію въ дѣлѣ комплектованія этого корпуса офицерами и по развитію, данному при немъ нашимъ съемочнымъ и картографическимъ работамъ, но по отношенію къ организаціи и управленію Свитою Его Величества по квартирмейстерской части сдѣлано было за это время очень немного. Непрерывныя войны съ 1805 по 1810 годъ, а еще болѣе участіе графа Сухтелена въ инженерныхъ работахъ, а въ послѣднее время и въ дипломатическихъ переговорахъ со Швеціею, отвлекали его отъ прямыхъ обязанностей по званію генералъ-квартирмейстера. Временно управлявшій этой частію, генералъ Вистицкій, и по личному характеру, и по служебному положенію, не

могъ, конечно, ничего предпринять, если бы даже и желалъ, пока во главѣ военнаго управленія находился графъ Аракчеевъ.

Съ 1810 года положеніе измѣняется. 20-го января этого года генералъ Барклай-де-Толли назначенъ военнымъ министромъ, а 23-го мая управленіе квартирмейстерскою частію ввѣрено, незадолго передъ тѣмъ вернувшемуся изъ-за границы, генералъ-адъютанту князю П. М. Волконскому, причемъ, однако, званіе генералъ-квартирмейстера было оставлено инженеръ-генералу П. К. Сухтелену.

Въ предшествующей главѣ мы видѣли, что Барклай-де-Толли сознавалъ необходимость и пользу надлежащаго устройства квартирмейстерской части. Достигнувъ теперь власти, онъ имѣлъ полную возможность осуществить это дѣло тѣмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, что въ новомъ управляющемъ квартирмейстерской частію нашелъ вполнѣ подготовленнаго къ тому человѣка.

Князь Петръ Михайловичъ происходилъ изъ знаменитаго княжескаго рода, считавшаго свое начало отъ дома черниговскихъ удѣльныхъ князей. Родился онъ 26-го апрѣля 1776 года, и хотя отецъ его былъ только бригадиромъ въ отставкѣ, тѣмъ не менѣе, новорожденный Волконскій, по тогдашнему обычаю, въ самый день крещенія своего, былъ зачисленъ сержантомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ. Оставаясь въ родительскомъ домѣ на рукахъ гувернантокъ и домашнихъ учителей, князь Петръ Михайловичъ подвигался въ тоже время и по службѣ: съ чиномъ унтеръ-офицера перечисленъ лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ, гдѣ и произведенъ былъ постепенно въ вице-вахмистры и вахмистры.

Съ пятнадцатилѣтняго возраста начинаетъ онъ дѣйствительную службу, и въ 1792 году снова переведенъ въ пѣхоту, но уже лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ, въ которомъ, на слѣдующій же годъ, произведенъ въ прапорщики, а въ 1794 году въ подпоручики. Въ этомъ же году онъ сопровождалъ дядю своего въ Берлинъ, для поздравленія съ бракосочетаніемъ наслѣдника прусскаго престола, впослѣдствіи короля Фридриха-Вильгельма III.

Настоящая служебная карьера князя Волконскаго начинается съ первыхъ дней царствованія Императора Павла Петровича. Обративъ на себя вниманіе Государя усердіемъ и точностью въ исполненіи должности полковаго адъютанта лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Волконскій былъ произведенъ, въ 1796 году, въ поручики, причемъ Императоръ, поцѣловавъ его, сказалъ: «Продолжай такъ служить, а служба твоя за Мною не пропадетъ». И, дѣйствительно, менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ царствованія Императора Павла, князь Волконскій по-

лучилъ чины штабсъ-капитана, капитана и полковника гвардіи, ордена: св. Анны 3-й (что нынѣ 4-я) степени и командорскаго креста св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ это же время положено было начало сближенію его съ Наслѣдникомъ Престола, Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ, который, будучи шефомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, имѣлъ ежедневныя служебныя отношенія съ княземъ Волконскимъ, близко узналъ его и взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Съ этого времени, князь Петръ Михайловичъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Императору Александру Павловичу людей, неразлучнымъ спутникомъ всѣхъ событій его жизни, пользовавшимся полнымъ расположеніемъ, даже дружбою Благословеннаго.

Въ день коронаціи Императора Александра, Волконскій, на двадцать шестомъ году отъ роду, пожалованъ чиномъ генералъ-маіора и званіемъ генералъ-адъютанта, когда въ этомъ званіи состояло всего только восемь человѣкъ.

Вступивъ, вскорѣ послѣ того, въ должность товарища начальника военно-походной канцеляріи, князь получилъ возможность ознакомиться подробно со всѣми частями многосложнаго и въ то время довольно запутаннаго военнаго управленія. Необыкновенная память, отличавшая князя Волконскаго до послѣднихъ дней его жизни, рѣдкая наблюдательность и способность быстро и ясно схватывать самыя сложныя соображенія, послужили ему драгоцѣнными качествами для усвоенія себѣ всѣхъ военно-административныхъ операцій. Если присоединить къ тому, что князь Петръ Михайловичъ, съ первыхъ дней своей службы, отличался и, такъ сказать, сроднился съ самою педантическою акуратностію въ дѣлѣ изученія каждаго поручаемаго ему предмета, то станетъ понятнымъ, что почти пятилѣтнее нахожденіе его при дѣлахъ военно-походной канцеляріи, въ которой сосредоточивалось въ то время почти все управленіе военною частью, должно было подготовить въ немъ государственнаго человѣка, широко и вѣрно смотрѣвшаго на организацію сухопутныхъ военныхъ силъ Имперіи. Боевая опытность и продолжительное пребываніе, съ 1807 по 1810 годъ, за границею, съ цѣлію изученія иностранныхъ военныхъ учрежденій, еще болѣе усилили эту подготовку.

Боевое поприще князя Волконскаго начинается съ кампаніи 1805 года, во время которой онъ былъ дежурнымъ генераломъ, сперва въ корпусѣ Буксгевдена, а потомъ, по соединеніи послѣдняго съ войсками Кутузова, и при главнокомандующемъ.

Въ тѣ времена, когда не существовало еще должности начальника штаба, вся штабная служба распредѣлялась между двумя главными

помощниками главнокомандующаго: дежурнымъ генераломъ и генералъ-квартирмейстеромъ. Этого достаточно, чтобы понять, какія трудныя и многосложныя обязанности лежали въ эту кампанію на князѣ Волконскомъ. Собственно подъ непріятельскимъ огнемъ онъ выказалъ вполнѣ то хладнокровное мужество и спокойствіе, которое его постоянно отличало. «Въ Аустерлицкомъ сраженіи», говоритъ Кутузовъ въ своемъ донесеніи Государю, отъ 30-го ноября, «князь Волконскій оказалъ достоинства, кои при несчастіи болѣе видны, нежели при счастливомъ сраженіи. Онъ не только отличался храбростію, но благоразуміемъ и сохраненіемъ всего нужнаго при подобныхъ случаяхъ хладнокровія, способствуя подъ самымъ огнемъ непріятельскимъ троекратно къ собранію людей Фанагорійскаго и Ряжскаго полковъ, съ которыми и могъ я въ нѣкоторомъ порядкѣ ретироваться».

Наградою князю Волконскому за отличіе въ Аустерлицкомъ сраженіи былъ орденъ св. Георгія 3-й степени.

Не принимая непосредственнаго участія въ войнѣ 1806—1807 годовъ, Волконскій находился при Императорѣ Александрѣ въ Тильзитѣ, гдѣ и былъ представленъ Наполеону, а по заключеніи мира отправленъ во Францію, чтобы изучить ея военныя учрежденія и особенно устройство генеральнаго штаба.

Два года, проведенные въ этой командировкѣ, были употреблены имъ съ полнымъ успѣхомъ, такъ что, когда по возвращеніи, въ началѣ 1810 года, князя Волконскаго въ Петербургъ, имъ представленъ былъ отчетъ о внутреннемъ устройствѣ французской арміи и особенно о генеральномъ штабѣ, то Государь, оставшись вполнѣ доволенъ собранными свѣдѣніями, тогда же назначилъ князя управляющимъ всею квартирмейстерской частью (*).

Квартирмейстерская часть того времени не имѣла въ основѣ своего устройства никакихъ положительныхъ узаконеній; все зависѣло отъ произвола и усмотрѣнія лица, стоявшаго въ ея главѣ. Поэтому-то это важное учрежденіе являлось чѣмъ-то случайнымъ, непонятнымъ не только для войскъ, но даже и для высшихъ начальниковъ. Въ немъ былъ главный начальникъ, но не было около него правильно организованнаго управленія; были чины, служащіе въ квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ, но не было никакихъ опредѣлительныхъ указаній къ ихъ комплектованію, прохожденію ими службы, къ распредѣленію ихъ занятій. На восполненіе этихъ-то недостатковъ новый управляющій квартирмейстерскою частію прежде всего и обратилъ свое

(*) «Императоръ Александръ I и его сподвижники»: біографія князя П. М. Волконскаго.

вниманіе, избравъ себѣ главными помощниками въ этомъ дѣлѣ тѣхъ именно лицъ, съ которыми онъ имѣлъ уже случай познакомиться на маневрахъ 1803 года, а именно Толя, Хатова и Селявина.

Толь въ это время, въ чинѣ подполковника, командовалъ 20-мъ егерскимъ баталіономъ, входившимъ въ составъ 3-й дивизіи, стоявшей въ Литвѣ. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и 1-го іюля 1810 года принятъ обратно въ Свиту по квартирмейстерской части.

Подполковники Селявинъ и Хатовъ находились при депо квартирмейстерской части; всѣ трое были по своимъ лѣтамъ почти ровесники Волконскому, молоды, полны энергіи, самолюбія и жажды дѣятельности. Съ ними-то и приступилъ князь Петръ Михайловичъ къ дѣлу устройства квартирмейстерской части, причемъ Толь и Селявинъ были главными помощниками его по организаціи управленія, между тѣмъ, какъ подполковникъ Хатовъ, какъ увидимъ ниже, сдѣлался его сотрудникомъ въ дѣлѣ образованія колоновожатыхъ.

Въ дѣлахъ административныхъ, правою рукою князя Волконскаго является съ перваго же разу и затѣмъ постоянно, въ теченіе всей жизни, пользуется его полнѣйшимъ довѣріемъ — Николай Ивановичъ Селявинъ.

Происходя изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей (*), Селявинъ родился въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, получилъ дома очень хорошее образованіе, и во время второй Турецкой войны, шестнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1790 году, принятъ былъ сержантомъ въ Екатеринославскій гренадерскій полкъ, съ которымъ и сдѣлалъ кампанію въ Молдавію. Произведенный сперва въ полковые аудиторы, а затѣмъ, въ 1794 году, въ адъютанты генералъ-маіора князя Волконскаго (дяди князя Петра Михайловича), Селявинъ постоянно отличался исполнительностію и усердіемъ. Возвратясь во фронтъ, въ 1797 году, въ Азовскій мушкетерскій полкъ, онъ дѣлалъ съ нимъ, командуя уже ротою, походъ въ Италію и Швейцарію, гдѣ, за отличіе, при проходѣ черезъ Альпійскія горы, награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени (нынѣ 4-й степени, на шпагѣ). Будучи оставленъ генераломъ Розенбергомъ въ долинѣ Мутенъ, для передачи французамъ нашихъ больныхъ и раненыхъ, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ, въ которомъ находился девять мѣсяцевъ. По возвращеніи изъ плѣна, не только снова принятъ на службу, но даже произведенъ въ штабсъ-капитаны и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Въ 1803 году, будучи

(*) По послужному списку; въ біографіи Селявина, помѣщенной въ сборникѣ: «Императоръ Александръ I и его сподвижники», онъ показанъ происходящимъ изъ дворянъ Московской губерніи.

уже въ чинѣ капитана, онъ былъ принятъ генераломъ Сухтеленомъ, какъ боевой, опытный и образованный офицеръ, въ Свиту по квартирмейстерской части тѣмъ же чиномъ и постоянно состоялъ при генералъ-квартирмейстерѣ адъютантомъ по инспекторской части. При всѣхъ прочихъ достоинствахъ, Селявинъ имѣлъ красивый почеркъ, въ совершенствѣ владѣлъ русскимъ языкомъ, любилъ словесность и даже писалъ стихи и комедіи (*).

Первымъ плодомъ дѣятельности князя Волконскаго было устройство центральнаго управленія квартирмейстерскою частію, того именно, которое до сихъ поръ, безъ опредѣленнаго положенія, называлось обыкновенно депо или департаментомъ квартирмейстерской части. Штатъ этого учрежденія, названнаго канцеляріею управляющаго квартирмейстерскою частію, Высочайше утвержденъ въ ноябрѣ 1810 года и составленъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Всего въ канцеляріи положено имѣть четыре отдѣленія, изъ нихъ первое—текущихъ дѣлъ, ввѣренное подполковнику Селявину, при которомъ назначено имѣть аудитора, одного унтеръ-офицера и двухъ писцовъ. Второе отдѣленіе—топографическое и третье—маршрутное, были подчинены подполковнику Толю, въ распоряженіе котораго въ этихъ отдѣленіяхъ состояло три оберъ-офицера квартирмейстерской части и три писца. Ко второму отдѣленію относилось производство военныхъ съемокъ и черченіе плановъ, почему при немъ состояла чертежная, которая, однако, имѣла своего самостоятельнаго начальника въ лицѣ сперва полковника Вистицкаго 4-го, потомъ Довре и, наконецъ, Пенскаго, отличнаго чертежника, который оставался въ этой должности даже въ чинѣ генералъ-маіора, до самой отставки своей въ 1829 году. Наконецъ, третье отдѣленіе вѣдало все относящееся до военныхъ дорогъ и расположенія войскъ по квартирамъ и лагерями, а четвертое, ввѣренное подполковнику Пейкеру, частью казначейскою и архивомъ; при немъ полагалось имѣть всего одного унтеръ-офицера и одного писца.

Вслѣдъ за сформированіемъ этой канцеляріи установлены впервые, съ 10-го декабря 1810 года, приказы по квартирмейстерской части, въ которыхъ, за подписомъ управляющаго оною, вносились всѣ распоряженія по личному составу служащихъ въ этой части. Приказы

(*) Стихотворенія его не были напечатаны, но три его комедіи были изданы въ свѣтъ: въ 1796 году «Осмѣянный вертопрахъ», въ трехъ дѣйствіяхъ; въ 1806 году, «Женихи или побѣжденный предразсудокъ», въ пяти дѣйствіяхъ и въ 1809 году, «Добро не впопадъ, а зло не во вредъ», въ трехъ дѣйствіяхъ (Біографія Н. И. Селявина въ сборникѣ: «Императоръ Александръ I и его сподвижники»).

эти составлялись въ первомъ отдѣленіи и разсылались всѣмъ старшимъ начальникамъ квартирмейстерской части при войскахъ, и офицерамъ, состоящимъ въ Петербургѣ. Хотя приказы эти, въ первое время послѣ ихъ установленія, и велись крайне неполно, но, тѣмъ не менѣе, они составляютъ самый драгоцѣнный матеріалъ для исторіи (*).

Для помѣщенія канцеляріи квартирмейстерской части, по ходатайству князя Волконскаго, пріобрѣтенъ, въ мартѣ 1811 года, домъ статсъ-секретаря Молчанова (что нынѣ зданіе главнаго штаба), перестроенъ и меблированъ соотвѣтственно его новому назначенію; опредѣлена постоянная ремонтная сумма для него, установленъ штатъ смотрителя этого дома (**). Сюда-то, въ августѣ 1811 года, перешла квартирмейстерская часть изъ тѣснаго и неудобнаго помѣщенія въ Михайловскомъ замкѣ, и этимъ на дѣлѣ совершилось окончательное отдѣленіе ея отъ инженернаго вѣдомства.

Въ новомъ помѣщеніи квартирмейстерской части положено было начало учрежденію библіотеки, колекціи картъ и инструментовъ. Князь Волконскій лично пожертвовалъ для этой библіотеки до 500 книгъ военнаго содержанія, вывезенныхъ имъ изъ за-границы, пригласивъ въ тоже время и другихъ офицеровъ къ таковымъ пожертвованіямъ. Слѣдуя примѣру начальника, каждый старался по возможности содѣйствовать этому благому начинанію, и въ короткое время было собрано около 2,000 хорошихъ математическихъ, историческихъ и военныхъ сочиненій на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которыя и послужили началомъ нынѣшней библіотеки генеральнаго штаба. Тогда же княземъ Волконскимъ исходатайствовано ежегодное асигнованіе по 2,500 руб. асигнаціями, на пріобрѣтеніе книгъ и картъ изъ за-границы, чѣмъ положено прочное основаніе библіотекѣ и депо картъ квартирмейстерской части.

Впервые это собраніе картъ и плановъ было приведено въ порядокъ поручикомъ Сахновскимъ, который составилъ и каталогъ всего наличнаго имущества этого депо, за что получилъ, 30-го мая 1811 года, благодарность князя Волконскаго. Къ сожалѣнію, самый каталогъ не сохранился въ архивныхъ дѣлахъ.

(*) Подлинные приказы по квартирмейстерской части хранятся въ архивѣ генеральнаго штаба, въ С.-Петербургѣ.

(**) Всего на перестройку дома единовременно было отпущено 36,241 руб., да на покупку мебели 5,000 руб. Сверхъ того, на ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе по 6,925 руб. 80 коп. въ годъ и на содержаніе служительской команды, изъ 1 унтеръ-офицера и 17 сторожей, по 678 руб. Смотритель дома и его помощникъ полагались изъ офицеровъ квартирмейстерской части.

Въ виду тѣхъ трудностей, какія представляло въ то время вообще пріобрѣтеніе всякаго рода инструментовъ, въ 1811 году положено было начало собственной механической мастерской для изготовленія таковыхъ; по этому предмету заключено было условіе съ выписаннымъ изъ Касселя докторомъ философіи и професоромъ физики и астрономіи Корнеліемъ Рейсихомъ; по его проекту утвержденъ, 23-го января 1812 года, полный штатъ мастерской, состоявшій изъ завѣдывавшаго мастерскою професора, четырехъ вольныхъ подмастерьевъ и четырнадцати казенныхъ мастеровыхъ; на содержаніе этихъ чиновъ опредѣлено въ годъ по 7,600 руб., да на матеріалъ по 3,000 руб. асигнаціями, независимо отъ прежде назначенныхъ на покупку машинъ 300 червонцевъ. Такимъ образомъ, положено начало учрежденію, которое принесло большую пользу, и впослѣдствіи дало возможность сообщить нашимъ государственнымъ съемкамъ надлежащее развитіе.

Всѣ эти мѣры создавали изъ квартирмейстерской части совершенно отдѣльное вѣдомство, вполнѣ независимое отъ депо картъ, которое, еще въ октябрѣ 1810 года, было выдѣлено изъ вѣдѣнія генералъ-квартирмейстера, поступивъ въ полное распоряженіе военнаго министра. Такое раздѣленіе этихъ двухъ учрежденій имѣло то основаніе, что на депо картъ лежала обязанность производства большихъ государственныхъ съемокъ, для чего военный министръ могъ имѣть всегда болѣе обширныя средства, между тѣмъ, какъ квартирмейстерская часть должна была заботиться исключительно о военныхъ картахъ и военныхъ съемкахъ. Основанія эти выяснились, когда депо картъ, переименованное въ военно-топографическое депо, получило новое положеніе и штатъ 28-го февраля 1812 года. По этому положенію, на обязанность депо было возложено: составленіе, собираніе и храненіе картъ, плановъ, чертежей, топографическихъ и статистическихъ описаній, журналовъ и донесеній о военныхъ дѣйствіяхъ, проектовъ и диспозицій оборонительныхъ и наступательныхъ войнъ, а въ особенности составленіе изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ записокъ и военно-историческихъ таблицъ. Для занятій въ депо, а также для съемокъ должны были назначаться, по указаніямъ военнаго министра, чины квартирмейстерскаго и инженернаго вѣдомствъ, а также и лица, служащія по гражданской части.

Директоромъ депо назначенъ былъ тогда инженеръ-генералъ Оннерманъ, которому были подчинены начальники шести отдѣленій, составлявшихъ депо. Предметы занятій этихъ отдѣленій были слѣдующіе:

Перваго,—занятія по особымъ порученіямъ, возлагаемымъ на директора; втораго,—астрономическія наблюденія и тригонометрическія

съемки, необходимыя для составленія картъ большаго пространства; третьяго,—составленіе и черченіе картъ, какъ топографическихъ, такъ и географическихъ; четвертаго,—надзоръ надъ архивомъ плановъ, картъ и надъ библіотекою; содержаніе ихъ въ порядкѣ, сочиненіе выписокъ для составленія военной исторіи Русской Имперіи и работъ по составленію вообще исторіи, географіи и топографіи Россіи; пятаго,—гравированіе и печатаніе картъ и плановъ; шестаго,—письмоводство, распорядительная и казначейская часть.

Изъ этого перечня занятій отдѣленій видно, что на нихъ собственно возлагались всякаго рода астрономическія, историческія и географическія работы, въ которыхъ могли принимать участіе офицеры квартирмейстерской части лишь въ видѣ дополненія къ своимъ прямымъ обязанностямъ; вообще, работы эти не составляли вовсе постояннаго предмета занятій квартирмейстерской части, а къ нимъ привлекали изъ оной лишь отдѣльныя личности, подобно тому, какъ это было допускаемо и изъ другихъ вѣдомствъ.

Щедрыя денежныя средства, исходатайствованныя военнымъ министромъ для депо, заставляли предполагать, что дѣятельность его получитъ обширное развитіе (*), но Отечественная война помѣшала тому, а послѣ окончанія войнъ съ Наполеономъ, депо снова вошло въ ближайшую связь съ квартирмейстерскою частію.

Устроивъ центральное управленіе квартирмейстерскою частію, князь Волконскій дѣятельно занялся опредѣленіемъ круга обязанностей офицеровъ этого вѣдомства, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Уже Высочайшимъ повелѣніемъ 6-го сентября 1809 года, по которому было опредѣлено, чтобы впредь мѣста дежурныхъ штабъ-офицеровъ были занимаемы квартирмейстерскими чинами, до нѣкоторой степени устанавливался кругъ ихъ дѣятельности, но все-таки не было еще никакихъ опредѣленныхъ инструкцій или положеній по этому предмету; вся штабная служба исполнялась преимущественно по преданіямъ и по личному усмотрѣнію частныхъ начальниковъ, такъ какъ даже въ уставахъ и законоположеніяхъ Императора Павла имѣлись лишь отрывочныя о томъ указанія. Этотъ-то недостатокъ и былъ пополненъ княземъ Волконскимъ.

Въ 1811 году, въ канцеляріи управлявшаго квартирмейстерскою

(*) По штату 28-го февраля 1812 года, на содержаніе депо назначено 44,000 руб. ассигнаціями, да на покупку книгъ и картъ по 1,000 червонцевъ въ годъ. Сверхъ того, разрѣшено всю выручку отъ продажи картъ употреблять на хозяйственныя надобности, отдѣляя ежегодно до 5,000 руб. на прибавку къ жалованью служащимъ въ депо. Офицерамъ же, отправляемымъ на съемки, отпускались особо прогоны и деньги на свозъ инструментовъ.

частію, подъ непосредственною редакціею Толя, составлено было: «Руководство къ отправленію службы чиновникамъ дивизіоннаго генералъ-штаба». Руководство это, тогда же отпечатанное и разосланное княземъ Волконскимъ въ войска, служило нашему генеральному штабу постояннымъ пособіемъ въ дѣлѣ отправленія службы во время всѣхъ войнъ александровской эпохи; къ сожалѣнію, оно было впослѣдствіи забыто, отчасти утратило свое значеніе, вслѣдствіе измѣнившихся разныхъ условій военнаго дѣла; но даже и въ настоящее время нѣкоторые его отдѣлы сохранили вполнѣ живой, современный интересъ. Достаточно остановить вниманіе на вступленіи къ этому руководству, въ которомъ указывается на назначеніе офицера квартирмейстерской части и на размѣръ тѣхъ свѣдѣній, какими онъ долженъ владѣть. Нельзя не сознаться, что болѣе полнаго изложенія этого предмета, въ крайне сжатой формѣ, не представляетъ ни одно изъ сочиненій о генеральномъ штабѣ. По важности вопросовъ, затронутыхъ въ этомъ вступленіи, мы считаемъ не безъинтереснымъ привести здѣсь подлинный текстъ его.

«Свѣдѣнія офицера квартирмейстерской части», такъ начинается вступленіе, «заключаются въ двухъ правилахъ: 1) умѣть оградить себя безопасностію и противупоставить непріятелю преграды, трудныя къ преодолѣнію, 2) знать, съ которой стороны и въ чемъ состоитъ чувствительнѣйшій и рѣшительнѣйшій вредъ, какой только можно нанести непріятелю. Офицеръ квартирмейстерской части, имѣющій познанія, службѣ сей необходимыя, по своей должности есть истинный помощникъ командующему генералу. Руководимый свѣдѣніями своими, ревностію къ службѣ и расторопностію, онъ облегчаетъ генералу всѣ затрудненія и приготовляетъ ему начальныя основанія для его предпріятій и успѣховъ.

«Сколько бы ни были обширны свѣдѣнія квартирмейстерскаго офицера, но къ нимъ онъ долженъ присоединять добрую нравственность, скромность и удаленіе отъ всѣхъ партій: ибо не столько первыми, сколько послѣдними можетъ пріобрѣсть онъ полную довѣренность командующаго генерала, который, будучи не въ состояніи всего самъ собою видѣть, не можетъ дѣлать великихъ успѣховъ, ежели сей офицеръ не имѣетъ къ нему искренняго расположенія.

«Искуство избирать позиціи и укрѣплять оныя можетъ при несчастіи поддерживать неудачи и продолжать войну; но искусныя общія и частныя движенія войскъ и приличное размѣщеніе каждаго роду оружія, есть главныя орудія побѣдъ и рѣшительности кампаніи и цѣлой войны.

«Ежели обширныя свѣдѣнія топографіи и статистики нужны офицеру квартирмейстерской части, не менѣе необходимо ему знать: образъ устройства войскъ, ихъ эволюціи и порядокъ отправленія службы, какъ по фронтовой, такъ и внутренней части.

«Изъ сего изложеннаго понятія о званіи офицера квартирмейстерской части можно усмотрѣть, что познаніе: устройства, вожденія, расположенія и размѣщенія войскъ или тактика, есть главнѣйшая его должность.

«Познанія сіи пріобрѣсть только можно, находясь безотлучно посреди самыхъ войскъ, на какой конецъ необходимо нужно, дабы всѣ чиновники квартирмейстерской части, не считающіеся при депо, были раздѣлены по дивизіямъ, руководствуясь въ отправленіи службы излагаемыми здѣсь правилами».

Руководство это чрезвычайно важно, какъ первый офиціальный документъ, который точно и опредѣлительно очерчиваетъ кругъ обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба, ихъ занятія и отношенія къ высшимъ начальникамъ, при которыхъ эти офицеры состоятъ. Руководство состоитъ изъ трехъ частей: 1-я—о должности дивизіоннаго генералъ-штаба вообще, 2-я—о должности дивизіоннаго генералъ-штаба во время движенія войскъ, 3-я—посвящена правиламъ письмоводства.

Изъ первой части узнаемъ, что при каждой пѣхотной дивизіи положено имѣть одного штабъ и двухъ оберъ-офицеровъ, изъ чиновъ квартирмейстерской части, причемъ первый изъ нихъ назывался начальникомъ генеральнаго штаба дивизіи и завѣдывалъ всѣмъ, относящимся до движенія, расположенія и дѣйствія войскъ. Инспекторская и хозяйственная части не входили въ кругъ его занятій, но, во избѣжаніе упущеній, онъ долженъ былъ всегда имѣть свѣдѣнія относительно собранія войскъ дивизіи, оружія, снарядовъ, продовольствія, снабженія амуничными вещами, лазаретовъ и проч., а равно и подробныя топографическія и статистическія свѣдѣнія о мѣстахъ, гдѣ войска расположены, или же гдѣ имъ придется дѣйствовать. Начальникъ же дивизіоннаго штаба завѣдывалъ всей перепиской начальника дивизіи съ военнымъ министромъ, главнокомандующимъ и генералъ-квартирмейстеромъ, относительно движенія войскъ. Въ то же время, по всѣмъ дѣламъ службы, касающимся квартирмейстерской части, онъ обязанъ былъ доносить генералъ-квартирмейстеру, съ доклада дивизіонному начальнику; посылать также ему черезъ каждые полгода формуляры и кондуитные списки о себѣ и прочихъ чинахъ генеральнаго штаба за подписаніемъ дивизіоннаго начальника. Здѣсь впервые

устанавливается ясно та двойственность зависимости квартирмейстерскихъ чиновъ отъ строевыхъ начальниковъ, при которыхъ они состоятъ, и отъ генералъ-квартирмейстера, которая, не только до этого времени, но и впослѣдствіи, чаще всего служила поводомъ къ разнаго рода столкновеніямъ и неудовольствіямъ.

Вторая часть руководства имѣетъ видъ справочной книжки и заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много практическихъ указаній, не только относительно дѣятельности офицеровъ генеральнаго штаба при движеніи, расположеніи и дѣйствіи войскъ, но также и при производствѣ рекогносцировокъ, военныхъ съемокъ и обозрѣній, фуражировокъ, выбора позиціи, и т. под. Указанія эти составлены человѣкомъ, очевидно, опытнымъ въ этомъ дѣлѣ; въ приложеніи имѣются условные знаки для съемокъ, которые такимъ образомъ впервые появляются здѣсь официально; до этого времени никакихъ указаній по этому предмету не было.

Замѣчательно, что объ участіи офицеровъ квартирмейстерской части въ сторожевой службѣ почти не упоминается въ «Руководствѣ». Служба эта, прямо относившаяся къ обязанностямъ войскъ, обходилась, повидимому, безъ всякаго участія въ ней квартирмейстерскихъ чиновъ.

Въ третьей части излагаются правила составленія диспозиціи, историческаго журнала, веденія секретной переписки, разнаго рода донесеній и т. под. Въ приложеніи, кромѣ вышеуказанныхъ условныхъ знаковъ, имѣются еще формы: вѣдомости о мѣстныхъ средствахъ страны (статистическая таблица о числѣ жителей, домовъ, повозокъ, скота, полей, засѣва и сбора на нихъ, лѣсовъ и т. под.), маршрутовъ для войскъ, квартирныхъ росписаній, таблицъ пройденнаго при осмотрѣ дорогъ пространства.

Учрежденіе дивизіонныхъ генералъ-штабовъ, согласно съ сказаннымъ «Руководствомъ», было, однако, не болѣе какъ временною мѣрою, потому что въ появившемся въ слѣдующемъ же 1812 году «Учрежденіи для управленія большой дѣйствующей арміей», объ нихъ уже не упоминается и штабамъ придана другая форма. Въ составленіи этого важнаго и обширнаго законоположенія принималъ дѣятельное участіе князь П. М. Волконскій (*) и благодаря этому, все относящееся до чиновъ квартирмейстерской части вошло въ «Учрежденіе о большой дѣйствующей арміи», съ надлежащею полнотою и опредѣли-

(*) «Учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміей» было составлено комисіею, состоявшею, подъ председательствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли, изъ генераловъ: Оппермана, князя Волконскаго, Сенъ-При и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго.

тельностію. Положеніемъ этимъ впервые устанавливается должность начальниковъ штабовъ, вводится правильное раздѣленіе между дежурствомъ и квартирмейстерскою частію, опредѣляется составъ и кругъ занятій той и другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, название «генеральный штабъ» употребляется въ этомъ Положеніи неоднократно въ смыслѣ главнаго штаба арміи, и утверждается закономъ, чтобы дежурные штабъ-офицеры въ корпусныхъ штабахъ были избираемы изъ квартирмейстерскихъ офицеровъ. Послѣдняя мѣра имѣла значеніе въ томъ смыслѣ, что открывала болѣе широкое поприще для штабъ-офицеровъ квартирмейстерской части, а вмѣстѣ съ тѣмъ, указывала на сознаваемую уже необходимость замѣщенія высшихъ штабныхъ должностей людьми съ научнымъ образованіемъ и лучшею военною подготовкою противъ той, какую имѣли тогдашніе адъютанты.

«Учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи» опредѣлено, что квартирмейстерская часть въ арміи вѣдаетъ всѣ пріуготовительныя соображенія къ военнымъ операціямъ, приводитъ ихъ въ дѣйствіе и производитъ всѣ дѣла, подлежащія тайнѣ; на дежурство же арміи возложено: веденіе счета войскамъ и отданіе приказовъ (инспекторская часть), завѣдываніе полиціей, судами и госпиталями. Во главѣ первой поставленъ генералъ-квартирмейстеръ, а втораго — дежурный генералъ; объ обоихъ сказано, что они избираются изъ генералитета, безъ оговорки, чтобы первый былъ непремѣнно изъ служившихъ по квартирмейстерской части, но съ требованіемъ, чтобы генералъ-квартирмейстеръ былъ отличныхъ познаній. Обстоятельство, повидимому, ничтожное, но имѣющее большое значеніе для службы квартирмейстерскихъ чиновъ. Если въ дѣлѣ начальствованія войсками признается лучшимъ тотъ начальникъ, который непосредственно служилъ въ войскахъ, то тѣмъ болѣе къ завѣдыванію столь сложною частію, какъ квартирмейстерская, слѣдовало бы призывать лишь такія личности, которыя, независимо отъ своихъ познаній и способностей, знали бы по личному опыту всю службу ввѣряемаго имъ вѣдомства; этимъ въ значительной степени обезпечивался бы успѣхъ ихъ дѣятельности по управленію и руководству ввѣренными имъ чинами.

Состоящее въ вѣдѣніи генералъ-квартирмейстера арміи управленіе, согласно сущности лежащихъ на немъ обязанностей, раздѣлялось на два отдѣленія: къ первому принадлежало собираніе всѣхъ свѣдѣній о театрѣ войны, т. е. картъ, описаній, разнаго рода таблицъ, историческихъ записокъ объ опытѣ прежнихъ войнъ, производство обозрѣній и съемокъ въ тылу арміи; при этомъ отдѣленіи состояла чертежная и походное тисненіе картъ. Ко второму же отдѣленію при-

надлежало: составленіе диспозицій и наставленій начальникамъ отрядовъ, производство рекогносцировокъ, движеніе войскъ и расположеніе ихъ лагеремъ, или же по квартирамъ, выборъ позицій и предположенія къ ихъ укрѣпленію, ежедневныя записки и реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ, сводъ общихъ представленій къ наградамъ за военныя отличія и, наконецъ, секретная переписка по военнымъ операціямъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ занимались офицеры квартирмейстерской части; изъ числа же послѣднихъ назначались еще при каждой арміи капитанъ надъ вожатыми, имѣвшій при себѣ двухъ колоновожатыхъ, и одинъ офицеръ при генералъ-вагенмейстерѣ, для указанія путей къ движенію вагенбурга арміи и мѣстъ къ его расположенію; капитанъ же надъ вожатыми завѣдывалъ всѣми проводниками, потребными для войскъ. Наконецъ, смотря по надобности, предоставлялось главнокомандующему назначать для осмотра мѣстъ въ тылу арміи, выбора позицій и укрѣпленія ихъ, особаго опытнаго офицера квартирмейстерской части, которому придавалось нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ этой части, а также инженерныхъ и піонерныхъ.

Представителями квартирмейстерской части въ корпусахъ назначены были оберъ, а въ дивизіяхъ дивизіонные квартирмейстеры, кругъ обязанностей которыхъ соотвѣтствовалъ тому, что было установлено для арміи. Вообще, корпусные и дивизіонные штабы были снимками съ главнаго штаба, но только въ корпусахъ они раздѣлялись на отдѣленія: два по части дежурнаго штабъ-офицера, который замѣнялъ здѣсь дежурнаго генерала, и одно по части квартирмейстерской; дивизіонные же штабы на отдѣленія не раздѣлялись, а въ нихъ дивизіонный квартирмейстеръ, старшій адъютантъ и прочіе чины были совершенно самостоятельны другъ отъ друга. Въ случаѣ же, когда дивизія предназначалась для отдѣльныхъ дѣйствій, въ ней устанавливалась должность начальника дивизіоннаго штаба.

Рядомъ съ выясненіемъ обязанностей квартирмейстерскихъ офицеровъ, князь Волконскій приложилъ свои административныя способности и къ тому, чтобы организовать комплектованіе этого вѣдомства и прохожденіе службы его чинами. До него не было никакихъ точныхъ правилъ по этимъ предметамъ; все зависѣло отъ усмотрѣнія генералъ-квартирмейстера или лица его замѣняющаго. Князь Волконскій, съ первыхъ же дней своего управленія квартирмейстерскою частію, приступилъ къ пополненію этого пробѣла.

18-го февраля 1811 года воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, весьма важное въ жизни квартирмейстерской части, именно о сравненіи чиновъ офицеровъ этого вѣдомства съ чинами служащихъ при

кадетскихъ корпусахъ (*). До этого времени о градаціи чиновъ квартирмейстерскаго вѣдомства не было установлено ничего положительнаго: она считалась приравненною къ арміи, потому что имѣла чинъ маіора, но въ дѣйствительности пользовалась болѣе благопріятной линіей чиновъ, такъ какъ въ ней не было чиновъ штабсъ-капитана и прапорщика. Съ приравненіемъ же къ кадетскимъ корпусамъ, инженерному и артилерійскому вѣдомствамъ, чины квартирмейстерской части получили ту послѣдовательность, которую нашъ генеральный штабъ сохраняетъ по настоящее время. Вслѣдствіе таковой Высочайшей милости, тогда же 22 маіора Свиты Его Величества по квартирмейстерской части были единовременно произведены въ подполковники, а колоновожатыхъ стали производить въ прапорщики съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшее повышеніе въ подпоручики было производимо имъ уже по испытаніи ихъ въ знаніи службы.

Относительно самаго чинопроизводства, какъ равно по обмундированію и содержанію чиновъ квартирмейстерской части, на первыхъ порахъ не было еще установлено никакихъ опредѣленныхъ узаконеній. Было обращено лишь усиленное вниманіе на то, чтобы офицеры, а особенно колоновожатые не позволяли себѣ отступленій отъ формы одежды, установленной въ 1801 году. Обязательное присутствіе всѣхъ чиновъ квартирмейстерской части въ праздничные дни на разводахъ, а офицеровъ въ высокоторжественные дни и на Высочайшихъ выходахъ во дворцѣ, давало возможность постоянно слѣдить за точнымъ соблюденіемъ формы. На всѣхъ парадахъ и Высочайшихъ смотрахъ точно также должны были постоянно находиться всѣ квартирмейстерскіе офицеры, на лошадяхъ, на которыхъ однако никакого содержанія не получали. Въ видахъ же однообразія, лѣтомъ 1811 года, впервые установленъ форменный сѣдельный приборъ для квартирмейстерской части, а именно: черное англійское сѣдло съ ольстредями желтой кожи, обитое желтой бронзой; подпруги и трокъ съ бѣлыми и красными полосами; мундштукъ стальной; стремена желѣзныя; всѣ металическія части полированныя; ремни черной кожи. Чапракъ и чушка англійскіе, по примѣру тогдашнихъ гвардейскихъ, темнозеленаго сукна, обшитые по борту черным бархатомъ и по краямъ обложены двумя узкими золотыми галунами, опушенными съ обѣихъ сторонъ краснымъ сукномъ. На чушкахъ въ заднемъ углу чапрака шитыя звѣзды на подобіе ордена Андрея Первозваннаго, но безъ надписей (**).

(*) Полное Собраніе Законовъ.

(**) Приказъ по квартирмейстерской части 27-го іюля 1811 года, № 337.

Обратимся теперь къ мѣрамъ князя Волконскаго по части комплектованія квартирмейстерскаго вѣдомства.

7-го іюля 1810 года впервые были объявлены опредѣленныя указанія, какія именно свѣдѣнія требуются для того, чтобы быть принятымъ въ колоновожатые. Въ числѣ этихъ свѣдѣній на первомъ планѣ поставлено знаніе русскаго языка и одного изъ иностранныхъ на столько, чтобы умѣть свободно переводить и написать сочиненіе на данную тему; затѣмъ, требовалось знаніе ариѳметики, алгебры, геометріи, географіи и исторіи, въ размѣрахъ тогдашнихъ гимназическихъ курсовъ; наконецъ, умѣнье рисовать или чертить планы. Для производства испытаній желающимъ поступать въ колоновожатые, образованъ постоянный комитетъ изъ офицеровъ квартирмейстерской части, подъ предсѣдательствомъ полковника Фицтума, изъ подполковниковъ: Хатова и Шефлера и капитана графа Фалкланда. Впослѣдствіи въ этотъ комитетъ были назначаемы и другіе офицеры.

Съ декабря 1810 года общее завѣдываніе всѣми колоновожатыми ввѣрено подполковнику Хатову и въ слѣдующемъ же году, съ переводомъ колоновожатыхъ въ казенное помѣщеніе дома Молчанова, придано этому импровизированному училищу болѣе правильное устройство. Директоромъ его назначенъ Хатовъ, а помощникомъ къ нему подполковникъ Шефлеръ; колоновожатые раздѣлены по успѣхамъ на два класа, и поставлены въ прямую зависимость отъ смотрителей, которые назначались изъ молодыхъ офицеровъ Свиты, имѣвшихъ квартиры въ одномъ помѣщеніи съ колоновожатыми (въ верхнемъ этажѣ Молчановскаго дома). Первыми смотрителями были назначены въ 1811 году: поручикъ Окуневъ, подпоручикъ Муравьевъ 1-й (Александръ Николаевичъ) и прапорщикъ Муравьевъ 2-й (Николай Николаевичъ). Ежедневно одинъ изъ смотрителей дежурилъ по заведенію, а всѣ они служили репетиторами для учащихся. Собственно преподаваніемъ занимались: самъ Хатовъ (тактика и фортификація), полковникъ Пенскій (рисованіе и черченіе), а математикою — гвардіи капитанъ Рахмановъ, квартирмейстерской части подполковникъ Шефлеръ, капитанъ графъ Фалкландъ, а съ января 1812 года, прапорщикъ Муравьевъ 5-й (Михаилъ Николаевичъ). Русскую словесность преподавалъ ординарный професоръ с.-петербургскаго университета Бутырскій. Для чтенія лекцій посвящалось время съ 8-ми до 12-ти часовъ, причемъ болѣе всего времени было употребляемо на математику (три дня въ недѣлю), затѣмъ на черченіе (два дня, и, наконецъ, менѣе всего на военныя науки (одинъ день). Послѣ класныхъ занятій, колоновожатые ходили обыкновенно всѣ вмѣстѣ, подъ командою

Шефлера, на Царицынъ лугъ, гдѣ обязаны были присутствовать на производившихся тамъ ученьяхъ войскъ. Въ праздничные же дни они, вмѣстѣ со всѣми квартирмейстерскими офицерами, присутствовали на разводахъ.

Помѣщаясь въ домѣ Молчанова, колоновожатые состояли на полномъ своемъ собственномъ содержаніи, имѣя въ камерахъ даже свою мебель; отъ нихъ требовалось только исправное посѣщеніе лекцій, да чтобы непремѣнно ночевали въ училищѣ, являясь не позже одиннадцати часовъ (*). Форма одежды оставалась прежняя, но для однообразія ея постройки, князь Волконскій установилъ, чтобы всѣ вновь поступающіе колоновожатые обмундировывались непремѣнно лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, въ вѣдѣніи тамошняго полковаго адъютанта, штабсъ-капитана Сипягина. За несоблюденіе формы, неотданіе чести, а равно за неуспѣхи въ занятіяхъ, колоновожатые назначались на дежурство по училищу и по канцеляріи управляющаго квартирмейстерскою частію, и переводились въ армію унтеръ-офицерами и даже рядовыми.

Число колоновожатыхъ въ училищѣ не должно было превышать 60, но въ дѣйствительности ихъ было отъ 45 до 55, причемъ составъ ихъ былъ самый разнообразный. Между ними были молодые люди, дѣлавшіе уже кампаніи, и шестнадцатилѣтніе юноши, не кончившіе общаго образованія; въ 1810 году было даже двое колоновожатыхъ моложе шестнадцати лѣтъ (Юреневъ и Титовъ), которыхъ князь Волконскій откомандировалъ ко 2-му кадетскому корпусу, для окончанія тамъ обученія. Рядомъ съ этимъ въ училищѣ были молодые люди, кончившіе уже университетскій курсъ, служившіе въ гражданской службѣ, воспитывавшіеся за границею; въ числѣ послѣднихъ особенно обращали на себя вниманіе двое князей Голицыныхъ (Андрей и Михаилъ Михайловичи) и двое Перовскихъ (Левъ и Василій Алексѣевичи), кончившіе полный курсъ политехнической школы въ Парижѣ. Естественно, что при такомъ составѣ училища не могло быть правильнаго преподаванія и выпусковъ; каждый посѣщалъ тѣ лекціи, которыя были ему необходимы, и затѣмъ былъ подвергаемъ испытаніямъ, которыя, по нѣсколько разъ въ годъ, производились въ присутствіи князя Волконскаго и особой комисіи изъ квартирмейстерскихъ офицеровъ. Въ декабрѣ 1811 года установлены были правила для этихъ испытаній, по которымъ положено, въ назначенные дни,

(*) Имѣвшимъ родителей или ближнихъ родственниковъ въ столицѣ дозволялось жить при нихъ, но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно каждое утро являлись въ училище.

ежедневно экзаменовать по нѣсколько человѣкъ, провѣряя каждаго сразу изъ всего имъ пройденнаго. Вопросы по всѣмъ предметамъ составлялись самимъ княземъ Волконскимъ, который и ставилъ отмѣтки. Для полученія права на производство въ офицеры надо было сдать экзаменъ изъ слѣдующихъ предметовъ: по математикѣ — ариѳметика, планиметрія, стереометрія, тригонометрія плоская и сферическая, сколько нужно для вычисленія градусной сѣти, алгебра до уравненія второй степени, примѣненіе алгебры къ геометріи; по военнымъ наукамъ—тактика и фортификація, причемъ болѣе строго экзаменовали изъ полевой фортификаціи; сверхъ того, требовалось основательное знаніе русскаго языка, французскаго и нѣмецкаго. Выдержавшіе это несложное испытаніе производились прямо въ поручики Свиты по квартирмейстерской части, но съ 27-го января 1812 года установлено было производить ихъ въ прапорщики съ тѣмъ, чтобы только послѣ нѣкотораго уже испытанія по службѣ повышать въ чинъ подпоручика.

На содержаніе этого первоначальнаго училища колоновожатыхъ не отпускалось никакихъ особенныхъ суммъ; штабъ и оберъ-офицеры, находившіеся при училищѣ, какъ по административной, такъ и по учебной части, исполняли свои обязанности безъ всякаго вознагражденія, единственно по долгу службы и изъ усердія къ общей пользѣ. Колоновожатые же получали въ годъ 100 рублей жалованья, 50 рублей на обмундированіе и указную дачу провіанта, и затѣмъ обязаны были сами содержать себя и покупать всѣ необходимыя для занятій книги; только чертежныя и письменныя принадлежности отпускались колоновожатымъ на счетъ экономической суммы квартирмейстерской части.

При пестромъ до крайности составѣ колоновожатыхъ, какъ по лѣтамъ и образованію, такъ и по происхожденію, при безцвѣтной, хотя и очень почтенной, личности самого Хатова, училище колоновожатыхъ, въ короткій срокъ существованія своего до Отечественной войны, не могло пріобрѣсти никакого опредѣленнаго характера; между колоновожатыми не было общаго духа товарищества; не смотря на общее сожительство, въ ихъ средѣ преобладали разныя партіи; да и серьезнаго взгляда на науку не могло быть, въ виду соблазновъ столицы и благодаря полной свободѣ, предоставленной колоновожатымъ. Но тутъ же, въ небольшой квартиркѣ, занимаемой тремя братьями Муравьевыми (Александромъ, Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами), зарождались новыя начала, долженствовавшія вскорѣ оказать вліяніе на нашъ генеральный штабъ. Сюда, почти ежедневно, по вечерамъ,

собирались колоновожатые, не прельщавшіеся свѣтскими развлеченіями, но искавшіе образованія и науки; здѣсь занимались чтеніемъ и разборомъ прочитаннаго; здѣсь зарождался духъ товарищества и стремленіе къ самообразованію, долженствовавшее служить новымъ плодотворнымъ началомъ въ будущей службѣ этой молодежи. Это новое направленіе зародилось и получило впослѣдствіи свое развитіе внѣ училища колоновожатыхъ, въ Москвѣ, подъ вліяніемъ человѣка, заслуги котораго тѣсно связаны съ судьбою нашего генеральнаго штаба и даютъ ему полное право на глубокую признательность потомства.

Въ исходѣ 1810 года студентъ московскаго университета, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, имѣя всего четырнадцать лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, будучи страстно преданъ изученію математическихъ наукъ, и не довольствуясь университетскими лекціями, собралъ около себя кружокъ сочувствовавшихъ ему товарищей, составилъ съ ними «Общество математиковъ», и написалъ для него уставъ. Общество это имѣло цѣлію распространеніе познанія математическихъ наукъ посредствомъ сочиненій, переводовъ и преподаванія; но такъ какъ изъ прикладныхъ частей математики признавались въ то время наиболѣе полезными механика и военное искуство, то на нихъ общество обратило особое свое вниманіе и устремило всѣ труды къ пріуготовленію молодыхъ людей особенно въ военную службу (*).

Президентомъ общества избранъ былъ отецъ М. Н. Муравьева, Николай Николаевичъ Муравьевъ, который, исправивъ уставъ, представилъ его, черезъ попечителя московскаго университета, на Высочайшее одобреніе, и своимъ личнымъ вліяніемъ далъ дѣятельности общества преимущественно учебное направленіе.

Личность Н. Н. Муравьева слишкомъ замѣчательна и близка генеральному штабу, чтобы можно было умолчать о ней. Сынъ генералъ-поручика Николая Ерофеича Муравьева, извѣстнаго своими математическими познаніями (**), онъ родился въ Ригѣ, 15-го сентября 1768 года; рано лишившись отца, онъ своимъ образованіемъ, службою и состояніемъ обязанъ былъ своему отчиму, генералъ-маіору кня-

(*) Полное Собраніе Законовъ. Высочайше утвержденный уставъ «Общества математиковъ».

(**) Н. Е. Муравьевъ былъ человѣкъ замѣчательно образованный для своего времени: онъ издалъ въ 1752 году «Начальныя основанія математики», содержащія въ себѣ едва ли не первую алгебру на русскомъ языкѣ, участвовалъ въ составленіи инструкціи 1776 года о генеральномъ земель-размежеваніи и находился въ короткихъ сношеніяхъ и въ перепискѣ съ извѣстнымъ военнымъ писателемъ Монталамберомъ.

зю Александру Васильевичу Урусову, который очень любилъ своего пасынка и, замѣтивъ его способности, не щадилъ на его воспитаніе никакихъ издержекъ. Записанный на шестилѣтнемъ возрастѣ унтеръ-офицеромъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, молодой Муравьевъ, десяти лѣтъ отъ роду, былъ переведенъ во флотъ мичманомъ, а въ 1784 году отправленъ, въ сопровожденіи особаго наставника, во Францію, гдѣ провелъ четыре года въ знаменитомъ въ то время страсбургскомъ университетѣ, занимаясь, преимущественно, математическими и военными науками, въ которыхъ и пріобрѣлъ основательныя познанія. Возвратясь въ 1788 году въ отечество, Муравьевъ блистательно выдержалъ экзаменъ для поступленія во флотъ, куда и зачисленъ лейтенантомъ. Въ войну со шведами, онъ уже командовалъ гребнымъ флотомъ въ сраженіи подъ Роченсальмомъ (*); выказавъ здѣсь пылкую отважность и рѣшительность, Муравьевъ попалъ въ плѣнъ, когда, раненый, спасался вплавь съ затонувшаго отъ непріятельскихъ выстрѣловъ судна. По возвращеніи изъ плѣна, онъ командовалъ такъ называемою «золотою яхтою» Императрицы Екатерины.

По восшествіи на престолъ Императора Павла, Муравьевъ былъ переведенъ подполковникомъ въ гусарскій Дунина полкъ, что нынѣ Елисаветградскій, но оставался въ полку всего годъ, а затѣмъ, выйдя въ отставку, поселился въ родовомъ своемъ имѣніи въ Петербургской губерніи, и служилъ по выборамъ, предводителемъ дворянства Лугскаго уѣзда.

Съ 1801 года Николай Николаевичъ Муравьевъ дѣлается постояннымъ жителемъ Москвы, завѣдывая всѣми дѣлами и имѣніями своего отчима, и посвящая все время воспитанію дѣтей. Еще въ 1791 году онъ женился на дочери инженеръ-генерала Михаила Ивановича Мордвинова, Александрѣ Михайловнѣ (**), отъ которой имѣлъ пять сыновей и одну дочь. Изъ числа сыновей трое, Александръ, Николай и Михаилъ, служили по квартирмейстерской части, причемъ двое послѣднихъ пріобрѣли историческую извѣстность своею послѣдующею службою. Въ эпоху основанія «общества математиковъ», двое старшихъ, Александръ и Николай, находились уже на службѣ по квартирмейстерской части.

Возвращаемся къ «обществу».

По уставу, «общество математиковъ» взялось безвозмездно преподавать ариѳметику съ алгеброю, геометрію съ тригонометріею, плоской и сферической, начертательную и аналитическую геометрію, диферен-

(*) 28-го іюня (9-го іюля) 1790 года.

(**) Умерла въ 1809 году.

ціальное и интегральное исчисленіе; изъ прикладной математики,— механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ; затѣмъ, тактику во всемъ ея объемѣ, фортификацію полевую и долговременную, теорію и практику всякаго рода съемокъ. Сверхъ того, предполагалось современемъ ввести преподаваніе физики, артилеріи и другихъ прикладныхъ математическихъ наукъ. Общество состояло изъ президента, директора, почетныхъ и ординарныхъ членовъ и сотрудниковъ. Президентомъ, какъ сказано, избранъ былъ Н. Н. Муравьевъ, директоромъ сынъ его Михаилъ, почетными членами разныя извѣстныя лица, между которыми были князь Волконскій, академикъ Гурьевъ, полковникъ Рахмановъ, основавшій въ 1810 году «Военный Журналъ». Въ ординарные члены и сотрудники зачислялись всѣ желающіе, по экзаменамъ изъ разныхъ отдѣловъ математическихъ знаній; самые же экзамены производились ежемѣсячно въ общихъ собраніяхъ общества.

Чтенія лекцій съ самаго начала распредѣлились слѣдующимъ образомъ (*): ариѳметику съ алгеброй преподавалъ студентъ Терюхинъ, по Эйлеру; геометрію—студентъ Щепкинъ, по Лежандру; аналитическую геометрію, которая въ то время не входила еще и въ университетскій курсъ, читалъ Михаилъ Муравьевъ, по руководству Гарніе, Біота и Лакруа; диференціальное и интегральное исчисленіе — студентъ Андреевъ, по Безу; механику—кандидатъ Афонасьевъ, по Боссю. Чтеніе же военныхъ наукъ принялъ на себя самъ Н. Н. Муравьевъ, по лучшимъ тогдашнимъ сочиненіямъ, а именно: низшую тактику по Гиберту, высшую по Жомини, фортификацію по сочиненіямъ Наузе-де-Сентъ-Поль. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые ординарные члены общества приступили къ переводу на русскій языкъ нѣсколькихъ математическихъ сочиненій.

Н. Н. Муравьевъ предоставилъ свой домъ (**) для собраній «общества» и для лекцій, а также уступилъ въ его пользу свою библіотеку, колекцію разнаго рода инструментовъ и изъявилъ согласіе руководить занятіями, съемками, рекогносцировками и вообще показать «въ теоріи и практикѣ все, что до военнаго искуства по квартирмейстерской части принадлежитъ, и притомъ съ раченіемъ, свойственнымъ человѣку, осмѣливающемуся мыслить, что военное искуство

(*) Письмо Н. Н. Муравьева къ попечителю московскаго университета, тайному совѣтнику П. И. Голенищеву-Кутузову (Современникъ, 1852 годъ, май).

(**) На Дмитровкѣ, тотъ самый домъ, который нынѣ занятъ лицеемъ Наслѣдника Цесаревича.

и устройство въ войскѣ составляютъ одну изъ главнѣйшихъ частей, споспѣшествующихъ государственному благу» (*).

Такимъ образомъ, въ Москвѣ, въ домѣ Н. Н. Муравьева, устроились публичныя безплатныя лекціи изъ математическихъ и военныхъ наукъ. Лекціи эти имѣли большой успѣхъ: ихъ слушали съ жадностію; на первыхъ же собраніяхъ было до 16 слушателей, а затѣмъ, число посѣтителей безпрестанно возрастало. Успѣху этого дѣла не мало способствовало увлеченіе тогдашняго молодаго поколѣнія математикою, которая въ началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря трудамъ Лагранжа, Лапласа, Монжа, Лежандра и другихъ, достигла значительнаго развитія и пріобрѣла первостепенное значеніе въ ряду предметовъ преподаванія. Въ то же время повсемѣстно была признана необходимость и польза математики для всякаго образованнаго военнаго человѣка, а большинство молодыхъ людей готовилось у насъ именно къ военной службѣ.

Вотъ причина, почему всѣ бросились на изученіе математики, которая сдѣлалась, такъ сказать, модною наукою.

Князь Волконскій, дѣятельно заботившійся о пополненіи квартирмейстерской части молодыми людьми, имѣвшими основательныя познанія въ математическихъ и военныхъ наукахъ, обратилъ свое вниманіе на «общество математиковъ». Будучи почетнымъ членомъ общества, онъ принялъ его подъ свое покровительство, сблизился съ Н. Н. Муравьевымъ и всячески старался возбуждать и поощрять его учебную дѣятельность.

Нѣсколько молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ «обществу математиковъ», и въ томъ числѣ его директоръ, М. Н. Муравьевъ, были приняты на службу въ колоновожатые, и вслѣдъ за тѣмъ, къ началу 1812 года, произведены по экзамену въ прапорщики Свиты по квартирмейстерской части. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ Н. Н. Муравьевъ за успѣшное подготовленіе молодыхъ людей къ поступленію въ колоновожатые, Высочайше пожалованъ, по ходатайству князя Волконскаго, орденомъ св. Анны 2-й степени съ алмазами.

Дальнѣйшее развитіе этихъ начатковъ было временно прекращено Отечественною войною. Наступили времена, не допускавшія мысли объ ученыхъ занятіяхъ: все стремилось на защиту отечества. Н. Н. Муравьевъ получилъ вызовъ на службу, былъ произведенъ въ полковники и назначенъ начальникомъ штаба ополченій третьяго округа, формировавшихся въ Нижнемъ-Новгородѣ; за нимъ послѣдовали многіе молодые люди изъ «общества математиковъ»; они были при-

(*) Письмо Н. Н. Муравьева къ попечителю московскаго университета.

пяты въ службу прапорщиками, съ назначеніемъ состоять при полковникѣ Муравьевѣ въ качествѣ офицеровъ квартирмейстерской части, въ которую и были переведены 6-го февраля 1813 года. Въ то же время прекратило свое существованіе и училище колоновожатыхъ; Хатовъ былъ назначенъ начальникомъ финляндской съемки и къ нему были отправлены всѣ оставшіеся непроизведенными колоновожатые. Затѣмъ, пріемъ новыхъ колоновожатыхъ во время войны съ Наполеономъ былъ крайне незначителенъ (въ 1812 году—15, а въ 1813—8 человѣкъ), и вновь принимаемые по большей части поступали прямо въ войска, или же были отправляемы на съемку въ Финляндію.

Озабочиваясь устройствомъ надежнаго комплектованія квартирмейстерской части, князь Волконскій, въ то же время, видимо старался очистить ввѣренное ему вѣдомство отъ лицъ, не удовлетворявшихъ своему назначенію: въ теченіе 1811 года 27 офицеровъ было уволено въ отставку или переведено въ армію, причемъ нѣкоторые изъ нихъ тѣми же чинами, съ оговоркою въ приказѣ, что переводятся за неспособностію. Результатомъ этихъ мѣръ было то, что квартирмейстерская часть, считавшая въ своемъ составѣ, къ 1-му января 1811 года, 172 человѣка всѣхъ офицерскихъ чиновъ, имѣла къ началу 1812 года только 167 человѣкъ, изъ числа которыхъ было: генераловъ 10, штабъ-офицеровъ 58 и оберъ-офицеровъ 99. Численность эта получила значительное усиленіе уже въ 1812 году, именно на 52 человѣка, изъ которыхъ 30 зачислено въ Свиту по квартирмейстерской части, въ первую же половину этого года.

Составъ этого корпуса офицеровъ по прежнему былъ еще довольно пестръ, но въ немъ замѣтенъ уже переходъ къ новому положенію. Екатерининскіе служаки устарѣли, ихъ было немного, но по своимъ чинамъ они стояли во главѣ квартирмейстерской части; привыкать къ новымъ порядкамъ, къ новому образу веденія войны и дѣйствій, имъ было, конечно, тяжело и, какъ увидимъ, они вскорѣ сошли почти совсѣмъ со сцены, за исключеніемъ весьма немногихъ, выдѣлившихся изъ общей среды по своимъ способностямъ и боевымъ отличіямъ.

Другимъ элементомъ въ составѣ квартирмейстерской части, болѣе значительнымъ и сильнымъ, представляются иностранцы, число которыхъ усилилось особенно послѣ Тильзитскаго мира. До этого времени къ намъ преимущественно поступали въ службу французскіе эмигранты и голандцы, по вызову Сухтелена. Передъ войною же

1812 года, являются выходцы изъ Прусіи и Австріи, которыхъ охотно переводятъ въ наши войска высокими чинами, надѣясь извлечь большую пользу изъ ихъ учености и опытности. Между этими иностранцами встрѣчаемъ имена, пріобрѣвшія впослѣдствіи извѣстность, правда, болѣе какъ теоретики, чѣмъ практики военнаго дѣла, именно, имена Валентини, Пфуля, Вольцогена, Гофмана, Клаузевица.

Первый вступилъ изъ прусскаго генеральнаго штаба въ квартирмейстерскую часть, еще въ 1810 году, маіоромъ, съ цѣлію спеціальнаго изученія нашихъ войнъ съ Турціею. Прибывъ на Дунай къ дѣйствующей арміи графа Каменскаго, на другой день послѣ неудачнаго штурма Рущука, Валентини своимъ педантически ученымъ видомъ, а еще болѣе новымъ плацпараднымъ обмундированіемъ, непригоднымъ для войны въ Турціи, успѣлъ возбудить противъ себя общія насмѣшки, вслѣдствіе которыхъ вскорѣ исчезъ изъ арміи (*), а въ началѣ 1812 года и совсѣмъ оставилъ нашу службу. Двухлѣтнее пребываніе его въ Россіи, тѣмъ не менѣе, дало ему возможность собрать разные матеріалы, которые онъ и употребилъ впослѣдствіи для составленія описанія турецкихъ войнъ.

Что касается Пфуля, то онъ родился въ Прусіи, воспитывался въ виртембергскомъ военномъ институтѣ и считался въ прусскомъ генеральномъ штабѣ, по свидѣтельству своего земляка, Клаузевица, геніальнымъ человѣкомъ; послѣ Тильзитскаго мира служилъ въ австрійскомъ генеральномъ штабѣ, а въ 1811 году перешелъ въ русскую службу, въ Свиту по квартирмейстерской части, заслужилъ особую довѣренность Императора Александра и, какъ извѣстно, имѣлъ большое вліяніе на первоначальный планъ нашихъ дѣйствій въ Отечественную войну.

Это былъ типъ односторонняго теоретика, не умѣвшаго примѣняться къ настоящему, пренебрегавшаго всей современною обстановкой военнаго дѣла. Изучивъ съ увлеченіемъ Семилѣтнюю войну, онъ строилъ свои планы на выводахъ изъ нея; служа въ Россіи, не только не зналъ русскаго языка, но не ознакомился съ нашими военными учрежденіями и съ лицами, стоявшими въ ихъ главѣ (**). Мюфлингъ отлично характеризуетъ Пфуля, говоря о немъ, что этотъ человѣкъ «многимъ импонировалъ, не многимъ довѣрялъ, ничьей любви не могъ возбудить къ себѣ (***)».

(*) Изъ рукописныхъ записокъ генерала отъ инфантеріи Ф. Ф. Шуберта.
(**) Bernhardi.—Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Grafen von Toll.
(***) Aus meinem Leben.—Fr. C. F. Freiherr von Müffling.

Гораздо выше по способностямъ, и даже по разносторонности своихъ свѣдѣній, стоялъ Вольцогенъ, принятый въ Свиту по квартирмейстерской части маіоромъ, еще въ 1807 году, изъ подполковниковъ виртембергской службы. Удостоенный званія флигель-адъютанта въ 1810 году, онъ пользовался расположеніемъ Барклая-де-Толли, и въ своихъ запискахъ выдаетъ себя за руководителя русскихъ войскъ въ войну 1812 года. Но, кажется, вѣрнѣе будетъ признать, и на это имѣются основанія, что Барклай пользовался начитанностію, необыкновенною памятью и топографическими свѣдѣніями Вольцогена, употребляя его для справокъ, въ видѣ живаго лексикона, а отнюдь не въ качествѣ совѣтника (*).

Гофманъ и Клаузевицъ болѣе извѣстны, какъ военные писатели, чѣмъ какъ дѣятели на военномъ поприщѣ въ рядахъ русской арміи. Оба они вступили въ русскую службу изъ прусскаго генеральнаго штаба, первый въ 1808, а второй въ 1812 году, и оставались въ ней до 1814 года, не ознаменовавъ себя ничѣмъ особеннымъ, кромѣ развѣ того, что Клаузевицъ принималъ дѣятельное участіе въ переговорахъ, веденныхъ въ концѣ 1812 года съ прусскимъ генераломъ Іоркомъ.

Въ ряду другихъ иностранцевъ, числившихся въ 1812 году въ квартирмейстерской части, особое вниманіе обращали на себя: италіанецъ Мишо, австрійской службы баронъ Кроссаръ и капитанъ Коцебу (Василій Августовичъ), испанской службы капитанъ Люцо, саксонской—подполковникъ Бозе, шведской—полковникъ Спальдингъ, капитанъ Хекъ, и, кромѣ того, нѣсколько французскихъ эмигрантовъ, изъ аристократическихъ фамилій. Изъ поименованныхъ здѣсь наиболѣе продолжительно оставался въ русской службѣ Александръ Францовичъ Мишо, вступившій въ 1805 году въ инженерный корпусъ капитаномъ изъ маіоровъ сардинскихъ войскъ. Впервые онъ обратилъ на себя вниманіе при дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Адріатическомъ морѣ. Переведенный, въ 1806 году, по собственному желанію въ квартирмейстерскую часть, онъ, по возвращеніи съ Іоническихъ острововъ, находился, съ 1808 по 1811 годъ, при молдавской арміи, будучи употребляемъ, смотря по обстоятельствамъ, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба или же инженера. Здѣсь имъ пріобрѣтены за боевыя отличія чины подполковника и полковника, орденъ св. Владиміра 4-й степени и, наконецъ, за молодецкую ночную переправу черезъ Дунай и овладѣніе Туртукаемъ — орденъ св. Георгія 4-й степени. Наиболѣе видная служба Мишо началась съ

(*) Богдановичъ, «Исторія Отечественной войны» 1812 года.

1812 года, когда онъ имѣлъ счастіе удостоиться особаго вниманія Императора Александра.

Хотя иностранный элементъ и занималъ видное мѣсто въ рядахъ квартирмейстерской части, но, собственно для дѣла, онъ не могъ быть особенно полезнымъ, какъ по незнанію большинствомъ иностранныхъ офицеровъ русскаго языка и нашихъ учрежденій, такъ еще болѣе потому, что, благодаря стараніямъ Сухтелена и князя Волконскаго, положено было уже достаточно прочное начало развитію въ средѣ квартирмейстерскихъ чиновъ собственно русскаго элемента. Характеръ войны 1812 года, патріотическое воодушевленіе ею возбужденное, еще болѣе должны были способствовать усиленію этого элемента.

Считаемъ необходимымъ оговориться, что собственно къ русскому составу квартирмейстерской части мы, не стѣсняясь происхожденіемъ, причисляемъ тѣхъ, которые начали службу въ русскихъ войскахъ съ низшихъ чиновъ, сроднились съ нашею арміею и хотя бы носили иностранныя фамиліи, но посвятили себя всецѣло службѣ Россіи.

Въ этой категоріи чиновъ квартирмейстерской части мы встрѣчаемъ, въ началѣ 1812 года, большое число лицъ, пріобрѣвшихъ громкую извѣстность своею службою; достаточно указать на болѣе выдающіяся въ этой категоріи личности Дибича, Толя, Гартинга, Гавердовскаго, Теслевыхъ, Шуберта, Теппера, трехъ братьевъ Муравьевыхъ, двухъ Нейдгартовъ, двухъ князей Голицыныхъ, двухъ Перовскихъ, графа Строганова, Данненберга, Липранди, Иванова, Щербинина, Федора Берга (впослѣдствіи фельдмаршала) и многихъ другихъ. Какая дѣйствительно богатая плеяда разнаго рода знаменитостей, только что начинавшихъ въ то время свою карьеру. Все это была молодежь, въ возрастѣ отъ 20-ти до 30-ти лѣтъ, усердно стремившаяся къ самообразованію, искавшая обогатить себя теоріею и опытомъ, старавшаяся заимствовать все полезное отъ стоявшихъ въ ея средѣ ученыхъ иностранцевъ, съ тѣмъ чтобы современемъ отстранить ихъ отъ дѣла и самой занять ихъ мѣсто.

Въ ряду всѣхъ этихъ будущихъ знаменитостей, двѣ личности уже тогда обращали на себя вниманіе и особенно быстро возвысились въ Отечественную войну: это Толь и Дибичъ.

Съ К. Ф. Толемъ мы уже знакомы; сближеніе его съ княземъ Волконскимъ доставило ему возможность выдвинуться быстро изъ толпы и занять видное мѣсто. Уроженецъ прибалтійскаго края, лютеранинъ по религіи, онъ въ душѣ былъ вполнѣ русскимъ и въ Оте-

чественную войну стоялъ совершенно внѣ нѣмецкой партіи; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ указаній, чтобы онъ былъ близокъ къ ней; напротивъ того, Вольцогенъ считалъ его своимъ личнымъ врагомъ; баронъ Кроссаръ также не могъ съ нимъ ужиться. Отчасти это и понятно: начавъ боевую службу подъ командою Суворова и Милорадовича, Толь хорошо зналъ нашего солдата и всѣ подробности нашей военной системы; будучи одаренъ свѣтлымъ умомъ и быстрою сообразительностію, онъ умѣлъ хорошо понимать и оцѣнивать всю окружавшую обстановку и примѣняться къ ней.

Другой его сослуживецъ, моложе лѣтами, но обогнавшій его на служебномъ поприщѣ, Дибичъ (*), по происхожденію прусакъ, воспитывался въ берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ, но 16 лѣтъ отъ роду вступилъ въ русскую службу, прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ (въ 1801 году). Съ этимъ полкомъ онъ сдѣлалъ кампаніи 1805, 1806 и 1807 годовъ, участвовалъ съ отличіемъ во всѣхъ наиболѣе значительныхъ сраженіяхъ этихъ войнъ, за что, кромѣ повышенія чинами до капитана, удостоился получить золотую шпагу съ надписью «за храбрость» (за Аустерлицъ, гдѣ былъ раненъ въ руку) и орденами св. Георгія 4-й степени и прусскимъ «за заслуги», за кампанію 1807 года. Какъ бывшій семеновецъ, князь Волконскій зналъ Дибича, цѣнилъ его способности и высокое военное образованіе, почему принялъ его въ 1810 году подполковникомъ въ Свиту по квартирмейстерской части, доставивъ ему, вслѣдъ затѣмъ, мѣсто дежурнаго штабъ-офицера въ корпусѣ графа Витгенштейна.

Такимъ образомъ, непосредственно князю Волконскому обязанъ генеральный штабъ тѣмъ, что въ его рядахъ составили себѣ карьеру двѣ столь крупныя знаменитости, каковыми были Дибичъ и Толь.

(*) Родился 1-го (13-го) мая 1785 года; отецъ Дибича служилъ до подполковничьяго чина въ прусскихъ войскахъ, а при Императорѣ Павлѣ переселился въ Россію, гдѣ и принятъ на службу.

I.

РУССКІЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

(Пять главъ изъ неизданной «Исторіи русскаго генеральнаго штаба» генералъ-маіора Глиноецкаго).

(*Статья вторая*) (*).

III.

(1812—1815).

Приготовленія по квартирмейстерской части къ войнѣ 1812 года.—Распредѣленіе чиновъ этого вѣдомства по дѣйствующимъ арміямъ; служба ихъ и матеріальное положеніе.—Служба квартирмейстерскихъ чиновъ въ войну 1813—1814 годовъ.—Князь П. М. Волконскій, генералы: Довре, Дибичъ, Толь, Рудзевичъ, П. И. Нейдгартъ, графъ Штейнгель, Понсетъ и друг. — Награды по квартирмейстерской части.—Учрежденіе гвардейскаго генеральнаго штаба.—Убыль въ квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ за это время.

Переходя къ распредѣленію офицеровъ квартирмейстерской части по войскамъ и къ занятіямъ ихъ передъ великою борьбою 1812 года, находимъ, что распредѣленіе этихъ чиновъ по корпусамъ и дивизіямъ было проектировано и Высочайше утверждено еще въ началѣ 1811 года, причемъ на каждую пѣхотную дивизію назначено было по три, а на кавалерійскую по одному квартирмейстерскому офицеру (**). Однако, росписаніе это не было осуществлено, такъ какъ въ

(*) См. «Военный Сборникъ», № 10-й, 1874 года.

(**) Высочайше апробованное росписаніе чиновъ Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, сообщенное князю Волконскому

это же время понадобилась повѣрка имѣющихся у насъ картъ, производство рекогносцировокъ въ западно-пограничномъ пространствѣ, и на эти-то работы были обращены всѣ силы квартирмейстерскаго вѣдомства.

Еще въ 1809 году командированы были въ разныя части западной Россіи квартирмейстерскіе офицеры для осмотра дорогъ и назначенія по нимъ ночлежныхъ пунктовъ, съ указаніемъ всѣхъ деревень, лежащихъ въ тридцативерстномъ раіонѣ около этихъ пунктовъ. Офицерами этими осмотрѣно было протяженіе дорогъ болѣе чѣмъ на 25,000 верстъ, и доставленныя ими свѣдѣнія послужили драгоцѣннымъ матеріаломъ для составлявшейся, подъ редакціею подполковника Хатова, военно-дорожной карты.

Въ 1810 году предпринято было въ большихъ размѣрахъ военное обозрѣніе западной границы; къ сожалѣнію, объ этой работѣ сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ можно, однако, видѣть, что всей работой завѣдывалъ полковникъ Довре, служившій по квартирмейстерской части съ 1801 года, и что подъ его руководствомъ производилось обозрѣніе пятью отдѣльными партіями. Въ сентябрѣ 1811 года имъ представленъ князю Волконскому результатъ этой работы: военная карта западно-пограничнаго пространства, на 55-ти листахъ, 37 отдѣльныхъ плановъ позицій и описаніе всей осмотрѣнной мѣстности, за что тогда же Довре произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Весною же 1811 года военный министръ Барклай-де-Толли указалъ князю Волконскому, что вниманіе офицеровъ, производящихъ рекогносцировки, должно быть въ особенности обращено на окрестности Вильны, Свенцянъ, Колтынянъ, и на пути оттуда къ Диснѣ, а на южномъ театрѣ войны, на пространство между Луцкомъ, Дубно, Пинскомъ, до Березины и Днѣпра; вслѣдствіе того, новыя партіи офицеровъ были командированы въ эти мѣстности (*).

Надо полагать, что всѣ съемочныя работы при этомъ производились глазомѣрно, но въ различныхъ масштабахъ, потому что къ концу 1811 года относится распоряженіе по всей квартирмейстерской части, чтобы впредь постоянно были принимаемы слѣдующіе масштабы (**) въ дюймѣ: для плановъ городовъ, селъ, крѣпостей, съ показаніемъ ихъ атаки, 50 саженъ; для военныхъ позицій, съ окружающей ихъ мѣстностію, на пять верстъ кругомъ, 250 саженъ; для топографиче-

---

отъ военнаго министра 1-го марта 1811 года, № 71 («Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба»).

(*) Секретный архивъ канцеляріи военнаго министерства.

(**) Приказъ по квартирмейстерской части, 22-го ноября 1811 года, № 565.

скихъ картъ края, съ изображеніемъ деревень и числа дворовъ въ нихъ, дорогъ между ними, болотъ, лѣсовъ, 3 версты; наконецъ, для генеральныхъ картъ края или государства, съ показаніемъ дорогъ лишь между городами, 15 верстъ.

Положительно неизвѣстно, какое употребленіе было сдѣлано изъ всѣхъ рекогносцировокъ, произведенныхъ въ нашемъ западно-пограничномъ пространствѣ передъ Отечественною войною; сохранились лишь указанія, что общая сводка ихъ была возложена на завѣдывавшаго военно-топографическимъ депо, инженеръ-генерала Оппермана, и на состоящаго при немъ флигель-адъютанта, инженеръ-полковника Барклая-де-Толли (*). Кромѣ того, въ чертежной квартирмейстерской части составлялись изъ этихъ рекогносцировокъ атласы, вѣроятно для Высочайшихъ особъ и для главной квартиры; надъ этимъ трудилось до пятнадцати офицеровъ квартирмейстерской части, работая ежедневно въ чертежной, съ восьми до трехъ часовъ пополудни; за эти труды имъ уже въ 1812 году объявлена была въ приказѣ князя Волконскаго особая благодарность.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что много труда было потрачено квартирмейстерскою частію на подготовительныя къ войнѣ 1812 года работы, но какъ это часто бываетъ съ работами генеральнаго штаба, трудъ этотъ пропалъ непроизводительно: вслѣдствіе быстраго отступленія нашихъ армій отъ границъ, вовсе не пришлось пользоваться выбранными и осмотрѣнными позиціями; менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ открытія кампаніи, наши арміи были за Днѣпромъ, очистивъ мѣстность разслѣдованную и вступая въ пространства, для которыхъ почти вовсе не имѣлось картъ. Впрочемъ, и къ началу кампаніи штабы войскъ были снабжены картами крайне скупо. Есть свѣдѣнія, что при формированіи штаба 2-й западной арміи, генералъ-квартирмейстеру ея, генералъ-маіору Адеркасу, послано было отъ князя Волконскаго, въ сентябрѣ 1811 года: семитопографическая карта части Волынской губерніи, вѣдомость военнымъ позиціямъ въ раіонѣ расположенія 2-й арміи, экземпляръ квартирной карты, да два экземпляра старой почтовой карты Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, доставлена была также одна мензула, бусоль, промѣрная цѣпь и десть александрійской бумаги (**). На отсутствіе картъ жалуется и генералъ-маіоръ Бергъ (командовавшій 5-ю пѣхотною дивизіею), указывающій, что въ цѣломъ 1-мъ корпусѣ (графа Витгенштейна) имѣлся

(*) Иванъ Богдановичъ, братъ военнаго министра, умеръ въ чинѣ генералъ-маіора въ 1819 году.

(**) Дѣла секретнаго архива канцеляріи военнаго министерства.

лишь одинъ экземпляръ столистовой карты въ корпусномъ штабѣ, чѣмъ и объясняетъ спутанность движеній, происшедшую при отступленіи 5-й дивизіи отъ границъ къ Вилькоміру (*).

Независимо отъ картографическихъ занятій, передъ Отечественной войной нѣкоторые офицеры квартирмейстерской части обратили на себя вниманіе особыми записками, представленными по поводу предстоящихъ военныхъ дѣйствій. Такъ, еще весною 1810 года, подполковникъ Дибичъ представилъ военному министру проектъ реквизиціонной системы на случай войны (**); подполковникъ Чуйкевичъ, уже въ апрѣлѣ 1812 года, подалъ записку съ кудреватымъ заглавіемъ: «Патріотическія мысли или политическія и военныя разсужденія о предстоящей войнѣ между Россіею и Франціею», въ которой выставляетъ необходимость оборонительныхъ дѣйствій противъ Наполеона, связанныхъ съ посылкою казачьихъ партій въ тылъ французамъ для производства народнаго возстанія (***). Наконецъ, полковникомъ Толемъ составленъ былъ особый мемуаръ о дѣйствіяхъ противъ Наполеона, представленный княземъ Волконскимъ Государю; мемуаръ этотъ замѣчателенъ особенно тѣмъ, что всѣ его выводы основаны на невѣрныхъ предположеніяхъ, доказывающихъ, что въ самомъ центральномъ управленіи квартирмейстерской части вовсе не имѣли вѣрныхъ свѣдѣній о силахъ и расположеніи непріятеля (****).

Усиленныя командировки по рекогносцировкамъ сильно разстроивали не установившееся еще распредѣленіе чиновъ квартирмейстерской части по войскамъ. Распредѣленіе это, въ теченіе 1811 и начала 1812 годовъ, безпрерывно мѣнялось: сперва оно было сдѣлано на основаніи «Руководства къ отправленію службы чинами дивизіоннаго генералъ-штаба»; затѣмъ, измѣнено согласно съ «Учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи» и наконецъ, по необходимости, снова было измѣнено въ мартѣ и апрѣлѣ 1812 года, вслѣдствіе значительнаго увеличенія числа пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій. Къ тому же, новая организація на арміи и корпуса еще не вполнѣ привилась къ войскамъ, почему вообще вся строевая отчетность, а въ особенности относительно чиновъ квартирмейстерской части, находилась въ полнѣйшемъ неустройствѣ. Приказы князя Волконскаго по ввѣренному ему вѣдомству переполнены, за 1811 и 1812 годы, напоминаніями, внушеніями и требованіями, чтобы старшіе начальники квартирмейстер-

(*) «Autobiographie des Generalen der Infanterie Gregor von Berg».

(**) «Organisations-Plan eines Requisitions-System» («Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба»).

(***) «Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба».

(****) Богдановичъ, «Исторія Отечественной войны 1812 года».

ской части въ арміяхъ и корпусахъ доставляли неупустительно и точно, два раза въ годъ, списки всѣхъ подчиненныхъ имъ чиновъ, а также доносили о всѣхъ служебныхъ перемѣнахъ въ ихъ положеніи. Но надо полагать, что все это не исполнялось въ точности, особенно среди треволненій Отечественной войны; по крайней мѣрѣ, въ архивахъ не сохранилось ничего систематически полнаго по этой части, а имѣются лишь самыя отрывочныя, сбивчивыя и нерѣдко противорѣчивыя свѣдѣнія. Очень часто одинъ и тотъ же офицеръ показывается почти одновременно въ двухъ и даже въ трехъ мѣстахъ служенія: по приказамъ онъ показывается въ одномъ мѣстѣ, по какому либо частному распоряженію въ другомъ, а въ дѣйствительности онъ остается на старой должности или въ пути слѣдованія къ новой.

Сопоставляя между собою всѣ эти свѣдѣнія, сличая разные списки, можно видѣть, что, въ то время, оставляя въ депо по квартирмейстерской части, да на съемкѣ Финляндіи, старыхъ служакъ, полковниковъ и подполковниковъ, начавшихъ службу еще при Екатеринѣ, съ молодыми офицерами вовсе не церемонились, безпрестанно перебрасывая ихъ не только изъ одной дивизіи въ другую, но даже изъ одной арміи въ другую. Старые полковники: Струковъ, Штегеманъ, Вистицкій 3-й оставляются въ Финляндіи; Фицтумъ (офицеромъ съ 1787 г.), Пенскій (съ 1793 г.), Эйхенъ 1-й (съ 1793 г.)— въ депо, и ихъ уже не тревожатъ во все время кампаніи; нѣкоторые высшіе чины сами уволились передъ Отечественной войной; такъ, генералъ-маіоръ Хомептовскій 1-й, генералъ-маіоръ Адеркасъ, полковники Гаіюсъ, Медеръ, Гарпе, Вистицкій 4-й, Пейкеръ, вышли въ отставку; генералъ-маіоръ Фридерици уволенъ сперва въ отпускъ за болѣзнію, а потомъ (въ 1813 г.) и вовсе въ отставку. Наконецъ, нѣкоторые изъ старшихъ чиновъ квартирмейстерской части были выдвинуты передъ войной 1812 года на высшія мѣста при войскахъ, и одни изъ нихъ вскорѣ сошли со сцены по несоотвѣтственности своей этимъ должностямъ, другіе же продолжали службу съ отличіемъ и заслужили себѣ память въ потомствѣ.

Припомнимъ, что къ началу 1812 года русскія войска составляли на западной границѣ Имперіи три отдѣльныя арміи: 1-ю западную, генерала отъ инфантеріи Барклая-де-Толли; 2-ю западную, генерала отъ инфантеріи князя Багратіона, и 3-ю резервную обсерваціонную, генерала отъ кавалеріи графа Тормасова. Сверхъ того, были отдѣльныя части: молдавская армія, генерала отъ инфантеріи Кутузова, войска въ Финляндіи (генералъ-лейтенанта Штейнгеля), въ Новорос-

сійскомъ краѣ (герцога Ришелье) и на кавказской линіи и въ Грузіи (генералъ-лейтенантовъ Ртищева и маркиза Паулучи), не считая войскъ на болѣе отдаленныхъ окраинахъ и формируемыхъ резервовъ.

Наибольшее число офицеровъ квартирмейстерской части, къ началу 1812 года, было собрано, какъ и слѣдовало предполагать, въ трехъ арміяхъ, расположенныхъ на западныхъ границахъ Имперіи. Сохранился документъ, показывающій, что въ февралѣ 1812 года во 2-ю западную армію было назначено 38 офицеровъ квартирмейстерской части, а именно: 1 генералъ, 7 штабъ и 30 оберъ-офицеровъ, да еще 3 колоновожатыхъ (*). Если принять во вниманіе, что въ это время 2-я армія имѣла всего до 37,000 человѣкъ (безъ 27-й пѣхотной дивизіи), то нельзя не признать, что соразмѣрность чиновъ квартирмейстерской части была въ ней весьма значительна. Но нельзя не замѣтить, что такое назначеніе этихъ чиновъ было сдѣлано до введенія корпусной организаціи и до учрежденія новыхъ дивизій; послѣднія двѣ мѣры совершенно разстроили первоначальныя предположенія о распредѣленіи квартирмейстерскихъ чиновъ, почему, съ первыхъ же дней Отечественной войны, многія личности, считавшіяся во 2-й арміи, являются совершенно въ другихъ арміяхъ.

Не имѣя никакой возможности вполнѣ возстановить распредѣленіе квартирмейстерскихъ чиновъ по войскамъ въ кампанію 1812 года, мы, на основаніи приказовъ и нѣкоторыхъ отрывочныхъ свѣдѣній, можемъ лишь указать, что, въ теченіе этого года, къ дѣйствующимъ противъ французовъ арміямъ было разновременно назначено до 140 штабъ и оберъ-офицеровъ квартирмейстерской части; постоянно же находилось не болѣе двухъ, трехъ офицеровъ при каждомъ пѣхотномъ корпусѣ; по одному, и рѣдко по два офицера на пѣхотную дивизію, и около 10-ти, 15-ти офицеровъ при штабѣ арміи; исключеніе изъ этого составляли кавалерійскіе корпуса, при которыхъ состояло по одному колоновожатому. Колоновожатыхъ вообще встрѣчается очень мало при войскахъ; большинство ихъ было оставлено или въ Петербургѣ, въ вѣдѣніи полковника Эйхена 1-го, или же на съемкѣ Финляндіи, въ распоряженіи полковника Хатова. Отсутствіе же колоновожатыхъ въ нѣкоторыхъ корпусахъ было замѣнено квартирьерами отъ полковъ, которымъ были даны верховыя лошади; они носили ружье на ремнѣ, за плечами, и состояли при квартирмейстерскихъ офицерахъ для посылокъ и занятія позицій.

(*) Росписаніе чиновъ Свиты по квартирмейстерской части въ арміи князя Багратіона, сообщенное генералъ-маіору Адеркасу отъ князя Волконскаго, при отзывѣ отъ 26-го февраля 1812 года, за № 592 (Арх. Генеральнаго Штаба).

Съ образованіемъ, весною 1812 года, штабовъ армій и корпусовъ на западныхъ границахъ Имперіи, въ этихъ штабахъ являются управленія генералъ и оберъ-квартирмейстеровъ, составленныя на основаніи незадолго до того объявленнаго «Учрежденія о большой дѣйствующей арміи», или, какъ оно въ то время называлось, на основаніи «Желтой книги», по цвѣту переплета, въ которомъ оно было разослано въ войска. Первыми генералъ-квартирмейстерами по этому новому положенію были назначены: въ 1-ю армію—генералъ-маіоръ Мухинъ, во 2-ю—генералъ-маіоръ Адеркасъ, вскорѣ замѣненный генералъ-маіоромъ Вистицкимъ 2-мъ, въ 3-ю — полковникъ Ренни. Изъ всѣхъ этихъ назначеній самымъ удачнымъ можно назвать послѣднее. Романъ Егоровичъ Ренни записанъ былъ на службу еще малолѣтнимъ, но дѣйствительно сталъ служить только съ 1794 года. Обладая отличнымъ образованіемъ, онъ былъ употребленъ для работъ на литовской съемкѣ и, обративъ здѣсь на себя вниманіе, былъ переведенъ Аракчеевымъ, въ 1796 году, въ Свиту по квартирмейстерской части капитаномъ. Участвовавъ съ отличіемъ въ Голандской экспедиціи 1799 года, а потомъ въ кампаніи 1807 года, исполняя многія разнообразныя порученія, Ренни пріобрѣлъ извѣстность опытнаго и полезнаго офицера, что и послужило основаніемъ къ его назначенію въ генералъ-квартирмейстеры 3-й арміи. Замѣчательно, что здѣсь собрались во главѣ арміи: графъ Тормасовъ, его начальникъ штаба, генералъ Инзовъ, и генералъ-квартирмейстеръ Ренни, всѣ трое служившіе нѣкогда, хотя и въ разныхъ мѣстностяхъ, подъ начальствомъ фельдмаршала князя Н. В. Репнина, этой свѣтлой, прекрасной личности. Полное согласіе и единомысліе этихъ трехъ высшихъ начальственныхъ лицъ 3-й арміи, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовало тому, что этой именно арміи удалось одержать первую побѣду надъ войсками Наполеона (при Кобринѣ, 15-го іюля) и пріобрѣсти первые трофеи Отечественной войны (*).

Менѣе удачно было назначеніе Мухина и Вистицкаго. Первый изъ

(*) За Кобринъ и Городечну Ренни получилъ чинъ генералъ-маіора и орденъ св Владиміра 3-й степени. Дальнѣйшая служба его была не продолжительна, но богата отличіями. Въ январѣ 1813 года, Ренни былъ назначенъ начальникомъ штаба корпуса Винценгероде, при которомъ состоялъ до самаго окончанія войны. Изъ числа полученныхъ имъ за это время многочисленныхъ наградъ, наиболѣе выдѣляется орденъ св. Георгія 3-й степени, пожалованный ему за сраженіе при Калишѣ, гдѣ онъ лично атаковалъ французовъ, защищавшихся въ с. Кокошкѣ, и взялъ при этомъ знамя и два орудія. Разстроенное походами здоровье заставило Ренни уволиться, 1-го января 1816 года, отъ службы и посвятить остатокъ своихъ дней воспитанію дѣтей. Онъ умеръ въ С.-Петербургѣ въ 1832 году.

нихъ отличный съемщикъ, но человѣкъ безъ образованія и самостоятельности, только и участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ конца прошлаго столѣтія противъ турокъ и польскихъ конфедератовъ. Вистицкій (Михаилъ Степановичъ) выказалъ уже однажды свою малоспособность въ 1799 году, состоя генералъ-квартирмейстеромъ у Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи; впрочемъ, въ арміи Багратіона незначительность Вистицкаго выкупалась личностію ловкаго и образованнаго начальника штаба 2-й арміи, генералъ-маіора графа Сенъ-При, который, передъ войною, участвовалъ въ обсужденіи плановъ предстоявшей кампаніи противъ Наполеона и въ составленіи «Учрежденія о большой дѣйствующей арміи». Участіе его въ послѣдней работѣ должно было значительно облегчить все устройство штабной службы при 2-й арміи. Мухинъ же находился въ совершенно другой обстановкѣ при 1-й арміи. Начальникомъ штаба ея былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Лавровъ, человѣкъ пожилой, по преимуществу способный къ канцелярской письменной работѣ. При этой же арміи находился самъ Императоръ съ княземъ Волконскимъ и съ многочисленною свитою, въ которой было не мало претендентовъ на генералъ-квартирмейстерскую должность. Пфуль, Вольцогенъ, Мишо, Толь, не стѣсняясь, критиковали всѣ распоряженія, представляли свои собственные планы и соображенія; не знавшему ни одного изъ иностранныхъ языковъ, Мухину невозможно было ихъ оспаривать, тѣмъ менѣе онъ въ состояніи былъ устоять противъ начавшихся уже въ главной квартирѣ интригъ. Отсутствіе всякой самостоятельности въ Мухинѣ особенно выказалось со вступленіемъ 1-й арміи въ дрисскій лагерь. Квартирмейстерской части полковникъ Мишо, сардинецъ родомъ, но въ семилѣтнюю свою службу въ рядахъ русскихъ войскъ пріобрѣвшій уже извѣстность свѣдущаго и боеваго офицера, указываетъ на всѣ очевидныя невыгоды этого лагеря; князь Волконскій доставляетъ ему возможность лично доложить о томъ Государю и судьба дрисскаго лагеря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Мухина рѣшена: Мухинъ назначается помощникомъ Оппермана въ депо картъ (*), а войскамъ рѣшено покинуть лагерь; вмѣстѣ съ тѣмъ, отдано было приказаніе, чтобы полковники Мишо и Эйхенъ 2-й отправились въ окрестности Москвы для выбора тамъ новаго мѣста подъ укрѣпленный лагерь. На мѣсто

(*) Дальнѣйшая служба Мухина до самой смерти его, въ 1823 году, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Временно исправляя, въ 1813—1815 годахъ, должности генералъ-квартирмейстеровъ въ разныхъ резервныхъ арміяхъ, онъ съ 1816 года состоялъ въ должности начальника штаба корпуса внутренней стражи, и будучи произведенъ, въ 1826 году, въ генералъ-лейтенанты, не задолго до смерти получилъ мѣсто предсѣдателя полеваго аудиторіата 1-й арміи.

же Мухина къ исправленію должности генералъ-квартирмейстера былъ призванъ, конечно не безъ участія въ этомъ дѣлѣ князя Волконскаго, Толь, менѣе чѣмъ за годъ до того произведенный въ полковники (15-го сентября 1811 года). Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало назначеніе и новаго начальника штаба, въ лицѣ генералъ-маіора А. П. Ермолова.

Въ дрисскомъ же лагерѣ состоялось распоряженіе объ отдѣленіи отъ 1-й арміи корпуса генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна, при которомъ составленъ особый штабъ, какъ при отдѣльно дѣйствующемъ корпусѣ; въ штабъ этотъ вошли три офицера квартирмейстерской части: начальникомъ штаба генералъ-маіоръ Довре, оберъ-квартирмейстеромъ полковникъ Ренне и дежурнымъ штабъ-офицеромъ полковникъ баронъ Дибичъ. Первый и послѣдній рѣзко выдѣлялись изъ всего штаба своими способностями и боевой опытностью и имѣли у графа Витгенштейна преобладающее вліяніе на всѣ военныя дѣйствія.

Казалось бы, что назначеніе въ ближайшіе помощники главнокомандующаго 1-й арміи, генерала Барклая-де-Толли, двухъ молодыхъ (*), безспорно талантливыхъ и весьма способныхъ людей, какими были Ермоловъ и Толь, должно было имѣть весьма благопріятныя послѣдствія на ходъ дѣлъ; однако, въ дѣйствительности этого не оказалось, такъ какъ чрезмѣрное самолюбіе обоихъ этихъ лицъ дѣлало невозможнымъ между ними полное соглашеніе. Хотя А. П. Ермоловъ и отзывается въ своихъ запискахъ (**), что онъ не сомнѣвался въ дружбѣ къ нему Толя, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока Коновницынъ, во-второй уже половинѣ кампаніи, не успѣлъ разстроить будто бы это доброе согласіе, но есть основанія предполагать, что въ дѣйствительности этого согласія между ними не могло быть. Самъ Ермоловъ говоритъ о себѣ (***): «едва ли кому могъ я нравиться; бывши точнымъ исполнителемъ воли взыскательнаго начальника (Барклая), я не видѣлъ доброжелательствующихъ мнѣ, но завидующихъ многихъ».

Лично о Толѣ онъ отзывается въ своихъ запискахъ, что это «офицеръ отличныхъ дарованій, способный современемъ оказать большія заслуги; но смирять надобно чрезмѣрное его самолюбіе, и начальникъ его не долженъ быть слабымъ, дабы онъ не сдѣлался излишне сильнымъ. Онъ, при полезныхъ способностяхъ, по роду служебныхъ его занятій, соображеніе имѣетъ быстрое, трудолюбивъ и дѣятеленъ,

(*) Ермолову было въ 1812 году 34, а Толлю 35 лѣтъ отъ роду.
(**) «Записки А. П. Ермолова», стр. 225.
(***) Тамъ же, стр. 224.

по столько привязанъ къ своему мнѣнію, что иногда, вопреки здравому смыслу, не признаетъ самыхъ здравыхъ возраженій, отвергая возможность имѣть не только превосходныя способности, ниже допускаетъ равныя»*.

Въ этой характеристикѣ высказывается упрекъ слишкомъ часто падающій на офицеровъ генеральнаго штаба, именно упрекъ въ избыткѣ самолюбія, въ упрямой устойчивости въ своихъ мнѣніяхъ, въ самоувѣренности. Въ противоположность съ этими дурными качествами, ставятъ недостатокъ самостоятельности, прочности убѣжденій и взглядовъ, что дѣйствительно не должно быть терпимо. Найти надлежащую середину между этими двумя крайностями и составляетъ самую трудную задачу, не только для всякаго офицера генеральнаго штаба, но и вообще для каждаго лица, близко поставленнаго къ высшему начальству и раздѣляющаго съ нимъ его занятія. Если же принять во вниманіе, что недостатокъ самостоятельности и слабость убѣжденій болѣе присущи посредственности и малой образованности, между тѣмъ, какъ самолюбіе и твердость убѣжденій, даже доходящая до упрямства, обличаютъ по большей части талантливость и дѣйствительныя способности, то не трудно рѣшить, которыя изъ этихъ противоположныхъ качествъ скорѣе могутъ быть допускаемы и терпимы въ офицерѣ генеральнаго штаба.

Вступленіе Толя въ должность генералъ-квартирмейстера 1-й арміи ознаменовано было новымъ распредѣленіемъ квартирмейстерскихъ чиновъ въ этой арміи. При каждомъ изъ пѣхотныхъ корпусовъ оставлено не болѣе трехъ офицеровъ, при кавалерійскихъ по одному офицеру и одному колоновожатому. Въ пѣхотныхъ корпусахъ, какъ сказано выше, колоновожатые были замѣнены квартирьерами отъ полковъ. Особые офицеры были назначены въ авангардъ и вагенбургъ. Затѣмъ, наибольшая часть офицеровъ, именно 6 штабъ и 11 оберъ-офицеровъ находились въ распоряженіи главной квартиры, а двое—непосредственно при командующемъ арміею Барклаѣ-де-Толли.

Для передачи приказаній въ войска былъ установленъ такой порядокъ (*), чтобы всѣ оберъ-квартирмейстеры (старшіе въ корпусѣ офицеры) собирались ежедневно въ главную квартиру къ опредѣленному часу, гдѣ полковникъ Габбе, а нерѣдко и самъ Толь, диктовалъ имъ диспозицію на слѣдующій день со всѣми предосторожностями, чтобы проходящіе не могли слышать; для этого, нерѣдко домъ, гдѣ писали диспозицію, оцѣплялся даже часовыми. Когда дис-

(*) И. П. Липранди: «Матеріалы для Отечественной войны», и со словъ, какъ автора этихъ матеріаловъ, такъ и генерала Данненберга.

позиціи были написаны, самъ Толь подписывалъ ихъ и запечатывалъ печатью главнокомандующаго въ конверты, съ надписью: распечатать во столько-то часовъ. Оберъ-квартирмейстеръ долженъ былъ хранить глубочайшую тайну и не иначе отдать пакетъ корпусному командиру, какъ въ назначенный часъ. Нарушеніе этого порядка взыскивалось очень строго. Такъ, былъ случай, что капитанъ Бразинъ 1-й имѣлъ неосторожность нарушить этотъ порядокъ, исполняя должность оберъ-квартирмейстера 5-го корпуса; вдругъ диспозиція измѣнилась, потребовали конверты обратно, а пакетъ, предназначенный для 5-го корпуса, оказался распечатаннымъ. Виновному грозило преданіе суду, и только заступничеству командовавшаго корпусомъ Великаго Князя Константина Павловича онъ обязанъ смягченіемъ наложеннаго на него взысканія.

При движеніяхъ арміи часть квартирмейстерскихъ офицеровъ постоянно высылалась для осмотра дорогъ и выбора биваковъ и позицій. Такъ, начиная отъ Смоленска, диспозиціей по 1-й арміи было объявлено, что впредь занятіе лагерей для арміи возлагается на подполковника Нейдгарта (*), почему всѣмъ чинамъ квартирмейстерской части и фурьерамъ отъ войскъ предписано было собираться ежедневно въ его квартирѣ и слѣдовать подъ его командою въ авангардѣ. Мѣста биваковъ обыкновенно снимались глазомѣрно, а чаще наносились на бумагу главные пункты со столистовой карты и подробности уже наносились на глазъ. Такихъ кроки, по преимуществу вычерченныхъ довольно грубо карандашомъ, а иногда перомъ, чернилами, сохранилось довольно много въ нашемъ Военно-Ученомъ Архивѣ. Не всегда однакожь всѣ дороги бывали своевременно осмотрѣны, что при часто встрѣчавшихся невѣрностяхъ столистовой карты приводило не рѣдко къ недоразумѣніямъ и къ безпорядкамъ въ слѣдованіи войскъ. Стоитъ вспомнить только отступленіе 1-й арміи отъ Смоленска, когда недостаточно изслѣдованные пути чуть было не привели къ погибели наши войска. Странное дѣло, что наши историки Отечественной войны вовсе не изслѣдовали на комъ собственно лежитъ вина всѣхъ замѣшательствъ, происходившихъ при отступленіи 1-й арміи отъ Смоленска. Только въ одномъ изъ писемъ князя Багратіона къ А. П. Ермолову есть желчная выходка противъ того офицера квартирмейстерской части, который велъ Тучкова, и требованіе, чтобы его строго наказали (**). Вѣроятнѣе всего, что при колоннахъ 1-й арміи вовсе

(*) Павелъ Ивановичъ, старшій братъ Александра Ивановича Нейдгарта, бывшаго впослѣдствіи генералъ-квартирмейстеромъ.

(**) «Приложенія къ запискамъ Ермолова 1801—1812 г.», стр. 177.

не было офицеровъ квартирмейстерской части, такъ какъ часть ихъ отправилась для занятія почлежныхъ биваковъ на ночь съ 7-го на 8-е августа, а другіе были посланы еще изъ Смоленска къ сторонѣ Дорогобужа для выбора позиціи. Впрочемъ, если недостаточность распорядительности по квартирмейстерской части была причиною, что колонны 1-й арміи блуждали около Горбунова и были замедлены въ слѣдованіи съ петербургской на московскую дорогу, то, по крайней мѣрѣ, начальникъ этой части, Толь, выказалъ въ день 7-го августа дѣятельность, которая, безспорно, имѣла вліяніе на рѣшимость Тучкова удерживать непріятеля за рѣчкою Колоднею. Не уменьшая нисколько заслуги Тучкова, нельзя не признать, что Толь, своей способностію быстро и вѣрно оцѣнивать мѣстность, былъ весьма полезнымъ ему помощникомъ при выборѣ позиціи у Валутиной горы.

По свидѣтельству Барклая-де-Толли, отступленіе нашихъ войскъ послѣ Бородина, а также и движеніе черезъ Москву были совершены въ безпорядкѣ, что, конечно, падаетъ также обвиненіемъ въ нѣкоторой степени на квартирмейстерскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, именно прапорщикъ Перовскій (*), состоявшій при аріергардѣ 2-й арміи, былъ даже захваченъ французами въ Москвѣ и оставался военно-плѣннымъ до 1814 года. Хотя случай этотъ скорѣе можетъ быть приписанъ недоразумѣнію, вслѣдствіе неопредѣлительности заключеннаго между передовыми войсками перемирія, но, тѣмъ не менѣе, нельзя кстати при этомъ не замѣтить, что вообще сторожевая служба на нашихъ передовыхъ постахъ въ 1812 году не исполнялась вполнѣ надлежащимъ образомъ, почему свѣдѣнія наши о непріятелѣ не бывали точны. Главнѣйше это было слѣдствіемъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ нашими войсками въ войнахъ съ турками, наиболѣе частыми до того времени нашими противниками; отчасти же происходило это вслѣдствіе малаго числа квартирмейстерскихъ офицеровъ при передовыхъ войскахъ. Короче сказать, въ войну 1812 года изъ всѣхъ отдѣловъ боевой дѣятельности квартирмейстерскихъ чиновъ по охраненію, движенію, расположенію и дѣйствію войскъ, наибольшее развитіе получило ихъ участіе въ расположеніи войскъ биваками и на позиціяхъ. Посмотримъ, какъ именно исполнялась этого рода служба.

Для занятія биваковъ, какъ выше сказано, высылались постоянно квартирмейстерскіе офицеры съ фурьерами, подъ командою подполковника Нейдгарта. Выборъ же позицій поручался кому либо изъ оберъ-квартирмейстеровъ, а чаще всего полковнику Габбе, или под-

(*) Василій Алексѣевичъ, бывшій въ царствованіе Императора Николая оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и впослѣдствіи графъ.

полковнику Гартингу, которымъ въ помощь придавалось еще нѣсколько офицеровъ; встрѣтивъ удобное мѣсто, осматривали его и поручали кому нибудь одному снять его глазомѣрно въ нѣсколько часовъ; другіе же продолжали слѣдовать далѣе для осмотра. Затѣмъ, кроки всѣхъ осмотрѣнныхъ мѣстъ представлялись на предварительное утвержденіе генералъ-квартирмейстеровъ обѣихъ армій (послѣ соединенія ихъ), а чаще одному Толю, или же Бенигсену, когда онъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба при Кутузовѣ. Окончательное утвержденіе позиціи зависѣло уже отъ главнокомандующихъ, которые обыкновенно сами выѣзжали для ихъ осмотра. Такъ, были избраны позиціи: впереди Витебска, при Усвятьѣ, у Дорогобужа, Вязьмы, Царево-Займища, наконецъ у Бородина. Изъ нихъ только на послѣдней происходилъ бой, а всѣ прочія были признаны неудобными, причемъ сужденіе о нихъ возбуждало немалые споры. Самолюбивый и пылкій Толь обыкновенно горячо отстаивалъ одобренныя имъ позиціи и при одномъ изъ такихъ случаевъ едва не испортилъ своей карьеры. На позиціи при Усвятьѣ, неумѣстно горячо защищая ее отъ замѣчаній Барклая-де-Толли, своими неприличными отвѣтами Толь вызвалъ противъ себя рѣзкое замѣчаніе князя Багратіона, назвавшаго его при всѣхъ мальчишкою и пригрозившаго ему разжалованіемъ въ солдаты (*). Вслѣдъ затѣмъ главнокомандующими раскритикована была позиція, избранная Толемъ у Дорогобужа, причемъ ему сдѣланъ строжайшій выговоръ, а ошибки, допущенныя имъ въ распредѣленіи войскъ, поручено исправить другому. Самолюбію Толя былъ нанесенъ страшный ударъ, и онъ подалъ было рапортъ объ увольненіи отъ должности генералъ-квартирмейстера. Ермоловъ свидѣтельствовалъ объ его усердіи, дѣятельности, предусмотрительности въ сраженіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, главнокомандующимъ дано было приказаніе Толю выѣхать изъ арміи (**).

Исторія еще не разъяснила намъ всѣхъ интригъ, происходившихъ въ штабахъ нашихъ армій въ 1812 году, но безспорно, что эти интриги были, и къ тому же имъ поддавались лица, занимавшія высшія должности въ войскахъ. Возвышеніе Толя многимъ не нравилось; это обычное явленіе въ службѣ генеральнаго штаба, которая по самой своей сущности дѣлаетъ нерѣдко необходимыми подобныя возвышенія, не стѣсняясь старшинствомъ чиновъ. Поэтому неудивительно, что съ одной стороны противъ Толя былъ вооруженъ князь Багратіонъ, не безъ участія, быть можетъ, въ томъ генераловъ Сен-

(*) «Записки Ермолова» и «Граббе» въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 г., № 3-й.
(**) «Записки Ермолова 1801—1812 г.», стр. 182 и 185.

При и Вистицкаго, а съ другой—удалось возстановить противъ него и Барклая-де-Толли, причемъ не обошлось безъ вліянія Вольцогена.

Но Толь видимо родился подъ счастливою звѣздою: судьба наказала его за неумѣстную горячность и безтактность, напомнивъ ему, какъ осмотрителенъ и остороженъ долженъ быть офицеръ генеральнаго штаба, а вслѣдъ за этимъ урокомъ пощадила его: черезъ нѣсколько дней послѣ его увольненія отъ должности, главнокомандующимъ западныхъ армій назначенъ князь Кутузовъ, давнишній, со школьной скамьи, покровитель Толя, гордившійся тѣмъ, что онъ еще въ дѣтствѣ предугадалъ его военныя способности. Обстановка главной квартиры мѣняется: новый главнокомандующій дѣлаетъ своимъ начальникомъ штаба Бенигсена, незадолго передъ тѣмъ также удаленнаго изъ арміи; генералъ-квартирмейстеромъ всѣхъ армій назначается генералъ Вистицкій, какъ бы въ видѣ временной уступки Барклаю, а Толь остается при Кутузовѣ для особыхъ порученій, но въ дѣйствительности распоряжается вполнѣ квартирмейстерскими офицерами 1-й арміи, въ которую уже не назначается новаго генералъ-квартирмейстера. Во 2-ю же армію назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ подполковникъ Хоментовскій (Михаилъ Яковлевичъ), одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ, какъ по образованію, такъ и по боевой опытности, пріобрѣвшій въ Турціи, подъ командою Каменскаго, Георгіевскій крестъ 4-й степени за отличіе подъ Шумлою и золотую шпагу за сраженіе при Батинѣ. Лично извѣстный съ того времени Толю, онъ, очевидно благодаря его вліянію, получилъ мѣсто генералъ-квартирмейстера 2-й арміи въ подполковничьемъ чинѣ.

Назначеніе Вистицкаго генералъ-квартирмейстеромъ обѣихъ армій было лишь формальностію, потому что въ то же время всѣ инженерные и квартирмейстерскіе офицеры, вмѣстѣ съ понтонными ротами, были непосредственно подчинены Бенигсену и получали обыкновенно всѣ приказанія или прямо отъ него, или же отъ Толя. Вистицкій же совершенно стушевывается, его участія даже не видно подъ Бородинымъ, такъ какъ на него возложенъ былъ осмотръ и выборъ дорогъ на случай отступленія арміи отъ этой позиціи.

Уже въ періодъ великой Бородинской битвы первенствующимъ лицомъ по квартирмейстерской части является при арміи Толь, благодаря полному довѣрію къ нему Кутузова. Собственно бородинская позиція избрана была и распредѣленіе на ней войскъ было сдѣлано подполковникомъ Нейдгартомъ (Павломъ Ивановичемъ) (*), не безъ уча-

(*) По Михайловскому-Данилевскому; Бернгарди же показываетъ, что это было возложено на подполковника Гартинга.

стія въ томъ Толя, котораго служащіе въ 1-й арміи не переставали считать генералъ-квартирмейстеромъ. Въ дѣйствительности онъ и исправлялъ эту должность, но не занималъ ея только офиціально передъ Барклаемъ. Такъ, 23-го и 24-го августа Толь поручаетъ исправляющему должность оберъ-квартирмейстера 6-го корпуса, поручику Липранди, постройку батарей у Горокъ, и руководитъ этой работой. 24-го числа онъ, окруженный квартирмейстерскими офицерами, слѣдитъ за движеніемъ и развертываніемъ непріятельскихъ колоннъ, выстраивавшихся противъ Шевардина. 25-го августа, при объѣздѣ Кутузовымъ позиціи, онъ выдерживаетъ продолжительный споръ съ Бенигсеномъ по вопросу о томъ, какой видъ слѣдуетъ придать центральному укрѣпленію. По свидѣтельству Липранди, бывшаго при этомъ очевидцомъ, Кутузовъ согласился съ мнѣніемъ Толя, который тутъ же сдѣлалъ всѣ распоряженія къ постройкѣ укрѣпленія, возложивъ это на Липранди и на штабсъ-капитана фонъ-Визина, исправлявшаго должность оберъ-квартирмейстера 7-го корпуса. Наконецъ, въ самый день Бородинской битвы Толь находился при главнокомандующемъ и былъ посылаемъ отъ него, уже послѣ того какъ Багратіонъ былъ раненъ, на лѣвый флангъ для личнаго удостовѣренія, на сколько тамъ необходимы подкрѣпленія, а вечеромъ того же дня онъ, по порученію Кутузова, объѣзжалъ вмѣстѣ съ Хоментовскимъ войска и поле битвы; представленное имъ въ этомъ случаѣ донесеніе убѣдило Кутузова въ невозможности возобновленія боя и въ необходимости отступленія (*).

Постепенно возрастая, значеніе Толя достигло высшей степени съ того времени, какъ послѣдовало новое преобразованіе главной квартиры (16-го сентября), по которому Вистицкій, за болѣзнію, удаленъ изъ арміи, Толь назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ главной арміи, генералъ Коновницынъ—дежурнымъ генераломъ, а другъ Толя, подполковникъ Эйхенъ 2-й—начальникомъ тайной канцеляріи фельдмаршала по военнымъ дѣламъ; въ канцелярію эту тогда же назначено нѣсколько квартирмейстерскихъ офицеровъ по выбору Толя, а также и офицеръ с.-петербургскаго ополченія Михайловскій-Данилевскій, человѣкъ вовсе не военный, котораго князь Кутузовъ еще въ Петербургѣ взялъ къ себѣ въ адъютанты и привезъ затѣмъ въ армію. Зная отлично языки, обогащенный научными познаніями, вынесенными изъ Геттингенскаго университета и изъ путешествій своихъ по Европѣ въ 1807—1811 годахъ, Михайловскій-Данилевскій (**) съ

(*) Бернгарди и Липранди.

(**) Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій родился въ 1790 году и началъ свою службу по министерству финансовъ.

Бородинскаго сраженія вступаетъ на военное поприще, которое, однако, для него временно закрылось, вслѣдствіе раны, полученной подъ Тарутинымъ. Награжденный за эти два сраженія орденами св. Анны 4-й степени и св. Владиміра также 4-й степени съ бантомъ, Михайловскій-Данилевскій, по излеченіи отъ раны, возвратился снова къ арміи и былъ принятъ, въ началѣ 1813 года, въ Свиту по квартирмейстерской части, съ переименованіемъ изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ штабсъ-капитаны. Такъ началась карьера военнаго писателя, столь долго пользовавшагося у насъ громкою извѣстностію и популярностію.

На новыя назначенія, по всей вѣроятности, остался не безъ вліянія пріѣздъ въ главную квартиру Кутузова, въ сел. Красную Пахру, генералъ-адъютанта князя Волконскаго, пробывшаго при арміи лишь нѣсколько дней. Вскорѣ отбылъ изъ арміи и Барклай-де-Толли, а Коновницынъ и Толь пріобрѣли полное вліяніе на удрученнаго лѣтами и болѣзнями главнокомандующаго. При арміи оставались еще два начальника штаба: одинъ Бенигсенъ, начальникъ главнаго штаба, бывшій какъ бы номинальнымъ помощникомъ главнокомандующаго, а другой—генералъ Ермоловъ, считавшійся начальникомъ штаба 1-й арміи, но въ дѣйствительности совсѣмъ оттертый отъ дѣлъ и предпочитавшій нахожденіе при авангардѣ и передовыхъ отрядахъ состоянію при главной квартирѣ, гдѣ, по его словамъ, происходили безконечныя интриги, пронырства и происки.

Безспорно, что въ этихъ интригахъ участвовалъ и Толь, который пользовался и Коновницынымъ для удовлетворенія своему громадному самолюбію. Отношенія же его къ Кутузову напоминали собою отношенія сына къ отцу. Привыкнувъ съ дѣтства глубоко уважать фельдмаршала, Толь, по свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго, находился въ самыхъ близкихъ и короткихъ съ нимъ отношеніяхъ; онъ былъ неразлученъ съ главнокомандующимъ, помѣщался обыкновенно съ нимъ въ одномъ домѣ, работалъ въ его присутствіи. При такихъ отношеніяхъ трудно сказать, да и безполезно было бы доискиваться, кому принадлежатъ вполнѣ соображенія объ отступленіи на рязанскую дорогу, о переходѣ на калужскую, о дѣлахъ подъ Малоярославцемъ, Тарутинымъ, Вязьмою и подъ Краснымъ, о паралельномъ преслѣдованіи непріятеля. Кутузову, конечно, принадлежитъ вся честь какъ одержанныхъ успѣховъ, такъ и того, что онъ съумѣлъ оцѣнить въ Толѣ человѣка способнаго и дѣятельнаго, и сдѣлать изъ него вполнѣ преданнаго себѣ помощника. Мы остановились нѣсколько подробнѣе на отношеніяхъ между собою раз-

ныхъ лицъ главной квартиры нашихъ армій въ 1812 году съ тѣмъ, чтобы точнѣе очертить выдающуюся въ службѣ генеральнаго штаба личность Толя. Обратимся теперь къ положенію и службѣ офицеровъ квартирмейстерской части въ эту достопамятную войну, которая при томъ же представляетъ тотъ важный интересъ, что это была первая кампанія, которой предшествовало опредѣлительное и точное указаніе обязанностей офицеровъ этого корпуса. Выше мы уже говорили, какъ исполнялись нѣкоторые отдѣлы этой службы; къ сказанному можемъ прибавить только, что реставрируя, такъ сказать, эту дѣятельность въ настоящее время, по скуднымъ дошедшимъ до насъ матеріаламъ, можно вывести о ней заключеніе, что квартирмейстерскіе офицеры вовсе не были занимаемы канцелярскими, письменными дѣлами, но много оставили послѣ себя чертежей и кроки мѣстности, сдѣланныхъ, очевидно, въ полѣ. Отчасти это объясняется недостаткомъ картъ, сдѣлавшимся особенно ощутительнымъ послѣ отступленія за Днѣпръ, когда при каждомъ движеніи требовался осмотръ дорогъ, выборъ на самой мѣстности биваковъ и позицій; отчасти же это было слѣдствіемъ привычки къ прежнему устройству нашихъ штабовъ, или вѣрнѣе войсковыхъ дежурствъ, на которыхъ лежала вся письменная часть. Привычка эта такъ сильно привилась, что въ 1812 году даже диспозиціи, не только для движенія, но даже и для боя, составлялись въ дежурствахъ, и особенно со времени назначенія Коновницына дежурнымъ генераломъ имъ же и подписывались. Наконецъ, вообще въ тѣ времена письменная часть, со всѣми ея усложненными формами, была еще мало развита. Сообщенія, приказанія, даже донесенія дѣлались отдѣльными записками, по большей части на клочкахъ бумаги, и то крайне неакуратно. Даже съ передовыхъ отрядовъ главная квартира получала очень мало донесеній, на что встрѣчаемъ многія жалобы въ запискахъ Ермолова. Одинъ только военно-историческій журналъ веденъ былъ офицерами квартирмейстерской части довольно акуратно, и тотъ сохранился не отъ всѣхъ корпусовъ, а при главной квартирѣ веденъ былъ очень кратко.

Такимъ образомъ, служба квартирмейстерскихъ офицеровъ въ 1812 году исключительно была въ полѣ, на конѣ; это вполнѣ согласовалось съ тѣмъ идеаломъ, какой составилъ себѣ Толь объ офицерѣ генеральнаго штаба, что онъ долженъ быть способенъ сдѣлать безъ отдыха 100 верстъ на конѣ и заучить всю видѣнную имъ мѣстность. И дѣйствительно, вся служба квартирмейстерскихъ офицеровъ заключалась въ обозрѣніяхъ мѣстности на конѣ.

Пока войска стояли на мѣстѣ, они посылались для осмотра до-

рогъ; начиналось передвиженіе, отправлялись впередъ для выбора биваковъ, отысканія позиціи; объѣзжалъ ли позицію или бивакъ главнокомандующій, или кто либо изъ высшихъ начальниковъ, оберъ-квартирмейстеры должны были сопровождать ихъ верхомъ. Въ сраженіяхъ они преимущественно были употребляемы для передачи приказаній и для разныхъ порученій. Относительно же назначенія ихъ для вожденія колоннъ, то это встрѣчается только въ одной диспозиціи для нападенія на Мюрата на рѣкѣ Чернишнѣ (5-го октября), гдѣ было назначено, что при начальникѣ 2-го пѣхотнаго корпуса будетъ находиться подпоручикъ Гернгросъ, при 3-мъ—подпоручикъ Озерскій, при 4-мъ—подпоручикъ Трескинъ, при 5-мъ—поручикъ Згуромали, при 6-мъ—подпоручикъ Кнорингъ, при 7-мъ—капитанъ Краузе, при 8-мъ—капитанъ Теннеръ, и при полкахъ 1-го кавалерійскаго корпуса—подполковникъ Габбе.

Служба квартирмейстерскихъ офицеровъ была не легкая, въ особенности, если принять во вниманіе всѣ неудобства бивачной жизни въ странѣ бѣдной, мало населенной, да притомъ офицеру одинокому, который, вслѣдствіе частыхъ командировокъ, не имѣетъ возможности пристроиться къ какой нибудь артели.

Вотъ какъ описываетъ это тяжелое положеніе въ своихъ неизданныхъ запискахъ Н. Н. Муравьевъ, состоявшій, въ первую половину кампаніи, при штабѣ 5-го пѣхотнаго корпуса, вмѣстѣ съ братьями своими Михаиломъ и Александромъ (*): «Служба наша не была видная, но трудовая, потому что не проходило почти ни одной ночи, въ которую бы насъ куда нибудь не посылали. Мы обносились платьемъ и обувью и не имѣли достаточно денегъ, чтобы заново обшиться; завелись насѣкомыя, наши лошади отощали отъ безпрерывной ѣзды и отъ недостатка въ кормѣ. Михайло началъ слабѣть въ силахъ своихъ (**), но поддержался въ здоровьи до Бородинскаго сраженія, гдѣ онъ, какъ самъ потомъ мнѣ говорилъ, къ счастію, былъ раненъ, не будучи въ состояніи болѣе выдержать усталости и нужды. У меня открылась цынготная болѣзнь.

«Всѣ приказанія и распоряженія по войскамъ гвардейскаго корпуса передаваемы были отъ Его Высочества (Великаго Князя Константина Павловича) черезъ состоявшаго при его особѣ и исправлявшаго должность оберъ-квартирмейстера гвардейскаго корпуса (5-го), полковника

(*) Сообщено полковникомъ Д. А. Кропотовымъ, составлявшимъ біографію М. Н. Муравьева (бывшаго виленскаго генералъ-губернатора).

(**) Разсказъ относится ко времени пребыванія арміи подъ Смоленскомъ.

Куруту, и потому офицеры гвардейскаго штаба находились въ его вѣдѣніи.

«Курута мало безпокоился о нашемъ положеніи, продолжаетъ далѣе Н. Н. Муравьевъ, а только былъ ласковъ и съ привѣтствіями безпрестанно посылалъ насъ по разнымъ порученіямъ... Часто случалось, что Константинъ Павловичъ, видя насъ ночующими на дворѣ у огня и въ полной одеждѣ, т. е. въ прожженныхъ толстыхъ шинеляхъ и худыхъ сапогахъ, называлъ насъ въ шутку *тептерями*; но мы не переставали исправлять должность слуги и убирать своихъ лошадей, потому что никого не имѣли для прислуги. Впрочемъ, данная намъ кличка тептерь не сопрягалась съ понятіемъ о неблагонадежныхъ офицерахъ, напротивъ того, мы постоянно слышали похвалы отъ своего начальника, и службу нашу всегда одобряли».

Даже при главной квартирѣ положеніе квартирмейстерскихъ офицеровъ было не лучше. Бернгарди, на основаніи записокъ Толя, описываетъ, что въ то время, когда наша армія отдыхала въ тарутинскомъ лагерѣ, главная квартира не могла похвалиться роскошью помѣщенія въ маленькой деревушкѣ, безъ господскаго дома и церкви, въ Леташевкѣ. Фельдмаршалъ занималъ крестьянскую избу въ три окна, единственная жилая комната которой служила ему пріемной, столовой, кабинетомъ; тутъ же стояла и его кровать. Толь раздѣлялъ другую подобную же комнату съ адъютантомъ главнокомандующаго. Бенигсенъ помѣстился противъ Кутузова въ нѣсколько болѣе значительномъ домѣ, куда постоянно приходило много посѣтителей, благодаря гостепріимству хозяина и хорошей, возимой имъ съ собою кухнѣ. Коновницынъ помѣщался въ курной избѣ съ прапорщикомъ квартирмейстерской части Щербининымъ и тутъ же, гдѣ готовился обѣдъ, помѣщалось и все главное дежурство арміи. Подъ секретную канцелярію штаба отведена была крестьянская овчарня, гдѣ въ темномъ, безъ оконъ, помѣщеніи находился всего столъ и одинъ стулъ, да большая куча соломы. Два квартирмейстерскихъ офицера, подполковникъ Габбе и поручикъ Дистъ, спали здѣсь на соломѣ; помѣщеніе это служило для пріема всѣхъ прибывающихъ въ главную квартиру и вообще свободныхъ отъ командировокъ офицеровъ квартирмейстерской части. Сюда же по вечерамъ собирались молодые офицеры изъ ближайшаго расположенія войскъ для бесѣдъ за чаемъ, при свѣтѣ единственной сальной свѣчки.

Въ матеріальномъ отношеніи квартирмейстерскіе офицеры, подобно всѣмъ офицерамъ нашей арміи, были обезпечены крайне умѣренно. Столовыхъ денегъ по должностямъ въ то время не существовало;

всѣ получали только по чинамъ жалованье и раціоны, да передъ началомъ кампаніи получили Высочайше пожалованное на обзаведеніе лошадьми полугодовое жалованье на серебро. Сверхъ того, по особому ходатайству князя Волконскаго, въ декабрѣ 1812 года, разрѣшено было выдать, на возобновленіе верховыхъ лошадей, штабъ-офицерамъ третное, а оберъ-офицерамъ квартирмейстерской части полугодовое жалованье. Собственно оклады жалованья были болѣе значительны въ высшихъ чинахъ, но крайне ограничены въ младшихъ; такъ, полковникъ получалъ въ годъ 1,085 руб. асигн. жалованья, подполковникъ—737 руб., капитанъ—464 руб., штабсъ-капитанъ—402 руб., поручикъ—274 руб., а подпоручикъ только 225 руб.

Нѣкоторымъ усиленіемъ содержанія служили установленные «Учрежденіемъ для большой дѣйствующей арміи», на время войны, раціоны натуральные и денежные. Всего полагалось офицерамъ Свиты по квартирмейстерской части слѣдующее число лошадей и раціоновъ:

	Лошадей:		Раціоновъ
	верховыхъ	подъемныхъ.	по чину (*).
Генералъ-квартирмейстеру	8	10	—
Полковнику	4	3	15
Подполковнику	3	2	10
Капитану и штабсъ-капитану	2	2	3
Поручику	2	1	3
Подпоручику и прапорщику	2	1	2

Чинамъ, занимавшимъ оберъ квартирмейстерскія должности, прибавлялось по одной верховой лошади.

Всѣ чины обязаны были непремѣнно имѣть положенное число верховыхъ лошадей; за исполненіемъ этого строго наблюдалось, а главное, сами офицеры считали неприличнымъ своему званію не имѣть полнаго числа лошадей; многіе изъ нихъ, при возможности, держали даже болѣе (**). На всѣхъ штатныхъ верховыхъ лошадей отпускался фуражъ натурою, по 4 гарнца овса и 10 фунт. сѣна въ сутки. Что касается до подъемныхъ лошадей, то число ихъ дозволялось уменьшать по усмотрѣнію, и фуражъ отпускался, тѣмъ не менѣе, на все штатное число лошадей натурою, по 20 фунт. сѣна и $2^{4}/_{30}$ гарнца овса, или же деньгами, по цѣнамъ, опредѣленнымъ интендантомъ на всю кампанію, при ея началѣ.

Денежные раціоны полагались по 6 коп. сер. за каждый и выдавались вмѣстѣ съ жалованьемъ.

(*) Генералъ-маіору 28, генералъ-лейтенанту 32, полному генералу 56.

(**) По словамъ покойнаго генерала Даннснберга и И. П. Липранди, и изъ посмертныхъ записокъ Ф. Ф. Шуберта.

Было бы слишкомъ длинно, мелочно и притомъ не имѣло бы особенно важнаго значенія, еслибы мы вздумали прослѣдить во всей подробности службу квартирмейстерскихъ офицеровъ до появленія нашихъ армій подъ Парижемъ. Поэтому, считаемъ достаточнымъ ограничиться лишь самыми общими указаніями объ этой службѣ послѣ перехода нашихъ войскъ за предѣлы Имперіи, тѣмъ болѣе, что въ главныхъ чертахъ служба эта вполнѣ уже организовалась у насъ въ 1812 году, а затѣмъ, во время войны въ Германіи и во Франціи, шла установившимся порядкомъ, подъ руководствомъ опытныхъ уже и притомъ увѣренныхъ въ своихъ силахъ старшихъ чиновъ квартирмейстерской части.

Съ прибытіемъ Императора Александра въ Вильну, 11-го декабря 1812 года, послѣдовало образованіе главной квартиры Государя, въ которую при начальникѣ штаба, князѣ Волконскомъ, вступили: въ должность дежурнаго генерала квартирмейстерской части полковникъ Селявинъ, а въ званіе генералъ-квартирмейстера только что произведенный въ генералъ-маіоры Толь. Этотъ составъ главнаго штаба Императора оставался во все время войны 1813 и 1814 годовъ и доставилъ Толю весьма видное положеніе, при которомъ вполнѣ выказались его военныя способности. По должности ему приходилось почти ежедневно бывать у Императора Александра и принимать самое близкое участіе во всѣхъ военныхъ предположеніяхъ. Труды и занятія главной квартиры усложнялись еще тѣмъ, что Императоръ Александръ, не принявъ лично главнаго начальствованія надъ союзными арміями, тѣмъ не менѣе сохранялъ надъ послѣдними свое преобладающее, руководившее ихъ дѣйствіями, вліяніе. Политическія соображенія постоянно усложняли и затрудняли военныя операціи не только въ ихъ исполненіи, но еще болѣе въ ихъ обсужденіи и подготовкѣ. Столкновеніе интересовъ государственныхъ, личныхъ взглядовъ союзныхъ государей, разнородность состава ихъ армій, несовершенство устройства ихъ хозяйственной и административной части,—все это оказывало громадное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Все это приходилось улаживать князю Волконскому, и притомъ же не положительными приказаніями именемъ Императора, а увѣщеваніями, разными доводами, нерѣдко просьбами, склоняя союзныхъ полководцевъ къ единомыслію. Ближайшимъ помощникомъ князя въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ былъ во все время двухгодичной кампаніи Толь, который безпрестанно былъ посылаемъ для установленія соглашеній между разными главнокомандующими; такъ, въ апрѣлѣ 1813 года его посылаютъ къ Витгенштейну, для окончательныхъ условій о на-

ступленія; въ маѣ мѣсяцѣ онъ былъ въ главной квартирѣ князя Шварценберга, чтобы условиться о предстоящемъ походѣ; наканунѣ славнаго Кульмскаго боя, Толь посланъ былъ передать Барклаю-де-Толли Высочайшую волю Государя о томъ, какъ вести нападеніе противъ Вандама; при сосредоточеніи союзныхъ армій къ Лейпцигу, онъ же состоялъ при австрійскихъ главныхъ силахъ для ускоренія ихъ движенія, а во второй день великой битвы народовъ ѣздилъ въ Лейпцигъ, для переговоровъ съ королемъ саксонскимъ, и тутъ же своими словами увлекъ войска рейнскихъ владѣтелей отложиться отъ Наполеона. Въ кампанію 1814 года Толь большею частію находился въ авангардѣ князя Шварценберга, ежедневно донося князю Волконскому, для доклада Государю, о движеніяхъ союзныхъ и непріятельскихъ войскъ; сраженіе при Бріеннѣ, дѣйствія наслѣднаго принца виртембергскаго, сосредоточеніе союзныхъ армій къ Арсисъ-сюръ-Объ, наконецъ, движеніе къ Парижу, рѣшившее участь кампаніи, — все это полно ближайшаго участія Толя. Награжденный за обѣ эти кампаніи чиномъ генералъ-лейтенанта, орденомъ св. Владиміра 2-й степени, многими иностранными орденами, наконецъ, богатою арендою, Толь спѣшилъ изъ Парижа въ Ревель къ своей невѣстѣ, съ которою былъ обрученъ передъ Отечественною войной и которой, въ видѣ брачнаго подарка, привезъ званіе фрейлины Высочайшаго двора (*). Такимъ образомъ, уѣхавъ, два года тому назадъ, на войну бѣднымъ, еще мало извѣстнымъ, незадолго передъ тѣмъ произведеннымъ полковникомъ, Толь вернулся на родину украшенный почестями, пользуясь благоволеніемъ своего Государя, пріобрѣтя европейскую извѣстность, полное уваженіе въ средѣ нашей и иностранныхъ армій.

Недолго, однако, пришлось Толю пользоваться спокойствіемъ: при первомъ извѣстіи о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, онъ вызванъ былъ въ Вѣну для совѣщаній о предстоящемъ походѣ, а затѣмъ посланъ въ Мюнхенъ для переговоровъ относительно прохода русскихъ войскъ черезъ Баварію, а потомъ въ Нидерланды, для сообщенія Блюхеру и Велингтону предположеній союзныхъ монарховъ. Вступивъ съ русскими войсками вторично въ Парижъ, Толь, по званію генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества, занимался подъ личнымъ руководствомъ Государя распоряженіями къ зна-

(*) Михайловскій-Данилевскій показываетъ, что Императоръ Александръ хотѣлъ пожаловать Толю за взятіе Парижа одинаковую съ Дибичемъ награду—орденъ св. Александра Невскаго, но, по просьбѣ Толя, орденъ былъ замѣненъ возведеніемъ его невѣсты, дочери генерала Штрандмана, Ольги Евстафьевны, во фрейлины Двора.

менитому смотру при Вертю, этому заключительному акту трехлѣтней борьбы Александра съ Наполеономъ.

Поразительно быстра и полна отличіями карьера Толя, сдѣланная имъ въ немногіе годы борьбы съ Наполеономъ, но она далеко не была единственнымъ, исключительнымъ фактомъ въ средѣ тогдашняго нашего квартирмейстерскаго вѣдомства; можно назвать еще нѣсколько лицъ этого вѣдомства, которыя за это же время поднялись не менѣе быстро и пользовались во время кампаніи весьма виднымъ, нерѣдко преобладающимъ вліяніемъ на ходъ военныхъ операцій. Стоитъ припомнить, что при графѣ Витгенштейнѣ начальникомъ штаба былъ генералъ-маіоръ Довре, а генералъ-квартирмейстеромъ Дибичъ, который сохранилъ это званіе и при Барклаѣ-де-Толли. Оба эти лица (Довре и Дибичъ) имѣли значительное вліяніе на всѣ военныя дѣйствія. Федоръ Филиповичъ Довре пріобрѣлъ извѣстность еще въ 1812 году, какъ ближайшій помощникъ графа Витгенштейна (*), который неоднократно въ своихъ донесеніяхъ отзывался о немъ съ величайшими похвалами. Въ особенности успѣхъ при Свольнѣ (30-го іюля) Витгенштейнъ прямо приписалъ своему начальнику штаба, который былъ въ этомъ дѣлѣ непосредственнымъ распорядителемъ, что̀ и доставило Довре орденъ св. Георгія 3-й степени. Сверхъ того, за Отечественную войну Довре удостоился получить, въ теченіе менѣе одного года, ордена: св. Анны 1-й степ., алмазные знаки къ этому ордену и св. Владиміра 2-й степ., а также 5,000 руб. асигн. единовременно и пожизненную пенсію въ размѣрѣ годоваго оклада жалованья по чину генералъ-маіора (1,800 руб. асигн.). Щедрыя эти награды служили могучимъ поощреніемъ для Довре въ дальнѣйшей его службѣ; вотъ въ какихъ словахъ графъ Витгенштейнъ выставляетъ въ своемъ донесеніи Государю заслуги Довре со времени изгнанія Наполеона изъ Россіи до заключенія въ 1813 году перемирія:

«Начальникъ главнаго штаба Довре, послѣ сраженій бывшихъ

(*) Французъ по происхожденію, Довре родился въ Дрезденѣ въ 1766 году, и кончивъ курсъ въ тамошней инженерной академіи, поступилъ въ польскую службу. Благодаря П. К. Сухтелену, онъ перешелъ, въ 1795 году, въ русскую службу инженеръ-капитаномъ, а затѣмъ въ 1801 году, уже въ чинѣ полковника, перечисленъ въ Свиту по квартирмейстерской части. Въ первыя пятнадцать лѣтъ его пребыванія въ Россіи, на него были возлагаемы самыя разнообразныя порученія: такъ, онъ былъ преподавателемъ фортификаціи во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, завѣдывалъ чертежною инженернаго вѣдомства, составлялъ проектъ крѣпостей, былъ командированъ съ посольствомъ Головкина въ Китай для сочиненія плановъ и картъ, въ качествѣ квартирмейстерскаго офицера участвовалъ съ отличіемъ въ кампаніи 1807 года, занимался исправленіемъ столистовой карты, завѣдывалъ рекогносцировками на западной границѣ Имперіи; за послѣднія работы онъ былъ произведенъ, въ 1811 году, въ генералъ-маіоры.

подъ Чашниками и Смолянами, съ наивозможною ревностію прилагалъ свои старанія для доставленія лучшаго успѣха въ исполненіи сдѣланныхъ мною распоряженій, касательно движеній войскъ и данныхъ подъ Борисовымъ и Студянками сраженій; равно и во время преслѣдованія непріятеля до самаго Кенигсберга и крѣпости Данцига, по окончаніи коего командированъ онъ мною былъ для блокады крѣпости Пиллау, причемъ, употребя искуство и знаніе свое, склонилъ коменданта крѣпости къ сдачѣ оной, безъ малѣйшей потери съ нашей стороны. Его попеченіемъ построены были тетдепоны на рѣкахъ Одерѣ и Эльбѣ; по его диспозиціи и подъ его начальствомъ произведена была осада крѣпости Шпандау, которая впослѣдствіи и сдалась. Послѣ сего содѣйствовалъ онъ мнѣ въ дальнѣйшихъ операціяхъ. Въ сраженіи подъ Люценомъ, пока я былъ на лѣвомъ флангѣ, онъ безпрестанно находился въ центрѣ, откуда, въ моемъ отсутствіи, дѣлалъ распоряженія и содѣйствовалъ успѣху сей части войскъ нашихъ. При отступленіи отъ Люцена къ Бауцену, особенно на первомъ маршѣ изъ Пегау къ Фрибургу, онъ распоряжался, пока я находился въ Альтенбургѣ, и принималъ надлежащія мѣры къ безопасности артиллеріи, а послѣ того назначалъ мѣста для аріергарда, чѣмъ способствовалъ успѣху ретирады. Онъ показалъ новые опыты своей опытности при выборѣ и приготовленіи бауценскаго поля сраженія и 8-го мая былъ посланъ мною на правый флангъ, къ генералу Блюхеру, дабы надзирать за атакою, которая была ведена по сію сторону. При возвращеніи его съ сего пункта, когда непріятель сильно наступалъ на нашъ лѣвый флангъ, онъ былъ близъ деревни Надельвицъ, коею тогда овладѣли французы и при коей нашихъ войскъ не находилось. Взявъ шесть орудій, Тенгинскій полкъ и нѣсколько эскадронъ драгунъ, онъ удержалъ сильное стремленіе непріятеля, которые хотѣли пробить центръ и обойти нашъ лѣвый флангъ. Въ послѣдствіи сдалъ онъ начальство надъ этой частію войскъ генералъ-лейтенанту Ермолову и поѣхалъ въ другія мѣста, гдѣ его присутствіе было нужно. 9-го числа находился онъ при мнѣ, а во время отступленія отъ Бауцена къ Швейдницу, дѣлалъ необходимыя распоряженія для порядка и безопасности и давалъ направленія аріергардамъ. Онъ настоятельно просилъ меня не оставлять Стригау и Яцерникъ, не смотря на повелѣніе полученное мною, и симъ самымъ крѣпость Швейдницъ осталась занятою союзными войсками».

За всѣ эти отличія Довре произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты со старшинствомъ со дня Люценскаго сраженія.

Въ должности начальника штаба графа Витгенштейна, Довре нахо-

дился и тогда, когда графъ, сложивъ съ себя званіе главнокомандующаго, остался командующимъ лишь двумя корпусами. Въ этой должности онъ состоялъ и во все время кампаніи 1814 года, какъ при Витгенштейнѣ, такъ и при его преемникѣ по командованію, Раевскомъ, заслуживъ, за это время, золотую шпагу съ алмазами, съ надписью «за храбрость» (за Лейпцигъ) и орденъ св. Александра Невскаго, кромѣ нѣсколькихъ еще иностранныхъ орденовъ. Дальнѣйшая служба Довре показала, что заслуги, оказанныя имъ въ войнахъ съ Наполеономъ, высоко цѣнились не только Императоромъ Александромъ, но и его преемникомъ (*).

Значеніе и извѣстность Дибича были также обезпечены успѣхами графа Витгенштейна въ Отечественную войну; по должности оберъ-квартирмейстера, на долю Дибича выпало значительное участіе въ этихъ успѣхахъ, что и доставило ему орденъ св. Георгія 3-й степени (за Клястицы), чинъ генералъ-маіора (за Полоцкъ), орденъ св. Анны 1-й степени (за второе сраженіе подъ Полоцкомъ), золотую шпагу съ алмазами (за Смольяны), помимо объявленія Высочайшихъ благоволеній. Къ концу же 1812 года, Дибичъ является искуснымъ начальникомъ особаго отряда, посланнаго для отрѣзанія отступленія Макдональду, и не менѣе ловкимъ дипломатомъ въ переговорахъ, кончившихся отложеніемъ королевско-прусскаго корпуса Іорка отъ французовъ, за что ему пожаловано единовременно 10,000 руб. асигнаціями.

Въ 1813 году, отличія подъ Дрезденомъ, при Кульмѣ, подъ Лейпцигомъ, доставили Дибичу орденъ св. Владиміра 2-й степени и чинъ генералъ-лейтенанта, который онъ получилъ на 28 году отъ роду; на высотахъ же Бельвиля, въ виду покорившагося Парижа, Императоръ пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго, а на смотру при Вертю и алмазные онаго знаки.

Достаточно указать на заслуги, оказанныя въ борьбѣ съ Наполеономъ этими четырьмя личностями—княземъ Волконскимъ, Дибичемъ, Толемъ и Довре, чтобы оцѣнить то значеніе и блескъ, какими должны были озариться мундиръ генеральнаго штаба и все квартирмейстерское вѣдомство, получившее полное право гордиться этими знаменитыми своими представителями. Равныхъ имъ по заслугамъ и способностямъ, мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ генеральныхъ штабовъ тогдашняго времени. Французскій генеральный штабъ былъ въ полномъ упадкѣ и въ разстройствѣ, на что жаловался самъ Напо-

---

(*) Въ 1819 году Довре былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго литовскаго корпуса, которымъ командовалъ до 1827 года, получивъ въ день коронаціи Императора Николая чинъ генерала отъ инфантеріи.

леонъ. Одинъ изъ наиболѣе блистательныхъ представителей этого штаба, по крайней мѣрѣ по своей учености, генералъ Жомини, перешедшій въ русскую службу въ 1813 году, доказалъ это на дѣлѣ: онъ былъ принятъ высокимъ чиномъ генералъ-лейтенанта, его встрѣтили вполнѣ радушно, ожидали, что, при своемъ авторитетѣ, онъ окажетъ важныя услуги. Но вскорѣ оказалось, что практическія способности Жомини не оправдали ожиданій его почитателей; онъ оказался не искуснымъ въ такихъ дѣлахъ, которыя должны составлять одно изъ первыхъ качествъ каждаго офицера генеральнаго штаба: онъ не былъ тактикомъ, не умѣлъ быстро оцѣнивать вліяніе мѣстности, не имѣлъ глаза для оцѣнки числа непріятельскихъ войскъ, расположенныхъ на позиціи, или двигавшихся въ виду его (*).

Австрійскій генеральный штабъ въ предшествовавшихъ войнахъ уже неоднократно такъ неблагопріятно зарекомендовывалъ себя, что къ нему невольно терялось всякое довѣріе. Стоявшія во главѣ его личности: начальникъ главнаго штаба, фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Радецкій, и генералъ-квартирмейстеръ Лангенау, конечно, имѣли многія достоинства, но далеко не могли идти въ уровень съ Волконскимъ, Толемъ и Дибичемъ.

Значительно выше стоялъ, въ то время, прусскій генеральный штабъ, благодаря даровитой личности Шарнгорста, имѣвшаго огромное вліяніе на образованіе прусскихъ офицеровъ и умѣвшаго вообще выбирать и цѣнить людей. Кромѣ Шарнгорста, прусскій генеральный штабъ того времени считалъ въ своихъ спискахъ Гнейзенау, Грольмана, Мюфлинга, Бойена, Клаузевица, Гофмана и многихъ другихъ. Изъ нихъ одинъ Шарнгорстъ могъ бы играть болѣе видную роль, какъ вслѣдствіе личнаго расположенія къ нему Императора Александра, такъ и по собственнымъ своимъ достоинствамъ, но раненый подъ Люценомъ, онъ преждевременно умеръ. Остальныя же лица, хотя, быть можетъ, своимъ образованіемъ и стояли выше нашей квартирмейстерской части, но въ боевомъ дѣлѣ не могли, конечно, съ нею равняться, какъ по недостатку практики, такъ и по отсутствію той полной увѣренности въ своихъ силахъ, которою былъ проникнутъ въ то время каждый русскій, участвовавшій въ изгнаніи наполеоновскихъ полчищъ изъ Россіи.

Въ офицерахъ русской квартирмейстерской части увѣренность эта сильно поддерживалась еще и тѣми примѣрами, которые каждый видѣлъ въ лицѣ своихъ высшихъ начальниковъ и сослуживцевъ. Оте-

(*) М. И. Богдановичъ «Исторія 1813 года» и «Посмертныя записки Ф. Ф. Шуберта.»

чественная война выдвинула изъ рядовъ квартирмейстерской части, независимо отъ Толя, Дибича и Довре, еще нѣсколько личностей, которыя какъ своимъ командованіемъ въ войскахъ, такъ и исполненіемъ обязанностей генеральнаго штаба пріобрѣли право на память потомства.

Такъ, одинъ изъ самыхъ блистательныхъ генераловъ борьбы съ Наполеономъ, Александръ Яковлевичъ Рудзевичъ, принадлежалъ по своей начальной службѣ генеральному штабу. Кончивъ курсъ въ греческомъ кадетскомъ корпусѣ (въ Петербургѣ), Рудзевичъ, на семнадцатомъ году возраста, былъ произведенъ, въ 1792 году, прямо въ капитаны генеральнаго штаба, и будучи посланъ къ войскамъ дѣйствовавшимъ въ Польшѣ, участвовалъ въ сраженіи при Мацѣіовицахъ и въ штурмѣ Праги. Послѣ этого вполнѣ боеваго начала, онъ принималъ участіе въ разныхъ съемкахъ и рекогносцировкахъ, получилъ чинъ подполковника, но, увлекаемый жаждою болѣе широкой дѣятельности, перешелъ, въ 1801 году, въ Троицкій мушкетерскій полкъ, предназначавшійся для дѣйствій на Кубани, гдѣ въ то время происходили жаркія столкновенія съ горцами. Десять лѣтъ провелъ Рудзевичъ на Кавказѣ, постоянно участвуя въ походахъ и экспедиціяхъ противъ кабардинцевъ, чеченцевъ, шапсуговъ, натухайцевъ, персіянъ и турокъ, заслужилъ здѣсь чины полковника и генералъ-маіора, орденъ св. Георгія 3-й ст. и нѣсколько другихъ орденскихъ отличій. Въ 1812 году, онъ съ бригадою двинутъ былъ на усиленіе дунайской арміи и осенью поступилъ въ составъ корпуса графа Ланжерона, съ которымъ суждено было ему раздѣлить труды и славу походовъ 1813 и 1814 годовъ. При Стаховѣ и Бриляхъ, Рудзевичъ впервые встрѣтился съ французами, и съ того времени почти постоянно былъ въ авангардѣ, даже и тогда, когда корпусъ Ланжерона поступилъ въ составъ силезской арміи. Если вспомнить важное назначеніе, предоставленное этой арміи въ 1813 году, когда она должна была наблюдать за каждымъ шагомъ Наполеона, уклоняясь отъ его ударовъ и стараясь пользоваться каждою его оплошностію, если вспомнить какъ мастерски была исполнена эта трудная роль, то станетъ очевидною заслуга того генерала, который былъ постоянно въ ея авангардѣ. Подвиги Рудзевича въ этомъ трудномъ положеніи были вознаграждены чиномъ генералъ-лейтенанта, полученнымъ имъ на 36 году отъ роду, а за блистательное участіе въ Лейпцигскомъ сраженіи ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, независимо отъ нѣсколькихъ иностранныхъ орденовъ. Въ 1814 году, Рудзевичъ снова обращаетъ на себя вниманіе блистательной защитой Суассона

противъ превосходныхъ силъ непріятеля и атакою высотъ Монмартра, произведенною съ 8-мъ корпусомъ, въ начальствованіе которымъ онъ вступилъ послѣ того, какъ графъ Сенъ-При былъ смертельно раненъ подъ Реймсомъ. За молодецкій штурмъ Монмартра Рудзевичъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 2-й ст. (*).

Рядомъ съ Рудзевичемъ, въ 1813 и 1814 годахъ, пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность отличнымъ исполненіемъ квартирмейстерской службы Павелъ Ивановичъ Нейдгартъ. Мы уже имѣли случай говорить объ отличіяхъ его въ финляндскую кампанію 1808 года, которая хотя и кончилась для него плѣномъ, но, тѣмъ не менѣе, ознаменована отличнымъ исполненіемъ даннаго ему порученія по истребленію на Аландскихъ островахъ всѣхъ сигнальныхъ знаковъ (**). Возвратясь изъ плѣна, Нейдгартъ завѣдывалъ финляндскою съемкою, откуда, получивъ чинъ подполковника, вызванъ былъ, въ 1812 году, къ 1-й западной арміи. Состоя при главной квартирѣ Барклая-де-Толли, а потомъ Кутузова, Нейдгартъ преимущественно былъ употребляемъ для осмотра разныхъ мѣстностей въ тылу арміи, для выбора позицій и распредѣленія на нихъ войскъ. За Бородино, гдѣ онъ устанавливалъ войска въ боевой порядокъ сообразно съ мѣстностію, и гдѣ, по донесенію князя Кутузова, на него было возложено укрѣпленіе позиціи, Нейдгартъ былъ произведенъ въ полковники; менѣе же чѣмъ черезъ годъ послѣ этой награды Нейдгартъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры со старшинствомъ со дня Люценскаго сраженія (20-го апрѣля) за отличія, оказанныя имъ какъ въ этомъ сраженіи, такъ равно и подъ Бауценомъ и на Кацбахѣ. Въ августѣ 1813 года собственно Рудзевичъ былъ назначенъ начальникомъ штаба корпуса графа Ланжерона, но такъ какъ онъ былъ болѣе полезенъ въ авангардѣ, гдѣ его считали необходимымъ, то исправленіе должности начальника штаба возложено было на П. И. Нейдгарта. Въ этомъ званіи онъ особенно выказалъ свои военныя дарованія въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, гдѣ ему, въ день 6-го октября, за отсутствіемъ корпуснаго командира, пришлось измѣнить первоначально данное войскамъ направленіе, принявъ на себя полную за то отвѣтственность. Вотъ какъ Михайловскій-Данилевскій описываетъ этотъ славный и не-

(*) Произведенный въ день коронаціи Императора Николая въ генералы отъ инфантеріи, Рудзевичъ, командуя 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, участвовалъ съ отличіемъ въ войнѣ 1828 года въ Европейской Турціи, но умеръ скоропостижно послѣ перехода корпуса на зимнія квартиры въ Валахіи.

(**) Смотри главу II.

лишенный поучительности для генеральнаго штаба подвигъ Нейдгарта (*).

«Блюхеръ, желая привлечь къ Лейпцигу сѣверную армію наслѣднаго принца шведскаго, поручилъ, утромъ 6-го октября, графу Ланжерону ѣхать лично къ нему и, предоставивъ себя съ своимъ корпусомъ въ его распоряженіе, убѣдить его къ принятію участія въ предстоявшемъ въ тотъ день рѣшительномъ сраженіи. Принцъ согласился и назначилъ войска Ланжерона въ резервъ своей арміи. Въ отсутствіе графа, Нейдгартъ оставался при корпусѣ и не зналъ еще ничего о послѣдствіяхъ свиданія своего начальника съ наслѣднымъ принцемъ, когда ему дано было знать отъ начальствовавшаго авангардомъ корпуса генерала Рудзевича, что стоявшія за р. Партою войска маршала Нея исчезаютъ колонна за колонною и обращаются къ Либерwольковицу, противъ главной арміи союзниковъ. Не теряя времени, Нейдгартъ отправился съ донесеніемъ къ Блюхеру и испрашивалъ его разрѣшенія дѣйствовать, но Блюхеръ, не желая отступать отъ своего предположенія, чтобы корпусъ Ланжерона состоялъ подъ начальствомъ наслѣднаго принца, предоставилъ Нейдгарту обратиться за приказаніями къ его высочеству, находившемуся тогда въ полуторѣ мили. Минута была слишкомъ важна, чтобы медлить, и положеніе главной арміи слишкомъ опасно, чтобы дозволить непріятелю соединиться противъ нея всѣми силами и нанести ей рѣшительный ударъ, почему Нейдгартъ позволилъ себѣ еще разъ изложить передъ Блюхеромъ угрожающую опасность, прося его разрѣшить корпусу дѣйствовать, и атакою находившихся за Партою непріятельскихъ войскъ развлечь силы французовъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Блюхеръ отвѣчалъ, въ присутствіи начальника штаба своего Гнейзенау и адъютантовъ, что вполнѣ одобряетъ мысль Нейдгарта, но приказанія не даетъ. Разрѣшенный нѣсколько этимъ одобреніемъ фельдмаршала и имѣя въ виду пользу и важность общаго дѣла, Нейдгартъ послалъ извѣстить Ланжерона о происходящемъ, и въ то же время, подкрѣпивъ начальствовавшаго авангардомъ Рудзевича артиллеріею, предложилъ ему атаковать непріятеля. Это происходило около девяти часовъ утра. Рудзевичъ немедленно переправился черезъ Парту въ бродъ. За нимъ послѣдовали прочія войска, и корпусъ графа Сенъ-При овладѣлъ частію селенія Шенфельдъ, что̀ заставило Нея возвратиться и оттягивать свои войска, одни за другими, отъ прежняго ихъ направленія и требовать подкрѣпленій. Подъ распоряженіемъ Нейдгарта войска наши

(*) «Военная Галерея Зимняго Дворца», томъ VI, біографія П. И. Нейдгарта.

подавались болѣе и болѣе впередъ, и упорный бой кипѣлъ уже около трехъ часовъ, когда на мѣсто сраженія прибылъ наслѣдный принцъ съ состоявшимъ при немъ генераломъ П. К. Сухтеленомъ. Нейдгартъ явился къ принцу и, донеся ему о происходившемъ, получилъ въ отвѣтъ, что хотя корпусъ Ланжерона и предназначался въ резервъ сѣверной арміи, но какъ войскъ на смѣну его еще не пришло, то и должно поддерживать начатое сраженіе.—«Когда дѣло идетъ хорошо, присовокупилъ принцъ, то во время сраженія не годится дѣлать много перемѣнъ» (*).

Распоряженія Нейдгарта за всѣ три дня Лейпцигскаго сраженія были вознаграждены высокою наградою — орденомъ св. Георгія 3-й степени; сверхъ того, Нейдгарту былъ пожалованъ командорственный крестъ шведскаго ордена Меча.

Въ 1814 году Нейдгартъ снова отличается, рядомъ съ Рудзевичемъ, подъ Суассономъ и на высотахъ Монмартра, которымъ онъ сдѣлалъ предварительную рекогносцировку подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ. Въ одномъ изъ своихъ донесеній Государю Барклай-де-Толли говоритъ о Нейдгартѣ, что онъ «во всѣхъ случаяхъ оказывалъ наивеличайшую храбрость, усердіе и расторопность» (**).

Въ числѣ участниковъ Отечественной войны нельзя не вспомнить также почтенную личность графа Фадея Федоровича Штейнгеля, который служилъ колоновожатымъ еще при Баурѣ (въ 1776 году), а съ 1778 года въ генеральномъ штабѣ. Финляндія была поприщемъ его первыхъ боевыхъ опытовъ (въ войну 1788—1789 годовъ); здѣсь онъ долго занимался съемкою, и къ управленію этимъ краемъ былъ призванъ вскорѣ послѣ присоединенія его по фридрихсгамскому миру къ Россіи. Труды его по устройству Финляндіи доставили ему, въ 1812 году, графскій титулъ и въ томъ же году онъ долженъ былъ оставить ввѣренный ему край, чтобы съ особымъ корпусомъ войскъ идти на освобожденіе Риги, осаждаемой непріятелемъ. Однако, первыя дѣйствія графа Штейнгеля подъ Ригою оказались неуспѣшными, и финляндскому корпусу пришлось испытать неудачу въ своемъ наступленіи противъ Іорка. Только уже присоединившись къ Витгенштейну, графъ Штейнгель загладилъ свои неудачи блистательнымъ участіемъ

(*) «Императоръ Александръ и его сподвижники», біографія П. П. Нейдгарта.

(**) По возвращеніи изъ Франціи, П. И. Нейдгартъ былъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса (1816—1820), начальникомъ 26-й (впослѣдствіи 9-й) пѣхотной дивизіи (1820—1825), затѣмъ короткое время градоначальникомъ Одессы и, наконецъ, будучи переименованъ въ тайные совѣтники, умеръ уже въ пятидесятыхъ годахъ въ званіи сенатора.

при занятіи Полоцка, въ дѣлахъ у Бабиничъ, при Чашникахъ, подъ Смольнею. Однако, лѣта и здоровье Штейнгеля уже не выдерживали трудностей походовъ, и онъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, получилъ отпускъ въ Финляндію, гдѣ снова вступилъ въ званіе тамошняго генералъ-губернатора и корпуснаго командира расположенныхъ тамъ войскъ. Въ этомъ званіи онъ и оставался до 1824 года (*).

Говоря о высшихъ чинахъ квартирмейстерской части, отличавшихся въ ту славную эпоху, нельзя пройти молчаніемъ Романа Егоровича Ренни, барона Карла Федоровича Клодтъ-фонъ-Юргенсбурга (**), Михаила Ивановича Понсета. Первые двое служили съ отличіемъ при корпусѣ Винценгероде, одинъ въ должности начальника штаба, другой въ оберъ-квартирмейстерской; оба они начали службу еще при Екатеринѣ и входили въ составъ Свиты по квартирмейстерской части, когда она при Императорѣ Павлѣ была немногочисленна и по преимуществу занималась съемками и черченіемъ; въ войну же съ Наполеономъ оба они выказались храбрыми, распорядительными и точными высшими штабными чинами. М. И. Понсетъ (***) былъ переведенъ въ свиту по квартирмейстерской части въ концѣ 1811 года, уже въ чинѣ полковника, выказалъ себя храбрымъ строевымъ офицеромъ въ кампаніи 1806—1807 годовъ и затѣмъ на Дунаѣ, въ 1810 и 1811 годахъ, распорядительнымъ и исполнительнымъ офицеромъ квартирмейстерской части, въ должности котораго онъ былъ употребляемъ графомъ Каменскимъ и Кутузовымъ; въ теченіе этой службы онъ въ чинѣ поручика получилъ за Фридландъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость», а въ Турціи, за участіе въ отбитіи сильной вылазки изъ Шумлы, удостоился получить орденъ св. Георгія 4-й степ. Въ 1812 году Понсетъ состоялъ сперва при главной квартирѣ Чичагова, а затѣмъ при передовомъ отрядѣ графа Воронцова, съ которымъ служба не разлучала его уже до окончательнаго выхода нашихъ войскъ изъ Франціи. За участіе въ сраженіи у Гроссъ-Берена онъ былъ произ-

(*) Умеръ въ Финляндіи же, въ 1831 году.

(**) Отецъ знаменитаго скульптора Петра Карловича Клодта.

(***) Родился въ 1780 году близъ Варшавы, происходя изъ французскихъ эмигрантовъ начала прошлаго столѣтія; воспитывался въ Дрезденѣ и кончилъ курсъ въ Фрейбергскомъ университетѣ; предназначался родителями къ службѣ по горной части; но, по собственному влеченію, опредѣлился сперва въ саксонскую кавалерію, потомъ два года занимался съемками въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и, возвратясь оттуда, вступилъ въ русскую службу, въ 1806 году, подпоручикомъ, въ 3-й Егерскій полкъ генералъ-маіора Барклая-де-Толли. Съ этимъ полкомъ онъ и дѣлалъ кампаніи 1806 и 1807 годовъ, а затѣмъ, по ходатайству князя Багратіона, переведенъ тѣмъ же чиномъ штабсъ-капитана лейбъ-гвардіи въ Егерскій полкъ, мундиръ котораго носилъ до самаго перевода въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части.

веденъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ Свитѣ по квартирмейстерской части и въ этомъ чинѣ выказалъ наиболѣе крупное отличіе подъ Краономъ, гдѣ ему довелось обнаружить свои способности, какъ офицеру генеральнаго штаба и какъ храброму и стойкому строевому начальнику. По сознанію самого графа Воронцова, краонская позиція была выбрана Понсетомъ, который на ней же командовалъ передовымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ Тульскаго и Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ. Находясь въ первой линіи, стоя передъ своими полками на костыляхъ, вслѣдствіе раны, полученной подъ Гроссъ-Береномъ, Понсетъ на присланныя ему два раза приказанія отступать отвѣчалъ: «умру, но не отойду ни шагу», такъ что командовавшій 1-ю линіею генералъ-маіоръ Вуичъ нашелся вынужденнымъ сказать ему: «ежели вашему превосходительству угодно умирать здѣсь, то можете располагать собою, но бригадѣ приказываю отступить». Такое самоотверженіе могло бы быть названо излишнимъ, но очевидно только не въ такомъ сраженіи, каково было Краонское, гдѣ вся задача корпуса графа Воронцова состояла въ томъ, чтобы привлечь на себя непріятеля и задержать его. Наградою за Краонъ для Понсета была золотая шпага «за храбрость» съ алмазами.

Съ тою же бригадою, но все-таки въ мундирѣ квартирмейстерской части, Понсетъ участвовалъ въ 1814 году въ сраженіяхъ подъ Лаономъ и Парижемъ, а затѣмъ въ 1815 году, послѣ кратковременнаго исполненія должности начальника штаба во 2-мъ и 3-мъ пѣхотныхъ корпусахъ, поступилъ въ ту же должность въ отдѣльный корпусъ графа Воронцова, оставленный во Франціи до 1818 года. Возвратясь въ этомъ году въ Россію, Понсетъ, вслѣдствіе разстроеннаго ранами здоровья (*), уволился въ безсрочный отпускъ и жилъ въ имѣніи своемъ въ Бессарабіи, пока событія 1828 года не вызвали его снова къ боевой дѣятельности, кончившейся, однако, смертію его отъ гнилой горячки въ Адріанополѣ.

Справедливо замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ военныхъ писателей (**), что «офицеръ генеральнаго штаба образуется по образцу своихъ генералъ-квартирмейстеровъ точно такъ же, какъ духъ всевозможныхъ армій образуется по образцу своихъ главнокомандующихъ, снисходя постепенно отъ ближайшихъ къ нему начальниковъ до солдатъ». И дѣйствительно, служащіе въ квартирмейстерской части временъ Але-

---

(*) М. И. Понсетъ былъ раненъ: подъ Пултускомъ (1806 г.) въ лѣвую руку, подъ Рущукомъ (1810 г.) въ правую руку и въ 1813 году подъ Гроссъ-Береномъ въ ногу.

(**) И. П. Липранди.

ксандра I, имѣя во главѣ своей такіе образцы, какъ князь Волконскій, Дибичъ, Толь, прилагали вполнѣ всѣ старанія и всю энергію къ тому, чтобы стать достойными этихъ образцовъ, чтобы, по возможности, ближе къ нимъ подойти. Поэтому неудивительно, что изъ ихъ среды вышло много личностей, которыя вполнѣ обращаютъ на себя вниманіе, какъ своею службою въ достопамятную эпоху борьбы съ Наполеономъ, такъ и въ послѣдующее время на разнообразныхъ поприщахъ. Въ это славное время начали свою карьеру въ службѣ по квартирмейстерской части: Федоръ Федоровичъ Бергъ, будущій фельдмаршалъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ, покоритель Карса, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, два брата Перовскіе, Данненбергъ, Александръ Ивановичъ Нейдгартъ, Федоръ Федоровичъ Шубертъ, Теннеръ, Гартингъ и много другихъ; со всѣми этими лицами намъ еще неоднократно придется встрѣчаться въ нашемъ повѣствованіи. Въ это же время впервые выказали свои способности, именно на службѣ по квартирмейстерской части, князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ иРуставъ Христіановичъ Гасфортъ; первый изъ нихъ, будучи флигель-адъютантомъ и поручикомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, былъ въ тоже время дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 1-й гренадерской дивизіи, съ іюля 1812 по февраль 1813 года и, находясь въ этой должности, за отличіе въ сраженіяхъ, получилъ чины штабсъ-капитана и капитана; это и послужило основаніемъ къ перечисленію его въ Свиту по квартирмейстерской части, когда онъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, былъ назначенъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба, князя Волконскаго. Точно также и Гасфортъ былъ зачисленъ въ квартирмейстерскую часть въ 1814 году, изъ инженеровъ путей сообщенія, въ томъ вниманіи, что во все время борьбы съ Наполеономъ, состоя при дѣйствующей арміи, былъ постоянно употребляемъ, какъ инженеръ и какъ офицеръ генеральнаго штаба.

Вообще надо замѣтить, что князь Волконскій дѣятельно старался завлекать въ среду квартирмейстерскаго вѣдомства отличнѣйшихъ офицеровъ изъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ, особенно во время наполеоновскихъ войнъ. Этимъ онъ какъ бы сближалъ тогдашній генеральный штабъ съ арміею, дѣлалъ послѣднюю участницею комплектованія перваго, а въ тоже время возбуждалъ соревнованіе между самыми чинами квартирмейстерскаго вѣдомства. Онъ достигъ этимъ того, что въ войскахъ смотрѣли на переводъ въ Свиту по квартирмейстерской части, какъ на очень почетную награду, которая дѣлалась доступною каждому, кто отличался образованіемъ и способностями, что, съ

другой стороны, и генеральный штабъ пересталъ быть какой-то замкнутой корпораціей, дорожилъ своимъ положеніемъ, старался о томъ, чтобы дѣйствительно оправдать то высокое положеніе, которое ему предназначали. Правда, что съ тогдашними офицерами квартирмейстерской части не церемонились; такъ, въ 1811 году, 27 человѣкъ были обращены въ армію, въ 1813 году трое капитановъ переведены тѣми же чинами за неспособность, причемъ двое опредѣлены въ гарнизонные баталіоны, а третій въ армію. Но рядомъ съ этимъ для достойныхъ не скупились наградами, щедро поощряя ихъ и способствуя ихъ быстрому повышенію. Есть много примѣровъ, что, въ теченіе одного года, офицеры квартирмейстерской части получали по два, по три чина за боевыя отличія, помимо наградъ орденами. Такъ, напримѣръ, баронъ Притвицъ, получившій за кампанію 1812 года, въ чинѣ подпоручика, орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, въ 1813 году получилъ слѣдующіе три чина, орденъ св. Анны 2-й степени и прусскій «за достоинство». Щербининъ былъ принятъ въ 1810 году колоновожатымъ, а за взятіе Парижа произведенъ въ капитаны. Гартингъ началъ службу въ 1803 году инженернымъ подпоручикомъ, въ Свитѣ по квартирмейстерской части служилъ съ 1808 года и въ 1815 году, за смотръ подъ Вертю, произведенъ въ генералъ-маіоры на тридцатомъ году отъ роду. Милорадовичъ, въ 1813 году, изъ штабсъ-капитановъ повышенъ въ подполковники и получилъ ордена: св. Анны 2-й степени и прусскій. Озерскій, начавъ кампанію 1812 года подпоручикомъ, подъ Парижемъ былъ капитаномъ, имѣвшимъ притомъ золотую шпагу «за храбрость», ордена св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й степени. Наконецъ, не можемъ не остановиться на юномъ героѣ, баронѣ Романѣ Логиновичѣ Икскуль, который, изъ отставки, явился, въ 1812 году, волонтеромъ въ корпусъ графа Витгенштейна, за отличіе подъ Полоцкомъ опредѣленъ на службу въ Тульскій пѣхотный полкъ, съ повышеніемъ чина (поручикомъ), за Березину награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени, и вскорѣ потомъ зачисленъ въ Свиту по квартирмейстерской части. Въ 1813 году, состоя въ партизанскихъ отрядахъ, Икскуль своими отличіями заслужилъ себѣ два чина, орденъ св. Георгія 4-й степени (за Люнебургъ, гдѣ онъ, командуя отдѣльною частію, взялъ штурмомъ городскія ворота и отбилъ два орудія), золотую шпагу, съ надписью «за храбрость», за Хемницъ, и прусскій орденъ «за военныя достоинства».

Какъ быстро выдвигали въ то время достойныхъ офицеровъ, можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ: Н. Н. Муравьевъ,

съ 1811 по 1820 годъ, выдвинулся изъ колоновожатыхъ въ полковники; Александръ Николаевичъ Муравьевъ дослужился этого же чина въ шесть лѣтъ службы (съ 1810—1816 г.); Петръ Андреевичъ Данненбергъ и Левъ Алексѣевичъ Перовскій, произведенные, въ 1812 году, изъ колоновожатыхъ въ прапорщики Свиты, въ 1818 году произведены были въ полковники.

Было бы слишкомъ длинно перечислять награды, полученныя чинами квартирмейстерской части за боевыя отличія въ описываемую нами эпоху. Достаточно, что отличія эти были и не составляли одиночныхъ, какъ бы случайныхъ явленій, почему и могутъ быть отнесены ко всему вѣдомству, а не только къ лицамъ. Блистательные успѣхи увѣнчали славою наше оружіе въ борьбѣ съ Наполеономъ и, конечно, доля этой славы падаетъ и на тѣхъ чернорабочихъ, которые, даже и не будучи никѣмъ замѣчаемы при громадности происходившихъ событій, тѣмъ не менѣе, внесли и свою долю участія въ общее дѣло.

Къ тому же о трудахъ генеральнаго штаба можно судить еще и особеннымъ образомъ, такъ сказать, отрицательно: коль скоро не слышно, чтобы его бранили, то съ увѣренностію можно сказать, что дѣятельность его успѣшна, что она достигаетъ желаемыхъ результатовъ. Каждому извѣстно, что выбрать добросовѣстно хорошій бивакъ, который бы вполнѣ удовлетворялъ до мелочей всѣмъ условіямъ военнымъ и хозяйственнымъ, дѣло далеко не легкое. А обратитъ ли кто вниманіе на то, что бивакъ, дѣйствительно, хорошъ, вспомнятъ ли о томъ офицерѣ, который его выбиралъ, который, можетъ быть, провелъ лишнихъ два, три часа на конѣ, послѣ боя или съ перехода, пренебрегая собственной усталостію, лишь бы доставить успокоеніе другимъ. Но, Боже упаси, если бивакъ чѣмъ либо не угодилъ войскамъ или начальствующимъ лицамъ: ропотъ, неудовольствіе обрушиваются съ полною силою на виновника, и уже никакихъ нѣтъ ему оправданій. Тоже самое бываетъ и при движеніи войскъ по отношенію къ дорогамъ.

По этому-то при оцѣнкѣ дѣятельности генеральнаго штаба въ военное время большое значеніе имѣетъ уже и то, если офицеровъ его хотя и не особенно хвалятъ, но и не бранятъ въ войскахъ. А если къ этому присоединяется еще, что войска видятъ этихъ офицеровъ, раздѣляющихъ вмѣстѣ съ прочими всѣ трудности похода и опасности боя, если къ тому же само начальство считаетъ возможнымъ награждать и возвышать ихъ, во всеуслышаніе заявляя объ ихъ заслугахъ, то,

кажется, это можетъ служить самымъ лучшимъ критеріумомъ для оцѣнки трудовъ генеральнаго штаба.

Память о заслугахъ и службѣ квартирмейстерской части въ достопамятную эпоху наполеоновскихъ войнъ была передана потомству еще и созданіемъ новаго учрежденія — гвардейскаго генеральнаго штаба.

По возвращеніи Императора Александра, въ 1814 году, въ Петербургъ, князь Волконскій исходатайствовалъ для своихъ боевыхъ сотрудниковъ новую милость: образованіе изъ отличнѣйшихъ по своимъ заслугамъ штабъ и оберъ-офицеровъ квартирмейстерской части— гвардейскаго генеральнаго штаба (*). Офицерамъ этимъ были предоставлены въ чинахъ равныя преимущества съ полками гвардіи, а на мундирахъ въ отличіе данъ, на воротникъ и обшлага, сверхъ шитья, возлѣ красной выпушки, золотой бортикъ. Число офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба не было ограничено никакимъ штатомъ; первоначально было назначено 24 офицера (**), но потомъ постепенно число ихъ возрасло до 40. Офицеры эти до 1832 года вовсе не предназначались для службы исключительно при гвардейскихъ войскахъ, а распредѣлялись одинаково со всѣми прочими по съемкамъ и по всѣмъ войскамъ. Это было личное преимущество въ чинахъ и по содержанію, предоставляемое отличнѣйшимъ, гдѣ бы они не служили.

Рядомъ съ тѣми чинами квартирмейстерской части, которые своей службой составили себѣ карьеру, нельзя не вспомнить и тѣхъ, которымъ на долю достались лишь труды и лишенія, по которымъ не суждено было воспользоваться славою и почестями. Число таковыхъ было также не мало. Служба Свиты Его Величества по квартирмейстерской части въ продолженіе первыхъ пятнадцати лѣтъ нынѣшняго столѣтія была очень тяжела; это была служба, по преимуществу, боевая, такъ какъ все десятилѣтіе, съ 1805 по 1815 годъ, наполнено непрерывными войнами, и мы встрѣчаемъ въ это время многихъ офицеровъ квартирмейстерской части, которые постоянно, безъ перерывовъ, переходили съ одного театра войны на другой, не имѣя ни одного года отдыха.

(*) «Полное Собраніе Законовъ». Указъ 1-го августа 1814 г., № 25,628.

(**) Приказомъ по квартирмейстерской части отъ 16-го августа, за № 67, назначены въ гвардейскій генеральный штабъ: полковники: Гартингъ, Черкасовъ и Пятинъ; капитаны: Михайловскій-Данилевскій, Щербининъ 1-й и Траскинъ; штабсъ-капитаны: Дурново, Перовскій 1-й, Муравьевъ 1-й (Александръ Николаевичъ), Бергъ и Данненбергъ 2-й; поручики: князь Голицынъ 1-й, Муравьевъ 2-й (Николай Николаевичъ), Лукашъ и Глазовъ; подпоручики: Раумбургъ, Щербининъ 2-й, князь Голицынъ 2-й, Перовскій 2-й, Муравьевъ 5-й (Михаилъ Николаевичъ); прапорщики: графъ Бутурлинъ, Росшефортъ, Муравьевъ 6-й (Никита Михайловичъ), Бурцовъ.

Многіе изъ нихъ пали въ бою съ непріятелемъ; другіе были ранены въ виду войскъ; наконецъ, значительное число офицеровъ квартирмейстерской части не перенесло этого тяжелаго, продолжительнаго напряженія силъ, чѣмъ объясняется большое число умершихъ и оставившихъ службу, за болѣзнію, къ концу наполеоновскихъ войнъ. Все это, конечно, не могло не быть замѣченнымъ въ свое время и войсками и войсковыми начальниками, и не мало способствовало усиленію значенія квартирмейстерскихъ офицеровъ.

Обращаясь къ этимъ скорбнымъ листамъ, находимъ, что въ войну 1812—1814 годовъ изъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части десять офицеровъ было исключено изъ списковъ убитыми или умершими отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ; семь человѣкъ было раненыхъ, пять умерло на службѣ отъ болѣзней, въ періодъ съ 1812 по 1816 годъ, и болѣе десяти офицеровъ уволены въ отставку по болѣзни, тотчасъ по окончаніи войны, до 1816 года. Если принять во вниманіе, что, среднимъ числомъ, при дѣйствующихъ арміяхъ, во время этихъ войнъ находилось не болѣе 125—150 офицеровъ квартирмейстерской части, то, конечно, убыль эта будетъ составлять весьма значительный процентъ.

Почтимъ хотя бѣглымъ воспоминаніемъ память этихъ жертвъ, содѣйствовавшихъ своей кровью славѣ русскаго оружія и дѣлу возвышенія генеральнаго штаба. Въ 1812 году квартирмейстерская часть лишилась убитыми трехъ и ранеными пять офицеровъ; въ числѣ убитыхъ встрѣчаемъ двухъ отличныхъ штабъ-офицеровъ, Гавердовскаго и Коцебу, и подпоручика Савича. Первый изъ нихъ, пріобрѣвшій себѣ уже репутацію въ Киргизскихъ степяхъ и въ Финляндіи, по сознанію Коновницына, отлично служилъ при немъ въ авангардѣ при отступленіи отъ Витебска до Бородина, и былъ убитъ 26-го августа при отбитіи французовъ за Колочу отъ Горокъ. Подполковникъ Коцебу (Василій Августовичъ) вступилъ въ нашу службу въ 1811 году изъ австрійскаго генеральнаго штаба, имѣя уже Георгіевскій крестъ и золотую шпагу «за храбрость», полученные въ 1805 году; полный блестящихъ надеждъ, имѣя всего двадцать семь лѣтъ отъ роду, онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Полоцкомъ. Относительно подпоручика Савича остается совершенно неизвѣстнымъ, гдѣ онъ былъ убитъ; при исключеніи его изъ списковъ просто отмѣчено, что убитъ въ 1812 году. Начавъ службу въ Свитѣ въ 1809 году, онъ постоянно находился при такъ называемой молдавской арміи; по его краткому послужному списку видно, что, не смотря на свой малый чинъ, онъ имѣлъ: золотую шпагу «за храбрость», ордена

св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й и 3-й степеней, но когда, за какія отличія получены эти награды, ничего неизвѣстно.

Въ числѣ раненыхъ въ 1812 году находимъ слѣдующихъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ квартирмейстерской части: маіоръ Нейдгартъ (Александръ Ивановичъ) подъ Клястицами, а въ сраженіи подъ Бородинымъ: капитанъ Брозинъ, поручики: Бетевъ, Муравьевъ (Михаилъ Николаевичъ), прапорщикъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ 2-й и колоновожатый Бурнашевъ; сверхъ того, контуженъ подпоручикъ Вейраухъ.

Кампанія 1813 года представляетъ намъ только одного убитаго, подъ Люценомъ, поручика Гельфрейха и раненыхъ: подъ Люценомъ, прапорщика князя Андрея Михайловича Голицына 1-го, подъ Лейпцигомъ, подполковника Мандерштерна и капитана Гасфорта, а при дѣйствіяхъ наслѣднаго принца шведскаго противъ датчанъ, поручика Терлецкаго. Сверхъ того, штабсъ-капитанъ Маркевичъ контуженъ въ голову подъ Дрезденомъ. За то въ кратковременную кампанію 1814 года, Свита по квартирмейстерской части лишилась шестерыхъ офицеровъ: полковника Раппателя,—подъ Феръ-Шампенуазомъ, подполковника Рошешуара—при Шатобріенѣ, капитана Хека,—подъ Реймсомъ, капитана Кноринга,—подъ Парижемъ, 18-ти-лѣтняго подпоручика графа Строгонова,(*)—подъ Краономъ, и поручика Лютинскаго, умершаго отъ ранъ, полученныхъ подъ Парижемъ. Всѣ эти офицеры дѣлали кампанію 1812 и 1813 годовъ, но судьба не довела ихъ дождаться до окончанія этой борьбы. Сверхъ того, въ эту кампанію, подъ Нанси, раненъ штабсъ-капитанъ Перовскій (Левъ Алексѣевичъ).

Въ числѣ умершихъ особенно обращаютъ на себя вниманіе трое заслуженныхъ офицеровъ квартирмейстерской части, о которыхъ въ спискахъ убылыхъ показано, что они умерли отъ изнуренія; просмотрѣвъ ихъ службу, нельзя этому и удивляться: они участвовали во всѣхъ войнахъ, наполнявшихъ періодъ времени съ 1806 по 1814 годъ; это были полковникъ Соснинъ, начавшій службу въ 1787 году и зачисленный въ колоновожатые въ 1793 году, а умершій въ 1814 году, человѣкъ безъ образованія, но хорошій съемщикъ и храбрый офицеръ; полковникъ Сосновскій, выпущенный въ 1802 году изъ 1-го кадетскаго корпуса и получившій за Бородино золотую шпагу, и, наконецъ, капитанъ Зонъ, поступившій въ службу въ 1806 году колоновожатымъ. Сверхъ того, въ числѣ умершихъ отъ болѣзней вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ во время кампаніи, встрѣчаемъ: полковника Габбе, исключен-

(*) Единственный сынъ генералъ-лейтенанта Павла Александровича Строгонова, который не могъ перенести этой потери и умеръ въ 1817 году.

наго изъ списковъ въ 1814 году, капитановъ Бебера и Бруна въ 1813 году и подпоручика графа Фугасіера (изъ французскихъ эмигрантовъ), умершаго въ 1812 году. А сколько офицеровъ за эти войны болѣе или менѣе разстроили свое здоровье отъ непрерывныхъ трудовъ? Извѣстно, напримѣръ, что Ф. Ф. Шубертъ, бывшій оберъ-квартирмейстеромъ 2-го кавалерійскаго корпуса, не вынесъ къ концу 1812 года трудностей службы, и, заболѣвъ тифомъ, обязанъ своимъ спасеніемъ лишь необыкновенной заботливости о немъ генералъ-адъютанта барона Корфа.

Окончаніе войнъ съ Наполеономъ вызвало, какъ сказано выше, и значительное число увольненій изъ квартирмейстерской части по болѣзни, что, конечно, надо считать также слѣдствіемъ трудовъ, понесенныхъ во время кампаніи, тѣмъ болѣе, что въ числѣ уволенныхъ встрѣчаются, по большей части, имена офицеровъ, которые пользовались отличной репутаціей и, оставаясь на службѣ, могли бы, конечно, сдѣлать хорошую карьеру. Такъ, въ теченіе двухъ лѣтъ съ 1814 по 1816 годъ, вышли по болѣзни изъ квартирмейстерской части: генералъ-маіоры: Вистицкій (Андрей) и Энгельманъ, полковники: Кочетовъ, Эйхенъ 1-й, Буцковскій, Сазоновъ, Шефлеръ, Щербининъ, капитанъ Карповичъ, штабсъ-капитанъ Вильдеманъ.

Всѣ эти потери, понесенныя квартирмейстерскою частію во время послѣдней борьбы съ Наполеономъ, служатъ также довольно вѣскимъ доказательствомъ того усердія и рвенія, съ которыми молодежь, набранная Сухтеленомъ и княземъ Волконскимъ, относилась къ службѣ. Начиная службу по квартирмейстерской части въ молодыхъ лѣтахъ, съ самыхъ младшихъ чиновъ, видя передъ собою возможность сдѣлать быстро блистательную карьеру, питомцы Сухтелена и Волконскаго проникались благороднымъ соревнованіемъ, потому что были увѣрены, что за каждымъ изъ нихъ зорко слѣдятъ и всегда оцѣнятъ его службу.

I.

РУССКІЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

(Пять главъ изъ неизданной «Исторіи русскаго генеральнаго штаба», генералъ-маіора Глиноецкаго).

(*Окончаніе* (*).

IV.

(1815—1825).

Окончательное устройство главнаго штаба Его Императорскаго Величества, штабовъ армій и корпусовъ.—Положеніе въ этихъ учрежденіяхъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части.—Содержаніе и обмундированіе ея чиновъ.—Мѣры къ правильному ихъ комплектованію; Московское учебное заведеніе, а съ 1822 года училище для колоновожатыхъ: Финляндскій кадетскій корпусъ; офицерская школа при штабѣ 1-й арміи, другіе источники комплектованія.—Распредѣленіе чиновъ квартирмейстерской части и ихъ численность; занятія при войскахъ.

Образованное, послѣ изгнанія Наполеона изъ Россіи, главное дежурство при Императорѣ Александрѣ, просуществовавъ во все время войнъ противъ Франціи, обратилось, въ концѣ 1815 года, въ постоянное учрежденіе, подъ названіемъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества (**). Начальнику этого штаба, генералъ-адъютанту князю

(*) См. «Военный Сборникъ» № 10 и 11.

(**) Именной указъ Сенату 12-го декабря 1815 г. (Полное собраніе законовъ, т. XXXIII, № 26,021.

П. М. Волконскому, ввѣрено высшее завѣдываніе всѣми отдѣлами военнаго управленія, кромѣ хозяйственной части, оставленной въ распоряженіи военнаго министра, генералъ-адъютанта Петра Петровича Коновницына. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Волконскій оставленъ управляющимъ квартирмейстерскою частію, но независимо отъ того, генералъ-лейтенантъ Толь назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, при чемъ послѣдовало и раздѣленіе бывшей канцеляріи управлявшаго квартирмейстерскою частію: два отдѣленія, а именно: 2-е топографическое и 3-е маршрутное выдѣлены въ особую канцелярію генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, а бывше 1-е отдѣленіе (текущихъ дѣлъ) и 4-е (казначейское) образовали канцелярію управляющаго квартирмейстерскою частію и подчинены генералъ-маіору Селявину, которому ввѣрено также завѣдываніе типографіею, домомъ генеральнаго штаба, всѣми заведеніями, въ немъ находящимися, а съ мая 1816 года и военно-топографическимъ депо, изъятымъ изъ подчиненности военному министру и поставленнымъ въ зависимость отъ князя Волконскаго. Такимъ образомъ, на обязанности генералъ-квартирмейстера главнаго штаба осталось лишь завѣдываніе всѣмъ относящимся до распорядительной части по размѣщенію и движенію войскъ, а къ генералъ-маіору Селявину перешла инспекторская и хозяйственная часть; это были два ближайшіе помощника князя Волконскаго въ его сложныхъ и многотрудныхъ обязанностяхъ по квартирмейстерской части: оба они имѣли прямые у него доклады, Толь, какъ у начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, Селявинъ, какъ у главнаго начальника всей квартирмейстерской части.

Взглянемъ ближе на эти двѣ составныя части тогдашняго генеральнаго штаба, но прежде укажемъ на сложившуюся тогда же организацію штабовъ армій и корпусовъ, съ которыми въ тѣсной связи состояла и канцелярія генералъ-квартирмейстера главнаго штаба. Съ окончаніемъ войны противъ Наполеона, при возвращеніи нашихъ войскъ изъ-за границы, послѣдовало 28-го октября 1814 года раздѣленіе нашихъ сухопутныхъ силъ на двѣ арміи, изъ которыхъ первая ввѣрена фельдмаршалу графу Барклаю-де-Толли, а вторая—генералу отъ кавалеріи Бенигсену (*). Штаты же для штабовъ этихъ армій утверждены только черезъ два года послѣ того (**).

Примѣняясь вполнѣ къ учрежденію большой дѣйствующей арміи, завѣдываніе штабомъ каждой арміи было возложено на начальника

(*) Полное собраніе законовъ, № 25,723.

(**) 19-го октября 1816 года.

штаба, въ каковую должность и были назначены: въ 1-й арміи генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, а во 2-й генералъ-адъютантъ Киселевъ. Въ каждой арміи былъ особый генералъ-квартирмейстеръ (генералъ-маіоръ Гартингъ — въ 1-й, генералъ-маіоръ Хоментовскій — во 2-й арміи), въ вѣдѣніи котораго, по примѣру главнаго штаба Его Императорскаго Величества, состояло два отдѣленія, имѣвшія каждое по старшему адъютанту съ двумя помощниками, причемъ всѣ эти лица были изъ офицеровъ квартирмейстерской части; въ каждомъ отдѣленіи по штату полагалось только по одному писарю. Сверхъ того, при штабѣ арміи состояло болѣе или менѣе значительное число офицеровъ квартирмейстерской части, бывшихъ въ распоряженіи начальника штаба и генералъ-квартирмейстера арміи. Въ рукахъ послѣдняго сосредоточивалось завѣдываніе личнымъ составомъ квартирмейстерскихъ чиновъ арміи, а также и все, относящееся до передвиженія, размѣщенія войскъ, до ихъ учебныхъ сборовъ, до производства разнаго рода военныхъ съемокъ и обозрѣній въ раіонѣ расположенія арміи.

Вскорѣ послѣ учрежденія штабовъ армій вышли и штаты для корпусныхъ управленій, состоявшихъ изъ начальника штаба, дежурнаго штабъ-офицера, оберъ-квартирмейстера и четырехъ адъютантовъ, безъ означенія, должны ли послѣдніе быть изъ чиновъ квартирмейстерской части или нѣтъ (*). Послѣднее было вѣроятнымъ слѣдствіемъ недостатка этихъ чиновъ и, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно во многихъ корпусахъ имѣлось не болѣе одного квартирмейстерскаго офицера.

Наконецъ, въ каждой дивизіи положено было имѣть двухъ офицеровъ квартирмейстерской части и одного временно прикомандированнаго къ оной изъ артиллеріи, или отъ армейскихъ полковъ (**). Всѣ эти офицеры состояли въ прямой подчиненности оберъ-квартирмейстеру того корпуса, въ составъ котораго они входили.

При такой градаціи квартирмейстерскихъ чиновъ, оберъ-квартирмейстеры получали весьма важное значеніе: они руководили занятіями младшихъ офицеровъ, слѣдили за ними, атестовали ихъ. Контроль надъ ихъ дѣйствіями и атестаціею принадлежалъ генералъ-квартирмейстерамъ обѣихъ армій, которые затѣмъ свои заключенія о всѣхъ производимыхъ работахъ и о достоинствѣ подчиненныхъ имъ офицеровъ представляли, черезъ генералъ-маіора Селявина, на усмотрѣніе

(*) Въ февралѣ 1817 года.

(**) Утвержденное княземъ Волконскимъ положеніе «о должности офицеровъ квартирмейстерской части, находящихся при корпусахъ и дивизіяхъ въ мирное время».

князя Волконскаго, какъ высшаго начальника всей квартирмейстерской части. Этимъ же путемъ шли и всѣ представленія генералъ-квартирмейстеровъ относительно перемѣщенія офицеровъ, ихъ содержанія и вообще вся переписка по инспекторской и хозяйственной части квартирмейстерскаго вѣдомства. Затѣмъ, по всѣмъ вопросамъ, относящимся до войскъ, ихъ расположенія, передвиженій, сборовъ, до военныхъ съемокъ и картъ, вообще по занятіямъ офицеровъ, генералъ-квартирмейстеры армій сносились прямо съ Толемъ, который вѣдалъ этою частію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Съ перваго взгляда такой кругъ дѣятельности, предоставленный Толю, кажется весьма узкимъ; но надо принять во вниманіе, что по этой части предстояло очень много дѣла, такъ какъ впервые только по возвращеніи нашихъ войскъ изъ Франціи обращено было серьезное вниманіе на расквартированіе войскъ. До того времени, размѣщеніе войскъ по квартирамъ у обывателей не основывалось ни на какихъ началахъ, почему, представляя крайнія неудобства для войскъ, ложилось тяжелою повинностію и на жителей. Императоръ Александръ, желая доставить успокоеніе своимъ воинамъ, обратилъ серьезное вниманіе на этотъ предметъ; несомнѣнно, что и успѣху предположеній объ устройствѣ военныхъ поселеній не мало способствовала именно мысль, что этимъ путемъ будетъ достигнуто облегченіе квартирной повинности и доставленіе войскамъ лучшихъ способовъ къ ихъ размѣщенію.

Но независимо отъ этого важнаго предмета, порученнаго непосредственному вѣдѣнію Толя, на него же, по званію генералъ-квартирмейстера, была возложена и другая важная обязанность: повѣрка и заготовленіе военныхъ картъ, необходимыхъ для расположенія и движенія войскъ, собираніе всѣхъ свѣдѣній, требующихся по этому предмету. По этой части также многое еще оставалось сдѣлать, хотя тому и было положено начало «столистовою» картою Сухтелена и картою маршрутною.

По всѣмъ этимъ предметамъ, Толь непосредственно сносился съ генералъ-квартирмейстерами обѣихъ армій, поручалъ имъ разныя работы по этой части и затѣмъ въ отдѣленіяхъ своей канцеляріи дѣлалъ имъ повѣрку и сводку. Для этого рода работъ въ канцеляріи постоянно находилось, кромѣ двухъ начальниковъ отдѣленій, еще около двадцати офицеровъ квартирмейстерской части, но по штату не полагалось ни одного писаря; даже на канцелярскіе расходы не имѣлось въ началѣ никакого асигнованія, и только уже въ 1818 году

назначено было на этотъ предметъ 4000 рублей ассигнаціями, изъ которыхъ могли быть нанимаемы писаря (*).

Совершенно обратное видимъ въ канцеляріи управлявшаго квартирмейстерскою частію, состоявшей въ вѣдѣніи генералъ-маіора Селявина: при этой канцеляріи состояло только два квартирмейстерскихъ офицера въ должности начальниковъ отдѣленій, а затѣмъ имѣлось два чиновника и шесть писарей, да при типографіи, подвѣдомственной этой канцеляріи, полагался одинъ чиновникъ и семь нижнихъ чиновъ. Столь незначительный составъ прямо указываетъ на ограниченность тогдашней переписки, и тѣмъ болѣе удивителенъ, что съ 1816 года въ канцелярію управлявшаго квартирмейстерскою частію передано было и все дѣлопроизводство по хозяйству и личному составу военно-топографическаго депо.

Съ поступленіемъ этого депо въ вѣдѣніе князя Волконскаго, послѣдній принялъ званіе директора онаго и сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія, являющіяся прямымъ слѣдствіемъ соединенія его съ квартирмейстерскою частію. До 1816 года депо и квартирмейстерская часть имѣли свои отдѣльныя библіотеки, собранія инструментовъ, чертежныя, особое завѣдываніе инспекторскою частію; княземъ же Волконскимъ всѣ эти отдѣлы были соединены вмѣстѣ, чѣмъ пріобрѣтена нѣкоторая экономія, а главное, упрощена и объединена сама администрація.

Штатъ депо подвергся лишь незначительнымъ измѣненіямъ въ личномъ составѣ: число отдѣленій осталось прежнее (шесть), но все письмоводство и производство дѣлъ отошло изъ шестаго отдѣленія въ канцелярію управлявшаго квартирмейстерскою частію, а само это отдѣленіе переименовано въ рисовальное и къ нему присоединена чертежная квартирмейстерской части; къ послѣдней прикомандировывались обыкновенно всѣ офицеры генеральнаго штаба, остававшіеся въ Петербургѣ безъ опредѣленныхъ занятій. Такое распредѣленіе занятій депо дало возможность сократить штатную сумму, отпускаемую на содержаніе депо, съ 44,000 на 31,566 рублей.

Въ тоже время библіотека депо соединена съ таковою же квартирмейстерской части. Первая изъ нихъ получала съ 1812 года по 1000 червонцевъ въ годъ на свое пополненіе, что сохранено и послѣ 1816 года. Библіотека же квартирмейстерской части получила начало въ 1811 году изъ книгъ, пожертвованныхъ княземъ Волконскимъ (**). Во время же пребыванія нашихъ войскъ въ Парижѣ, послѣдній по-

(*) Высочайшее повелѣніе 10-го апрѣля 1818 года.

(**) См. главу II-ю (Воен. Сб. 1874. № 10).

ручилъ подполковнику Хатову и Михайловскому-Данилевскому пріискать для библіотеки лучшія сочиненія по военной, математической, географической и исторической частямъ; вслѣдствіе чего и было пріобрѣтено до 3000 книгъ, на что Императоръ Александръ пожертвовалъ изъ собственныхъ суммъ до 500 червонцевъ. Сверхъ того, съ 1816 года назначено ежегодно отпускать квартирмейстерской части по 500 червонцевъ на библіотеку.

Благодаря столь щедрымъ отпускамъ, соединенная библіотека военно-топографическаго депо и квартирмейстерской части сдѣлалась вскорѣ однимъ изъ наиболѣе богатыхъ хранилищъ книгъ и картъ военнаго содержанія. Первымъ библіотекаремъ этого соединеннаго книгохранилища назначенъ былъ, въ 1816 году, гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Михайловскій-Данилевскій, который, имѣя всѣ данныя, по своему многостороннему образованію, для устройства библіотеки, не могъ, однако, вполнѣ отдаться этому дѣлу, будучи постоянно отвлекаемъ поѣздками для сопровожденія князя Волконскаго при Высочайшихъ путешествіяхъ Государя Императора. Библіотекѣ генеральнаго штаба суждено было получить надлежащее устройство только уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ, благодаря трудамъ тогдашняго директора военно-топографическаго депо, генералъ-маіора Шуберта, и библіотекаря, полковника Александра Антоновича Скалона 1-го.

Вмѣстѣ съ соединеніемъ библіотекъ, и всѣ геодезическіе инструменты, имѣвшіеся при депо, переданы были въ механическую мастерскую, которая, подъ вѣдѣніемъ профессора Рейсиха, поступила въ составъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества. Съ подчиненіемъ военно-топографическаго депо князю Волконскому, всѣмъ класнымъ чиновникамъ его присвоенъ мундиръ чиновниковъ главнаго штаба съ тою лишь разницею, что клапаны и выпушки имъ положено было имѣть свѣтлосиняго сукна (*). На штатныя должности по депо были назначаемы по преимуществу военные чины, довольствуемые жалованіемъ по чинамъ изъ комисаріата, а для занятій, сперва временно прикомандировывались чины квартирмейстерскіе, но вскорѣ назначеніе послѣднихъ сдѣлалось постояннымъ, а съ 1817 года и имъ также даны были свѣтлосинія выпушки, для отличія отъ тѣхъ офицеровъ, которые оставались собственно при занятіяхъ по квартирмейстерской части (**).

Всѣ подчиненные князю Волконскому части, тогда же, въ 1816 году, положено было соединить въ одномъ зданіи, но такъ какъ по-

(*) Высочайшее повелѣніе 3-го августа 1816 года.

(**) Высочайшее повелѣніе 7-го мая 1817 года.

мѣщеніе бывшаго Молчановскаго дома оказывалось для того слишкомъ тѣснымъ, то въ 1819 году прикуплены были еще смежные дома: надворнаго совѣтника Кусовникова за 600,000 руб. и тайной совѣтницы Кушелевой за 275,000 руб., которые вмѣстѣ съ домомъ Молчанова и составили нынѣшнее великолѣпное зданіе главнаго штаба (*).

Въ этомъ то зданіи и размѣстилась съ полнымъ удобствомъ вся квартирмейстерская часть и военно-топографическое депо со всѣми имъ подвѣдомственными учрежденіями; въ то же время при депо устроена была и особая обсерваторія, а при военно-ученомъ комитетѣ, перешедшемъ въ вѣдѣніе князя Волконскаго съ учрежденіемъ главнаго штаба, учреждено, съ 1819 года, отдѣленіе квартирмейстерской части на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ существовали и два прежнія отдѣленія этого комитета, артилерійское и инженерное. Предметомъ занятій новаго отдѣленія назначено было разсмотрѣніе всѣхъ проектовъ и положеній, относящихся до службы генеральнаго штаба. Собственной самостоятельности комитетъ не имѣлъ и дѣятельность его почти исключительно ограничивалась разсмотрѣніемъ разныхъ новыхъ книгъ, проектовъ и сочиненій, представляемыхъ для соисканія преміи. Всего на содержаніе всѣхъ трехъ отдѣленій комитета предназначалось 47,660 руб., изъ которыхъ 10,000 руб. были асигнованы собственно на преміи, опыты, покупку книгъ и моделей (**). Первымъ начальникомъ квартирмейстерскаго отдѣленія въ военно-ученомъ комитетѣ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Фицтумъ, а непремѣнными членами генералъ-маіоръ Хатовъ и полковникъ Теслевъ 2-й; вмѣстѣ съ тѣмъ, назначены были почетными членами отдѣленія изъ квартирмейстерской части: баронъ Дибичъ, Толь, князь Меньшиковъ, Гекель, Н. Н. Муравьевъ 1-й, Нейдгартъ 2-й и Вельяминовъ 3-й.

Такимъ образомъ, съ водвореніемъ мира, квартирмейстерская часть является прочно и стройно организованною подъ управленіемъ князя Волконскаго, посвятившаго ей вполнѣ свою попечительную заботливость. Пользуясь полнымъ и неограниченнымъ довѣріемъ Государя, сознавая по опыту послѣднихъ войнъ необходимость хорошо устроеннаго генеральнаго штаба, находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что и во время

(*) На перестройку главнаго штаба разновременно, въ 1819 и 1820 годахъ, было назначено 732,000 руб., да въ 1821 году на устройство архива—274,018 руб. 80 коп. Въ строительной комисіи, завѣдывавшей работами по перестройкѣ, предсѣдательствовалъ сперва генералъ-маіоръ Эйхенъ 1-й, а потомъ Селявинъ. Въ 1819 году, впредь до составленія положенія о ремонтѣ дома главнаго штаба, назначено было временно на его ремонтъ по 15,000 руб. въ годъ.

(**) Штатъ военно-ученаго комитета Высочайше утвержденъ 12-го марта 1819 года.

мира корпусъ этотъ можетъ быть крайне полезенъ во многихъ отношеніяхъ, князь Волконскій энергически, и не безъ успѣха, ходатайствуетъ за квартирмейстерскую часть, въ видахъ возможно лучшей обстановки всей службы ея чиновъ. Еще въ 1814 году учрежденъ былъ въ этихъ видахъ гвардейскій генеральный штабъ для отличнѣйшихъ квартирмейстерскихъ чиновъ. Съ возвращеніемъ же нашихъ войскъ изъ за границы послѣдовалъ цѣлый рядъ узаконеній, клонящихся къ улучшенію матеріальнаго положенія Свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Въ 1816 году, всѣмъ чинамъ оной назначены за нахожденіе какъ на государственныхъ съемкахъ, такъ равно и на съемкахъ и рекогносцировкахъ при корпусахъ и арміяхъ, особыя порціонныя деньги въ размѣрѣ: штабъ-офицерамъ въ 2 руб., оберъ-офицерамъ въ 1 руб. 50 коп. и колоновожатымъ по 1 руб. асигнаціями въ сутки (*). Въ томъ же году, въ день рожденія Императора, опредѣлены для всѣхъ войскъ новые оклады жалованія, причемъ гвардейскій генеральный штабъ сравненъ въ окладахъ съ гвардейскою кавалеріею, а Свита по квартирмейстерской части съ окладами армейскихъ кирасировъ. При этомъ штабъ-офицерскіе оклады получили ничтожное усиленіе: для полковниковъ лишь на 19, а для подполковниковъ на 193 руб., но оклады оберъ-офицерскіе, особенно для гвардейскаго генеральнаго штаба, были значительно подняты, именно: капитанскіе на 88 и 41%, поручичьи на 112 и 68%, а подпоручичьи на 145 и 125% (**). Установленъ также и окладъ жалованія для прапорщичьяго чина.

Такъ какъ со введеніемъ новыхъ окладовъ жалованія отмѣнялись прежде существовавшіе дополнительные отпуски на канцелярскіе расходы и на раціоны, то оказалось, что собственно высшимъ чинамъ квартирмейстерской части, сравнительно съ другими чинами, вовсе не

(*) Высочайшее повелѣніе 2-го ноября 1816 года.

(**) Высочайшее повелѣніе 12-го декабря 1816 года.

Новые оклады жалованія, сравнительно съ прежними, видны изъ слѣдующей таблицы:

	Оклады до 1816 года.		Новые оклады гвардейскаго генеральнаго штаба.		Свиты по квартирмейстерской части.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Полковнику . . .	1,385	—	1,404	—	1,404	—
Подполковнику . .	977	—	—	—	1,170	—
Капитану	620	—	1,170	—	877	50
Штабсъ-капитану . .	522	—	877	50	760	50
Поручику	358	—	760	50	702	—
Подпоручику . . .	285	—	702	—	643	20
Прапорщику . . .	—	—	672	75	585	—

послѣдовало увеличенія содержанія въ той соразмѣрности, какой желало правительство. Тогда то послѣдовало, 20-го декабря 1816 г., особое Высочайшее повелѣніе о производствѣ служащимъ по квартирмейстерской части особыхъ денегъ на чертежные припасы въ размѣрѣ: генералъ-квартирмейстерамъ по 300 руб., генералъ-маіорамъ по 150 руб., полковникамъ по 85 руб. и подполковникамъ по 75 руб. асигнаціями въ годъ.

Еще болѣе значительное увеличеніе содержанія для высшихъ чиновъ послѣдовало съ 1-го января 1818 года, когда началось производство столовыхъ денегъ, причемъ генералъ-квартирмейстеры были приравнены къ начальникамъ дивизій и получили столовыя въ размѣрѣ 6,000 руб. асигнаціями, корпусные оберъ-квартирмейстеры по 2,000 руб., и старшіе адъютанты главнаго штаба и армій по 1,000 руб., а корпусныхъ и дивизіонныхъ штабовъ по 500 руб. (*). Только для младшихъ офицеровъ квартирмейстерской части, именно для дивизіонныхъ квартирмейстеровъ, не опредѣлено было столовыхъ, что объясняется тѣмъ, что эти чины получали съ 1816 года значительные порціонныя за командировки, и въ видахъ правительства было не привязывать ихъ къ мѣстамъ постоянными окладами, а усиливать ихъ содержаніе посредствомъ даваемыхъ имъ командировокъ и порученій. Идея вполнѣ справедливая, осуществленіе которой давало возможность держать, такъ сказать, въ постоянномъ движеніи младшихъ чиновъ квартирмейстерской части, что безспорно имѣло благотворное вліяніе на ихъ служебную практику.

Кромѣ вышеозначенныхъ окладовъ содержанія, чины квартирмейстерской части пользовались также на общемъ положеніи деньщичьимъ и квартирнымъ довольствіемъ. Что же касается до фуражнаго довольствія, то съ окончаніемъ войны отпускъ онаго былъ вовсе прекращенъ, хотя и въ мирное время отъ квартирмейстерскихъ чиновъ постоянно строго требовалось, чтобы они имѣли верховыхъ лошадей. Какъ бы для провѣрки этого, а болѣе для того, чтобы чины эти имѣли возможность почаще видѣть строевыя ученья, въ 1817 году было установлено (**), чтобы всѣ находящіеся въ Петербургѣ оберъ-офицеры Свиты Его Величества по квартирмейстерской части выѣзжали ежедневно, отъ семи до девяти часовъ утра, если только морозъ не превышалъ 10°, на Семеновскій плацъ, гдѣ въ эти часы обыкновенно производились строевыя ученья; нерѣдко пріѣзжалъ туда и самъ генералъ-квартирмейстеръ баронъ Толь, не говоря уже о томъ,

(*) Высочайшее повелѣніе 11-го октября 1817 года.

(**) Приказъ по квартирмейстерской части 25-го мая 1817 года за № 103.

что на всѣхъ парадахъ, смотрахъ, маневрахъ всегда выѣзжалъ генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба со всѣми состоявшими при немъ офицерами. Въ то время, вслѣдствіе привычекъ, пріобрѣтенныхъ во время войнъ, офицеры даже щеголяли верховыми лошадьми и смѣлою ѣздою, а между тѣмъ выдача фуражныхъ денегъ всѣмъ офицерамъ гвардейскаго генеральнаго штаба и Свиты Его Величества по квартирмейстерской части была установлена только въ 1821 году, когда положено было отпускать имъ круглый годъ эти деньги на одну лошадь (*).

Вскорѣ послѣ возвращенія нашихъ войскъ изъ-за границы послѣдовало и измѣненіе въ формѣ обмундированія квартирмейстерской части, измѣненіе, имѣвшее нѣкоторыя существенныя основанія, но тѣмъ не менѣе принятое современниками за новое выраженіе Высочайшаго благоволенія Императора Александра къ этому учрежденію.

Со времени Петра Великаго нашъ генеральный штабъ имѣлъ шитье и весь мундирный приборъ золотой, но 4-го іюля 1816 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, по которому вся квартирмейстерская часть получила, вмѣсто золотаго, серебряное шитье, весь приборъ и пуговицы бѣлые.

Основаніемъ къ этой перемѣнѣ, вѣроятно, послужило желаніе уподобить мундиръ квартирмейстерской части мундиру другихъ штабныхъ чиновъ и адъютантовъ, носившихъ бѣлый приборъ, а можетъ быть и желаніе удешевить самую форму, но говорятъ (**), что князь Волконскій ходатайствовалъ о таковомъ измѣненіи собственно для того, чтобы самому носить съ своими подчиненными серебряный приборъ, который Императоръ Александръ всегда предпочиталъ золотому. Какъ бы то ни было, но съ этого именно времени нашъ генеральный штабъ получилъ серебряное шитье.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, всѣмъ чинамъ квартирмейстерской части, вмѣсто прежняго двубортнаго мундира, данъ однобортный съ девятью пуговицами и съ красною выпушкою, а штабъ и оберъ-офицерамъ этой части, состоящимъ при военно-топографическомъ депо, повелѣно имѣть свѣтлосинія выпушки, примѣняясь къ прочимъ служащимъ при депо, чѣмъ положено начало мундира основанному черезъ пять лѣтъ послѣ того корпуса топографовъ (***).

Рядомъ съ мѣрами по устройству квартирмейстерской части, князь Волконскій, тотчасъ же послѣ окончанія войнъ съ Наполеономъ, дѣя-

(*) Высочайшее повелѣніе 24-го августа 1821 года.

(**) Со словъ И. А. Липранди и генерала Данненберга.

(***) Высочайшее повелѣніе 7-го мая 1817 года.

тельно заботится о надлежащемъ комплектованіи ввѣреннаго ему вѣдомства, и здѣсь также дѣятельность его представляется весьма разносторонней и обширною, а главное плодотворною. Допускъ въ квартирмейстерскую часть открытъ какъ для офицерскихъ чиновъ, такъ и для молодыхъ людей, опредѣляющихся колоновожатыми; въ обоихъ случаяхъ требуется сдать экзаменъ, требованія котораго являются уже значительно усиленными противъ прежняго. Въ 1816 году установлены по этому предмету положительныя правила, а именно испытанія лицъ, поступающихъ въ квартирмейстерскую часть какъ колоновожатыми, такъ и офицерами, должны производиться въ особомъ комитетѣ; поступающіе въ колоновожатые должны знать: правильно русскій языкъ и одинъ изъ иностранныхъ, географію, исторію, въ особенности русскую; изъ военныхъ наукъ—полевую фортификацію и начальную тактику, а изъ математики: ариѳметику, алгебру до уравненій 3-й степени, лонгиметрію и планиметрію. Поступающіе же въ офицеры квартирмейстерской части, кромѣ этихъ познаній, должны были еще знать: долговременную фортификацію, общія понятія изъ высшей тактики, стереометрію плоскую и сферическую, съемку и употребленіе нужныхъ при ней инструментовъ, наконецъ, имѣть понятіе о теоріи большой тригономической съемки (*).

Открывая, такимъ образомъ, всѣмъ свободный доступъ въ квартирмейстерское вѣдомство, князь Волконскій особенно заботится о доставленіи ему постоянныхъ, вѣрныхъ источниковъ для его комплектованія людьми вполнѣ образованными, и въ этомъ дѣлѣ ближайшими его помощниками опять являются Муравьевы—Николай Николаевичъ и сынъ его Михаилъ Николаевичъ.

Вступивъ снова въ службу въ 1812 году, Н. Н. Муравьевъ, въ чинѣ полковника, состоялъ начальникомъ штаба, сперва при ополченіи третьяго округа, а затѣмъ, въ 1813 году, въ корпусѣ генерала отъ инфантеріи графа Толстаго, съ которымъ и находился при блокадѣ Дрездена, гдѣ, вмѣстѣ съ генераломъ М. Дюма, подписалъ сдачу этого города, а потомъ при блокадѣ Магдебурга, Гамбурга и Гарбурга и во всѣхъ сраженіяхъ, происходившихъ при этихъ крѣпостяхъ, за что разновременно награжденъ былъ чиномъ генералъ-маіора и золотою саблею съ надписью «за храбрость».

Выйдя въ отставку съ окончаніемъ войны и возвратясь въ Москву, Николай Николаевичъ съ весны 1815 года снова занялся преподаваніемъ военныхъ наукъ у себя на дому небольшому числу мо-

(*) Приказъ по квартирмейстерской части 2-го марта 1816 года за № 58.

лодыхъ людей изъ своихъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Узнавъ о томъ, князь П. М. Волконскій тотчасъ предложилъ этимъ молодымъ людямъ вступить въ колоновожатые, что и было принято нѣкоторыми изъ нихъ (*). На лѣто они отправились для практическихъ занятій съ Н. Н. Муравьевымъ въ принадлежавшее ему село Хорошево, въ 12 верстахъ отъ Москвы, а осенью къ нимъ присоединилось еще 13 новыхъ колоновожатыхъ, и курсы установились болѣе правильно. Для преподаванія математики были приглашены: професоръ московскаго университета Чумаковъ, и магистръ Щепкинъ, а преподаваніе географіи и статистики принялъ на себя ректоръ университета, професоръ Геймъ. Всѣ они приняли эти обязанности безвозмездно, желая способствовать благимъ начинаніямъ Н. Н. Муравьева, который продолжалъ преподавать военныя науки. Весною 1816 года въ колоновожатые опредѣлилось еще 19 человѣкъ, а лѣтомъ всѣ они отправились на практическія занятія въ имѣніе Муравьева. Ко времени пріѣзда Императора Александра въ Москву, колоновожатые вернулись въ городъ, и имъ назначены были офицерскіе экзамены въ присутствіи князя Волконскаго и многихъ генераловъ изъ числа прибывшихъ съ Государемъ. Экзаменъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ, и 30-го августа 1816 года шестнадцать колоновожатыхъ произведены прапорщиками въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части, а самъ Н. Н. Муравьевъ снова принятъ въ эту же часть на службу съ чиномъ генералъ-маіора и назначенъ завѣдывающимъ съемкою Московской губерніи.

Успѣхъ этотъ побудилъ князя Волконскаго оказать полное свое содѣйствіе новому учрежденію, возникавшему столь благопріятно подъ руководствомъ Н. Н. Муравьева.

Основанное имъ заведеніе получило названіе «Московскаго учебнаго заведенія для колоновожатыхъ», но осталось, по-прежнему, на иждивеніи Николая Николаевича, который предоставилъ ему двухэтажный, каменный свой домъ, значительную библіотеку, большое количество инструментовъ и другихъ учебныхъ пособій. Для преподаванія же наукъ къ заведенію были прикомандированы изъ Свиты по квартирмейстерской части прапорщики: Вельяминовъ-Зерновъ, Христіани и Бахметьевъ, а изъ гвардейскаго генеральнаго штаба прапорщикъ Колошинъ и поручикъ М. Н. Муравьевъ. Послѣдній сдѣлался и прямымъ помощникомъ своего отца, составилъ всѣ курсовыя програмы и самый

(*) Первыми колоновожатыми были: Вельяминовъ-Зерновъ, баронъ Черкасовъ, двое князей Трубецкихъ, двое Мухановыхъ, Муссинъ-Пушкинъ, Юшковъ, Христіани, Карцевъ и Воейковъ.

уставъ заведенія, который и былъ утвержденъ княземъ Волконскимъ 23-го октября 1819 года (*).

По уставу въ заведеніе принимались колоновожатые и вообще молодые люди изъ дворянъ, не моложе шестнадцати лѣтъ, выдержавшіе экзаменъ въ знаніи русскаго и одного изъ иностранныхъ языковъ (французскаго или нѣмецкаго); впослѣдствіи требовались еще и начальныя основанія изъ исторіи и географіи. Число принимаемыхъ было неограничено. Весь курсъ, раздѣленный на четыре класа, продолжался только десять мѣсяцевъ. Предметы преподаванія заключались въ слѣдующемъ: 1) географія; 2) исторія—всеобщая и русская, при чемъ особо еще читалась подробная древняя исторія; 3) математика: ариѳметика, алгебра, геометрія, тригонометрія плоская и сферическая, приложеніе алгебры къ геометріи, аналитическая геометрія, геодезія (сколько нужно для составленія большой тригонометрической сѣти какого либо государства), диференціальное и интегральное вычисленіе, механика твердыхъ тѣлъ и механика жидкихъ тѣлъ. Послѣдніе три отдѣла были необязательны и читались лишь для желающихъ; 4) военныя науки: полевая и долговременная фортификація, общія понятія объ артилеріи и тактикѣ (изъ послѣдней то, что надлежитъ знать квартирмейстерскому офицеру, т. е. о дѣйствіи отрядами, о рекогносцировкахъ, о расположеніи лагеря, о боевыхъ порядкахъ и маршахъ арміи, о дислокаціяхъ, объ описаніи дорогъ и т. п.), наконецъ, баталіонное и эскадронное ученья; 5) черченіе и изготовленіе плановъ, а впослѣдствіи были установлены и упражненія въ русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Вообще курсы не были обширны, ограничиваясь предметами, самыми необходимыми по тогдашнимъ понятіямъ для офицера генеральнаго штаба, но основательное ихъ знаніе требовалось со всей строгостію на экзаменахъ и главный характеръ ученія состоялъ въ томъ, чтобы возбудить любовь къ наукамъ и доставить средства заниматься ими въ продолженіе жизни.

Всѣ колоновожатые и учащіеся жили на частныхъ квартирахъ и обязаны были, съ 1-го ноября по 1-е мая, ежедневно собираться въ домъ училища, для занятій съ девяти до двухъ часовъ пополудни; всѣ учебныя принадлежности каждый долженъ былъ имѣть свои собственныя. На время съ 1-го мая по 1-е ноября, заведеніе переѣзжало въ село Александровское, въ 110-ти верстахъ отъ Москвы, гдѣ продолжались лекціи и, сверхъ того, ученики были занимаемы съемками, разбивкою лагерей и полевыхъ укрѣпленій, а также обучались вер-

(*) «Современникъ» 1852 года—статья «Николай Николаевичъ Муравьевъ».

ховой ѣздѣ, для чего каждый обязанъ былъ имѣть свою собственную лошадь. На время лѣта правленіе заведенія озабочивалось, чтобы за квартиры въ крестьянскихъ избахъ съ учениковъ не брали болѣе 10-ти рублей въ мѣсяцъ, и чтобы фуражъ для лошадей былъ доставляемъ по справочнымъ цѣнамъ. Лѣтомъ заведеніе принимало вполнѣ военный видъ: дѣлались переклички, производились строевыя ученія, вечерняя заря, колоновожатые назначались дежурными, вся жизнь текла по заведенному порядку; на ночь выставлялись караулы отъ военныхъ командъ, назначаемыхъ въ распоряженіе заведенія.

Во главѣ заведенія стояли генералъ-маіоръ Н. Н. Муравьевъ 1-й и его помощникъ; преподаваніемъ занимались прикомандированные офицеры квартирмейстерской части, почти исключительно изъ числа вышедшихъ изъ этого же заведенія. Сверхъ того, каждый изъ преподавателей имѣлъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи нѣсколько учениковъ, за нравственностію, поведеніемъ и занятіями которыхъ обязанъ былъ слѣдить. Одинъ изъ офицеровъ завѣдывалъ канцеляріею заведенія, а двое, вмѣстѣ съ помощникомъ генерала, составляли ученый комитетъ, который вѣдалъ всей учебной частію, производилъ экзамены, наблюдалъ за преподаваніемъ, составлялъ програмы и утверждалъ учебныя руководства (*). Независимо отъ экзаменовъ, для перехода изъ класа въ класъ и для пріема въ заведеніе, этотъ же комитетъ производилъ ежегодно въ ноябрѣ мѣсяцѣ выпускные экзамены, по которымъ колоновожатые были производимы въ офицеры Свиты по квартирмейстерской части. Для всѣхъ экзаменовъ, по каждому предмету установлено было особое число баловъ; высшій балъ (60) былъ за подробную древную исторію. При выпускѣ надо было имѣть: изъ математическихъ наукъ—390 баловъ, изъ военныхъ 200, изъ общеобразовательныхъ (съ языками) 310, всего 900 баловъ, хотя допускалось производство въ офицеры и для имѣющихъ не менѣе 720 баловъ. Для перевода изъ одного класа въ другой также было опредѣлено наибольшее и наименьшее число баловъ; не удовлетворившіе этому требованію были оставляемы еще на одинъ годъ въ класѣ, послѣ чего уже исключались изъ заведенія (**).

Независимо отъ подготовки къ службѣ по квартирмейстерской части, «Московское учебное заведеніе» преслѣдовало еще и нѣкоторыя другія цѣли; такъ, съ 1819 года къ нему прикомандировывалось еже-

(*) «Учрежденіе Московскаго учебнаго заведенія», составленное генералъ-маіоромъ Н. Н. Муравьевымъ и хранящееся въ архивѣ Николаевской академіи генеральнаго штаба.

(**) Тамъ же.

годно нѣкоторое число кантонистовъ для обученія съемкѣ и черченію плановъ, чѣмъ подготовлено было комплектованіе учрежденнаго въ 1822 году корпуса топографовъ. Въ 1820 году, при заведеніи устроенъ былъ высшій офицерскій классъ, въ которомъ преподавались: продолженіе чистой математики, краткая астрономія—теоретическая и математическая, геодезія и краткая военная исторія. Офицеры, проходившіе этотъ курсъ, были произведены въ 1821 году въ подпоручики, но затѣмъ эти добавочныя чтенія болѣе не возобновлялись (*).

Наконецъ, наиболѣе важною изъ второстепенныхъ задачъ, которую поставило себѣ «Московское учебное заведеніе», было производство большой топографической съемки Московской губерніи, которая, служа для практики обучающихся, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла бы дать матеріалъ и для нашей картографіи. Н. Н. Муравьевъ, съ принятіемъ его, въ 1816 году, на службу по квартирмейстерской части, былъ, какъ выше сказано, назначенъ завѣдывающимъ съемкою Московской губерніи, и это, въ глазахъ правительства, была его главная офиціальная должность; для съемки собственно къ нему и были назначены квартирмейстерскіе офицеры, а учебное заведеніе считалось вполнѣ его частнымъ предпріятіемъ, почему онъ никогда, нигдѣ, ни въ офиціальныхъ документахъ, ни въ частныхъ сношеніяхъ, не именуется директоромъ или начальникомъ бывшаго въ его вѣдѣніи заведенія. Но, по странной случайности, офиціальная дѣятельность его совершенно стушевалась и забыта, а осталась только память о принадлежавшемъ ему заведеніи. Позднѣйшіе историки нашихъ топографическихъ работъ и нашей картографіи совершенно упустили изъ виду дѣятельность по этой части Н. Н. Муравьева до такой степени, что даже въ «Историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ», гдѣ включенъ обзоръ и всѣхъ работъ, производившихся у насъ до 1822 года, едва только въ двухъ мѣстахъ вскользь упоминается о съемкѣ Московской губерніи, произведенной колоновожатыми (**), тогда какъ тамъ же сообщены многія подробности о другихъ, менѣе важныхъ и слабѣйшихъ по достоинству работахъ.

Между тѣмъ, топографическія и картографическія работы, исполненныя при «Московскомъ учебномъ заведеніи», составляли замѣчатель-

(*) Статья «Современника» 1852 года, «Н. Н. Муравьевъ».

(**) На стр. 55, гдѣ съемка эта поименована рядомъ съ множествомъ работъ, произведенныхъ въ періодъ съ 1811 по 1821 годъ, и на стр. 189, гдѣ нѣсколько похвальныхъ словъ сказано о гравированіи карты окрестностей Москвы, изданной въ 1823 году, причемъ даже не упомянуто о томъ, что эта карта есть результатъ работъ, совершенныхъ при «Московскомъ учебномъ заведеніи».

ное явленіе въ свое время, и заслуживаютъ вполнѣ памяти потомства. Благодаря щедрости князя Волконскаго, заведеніе было обильно снабжено инструментами: ко времени его закрытія, въ 1823 году, въ немъ находились: 1 повторительный кругъ, 3 теодолита, 12 мензулъ, 1 хронометръ, 14 промѣрныхъ цѣпей, не считая множества разныхъ другихъ инструментовъ (*). Такого богатства съемочными инструментами не представляетъ ни одна изъ современныхъ и даже ближайшихъ позднѣйшихъ съемокъ. Къ сожалѣнію, мы не могли найти никакихъ свѣдѣній о ходѣ занятій на московской съемкѣ, но извѣстно только: что съемка эта производилась въ масштабѣ 250 саженъ въ дюймѣ, причемъ ближайшія окрестности Москвы снимались въ 100 саженномъ, а уѣздные города въ 50-ти саженномъ масштабѣ; что основаніемъ для работъ служила тригонометрическая сѣть, имѣвшая базисъ на Анофріевскомъ озерѣ; что къ 1823 году въ работѣ находилось 93 планшета съ 18-ю клапанами, или, какъ тогда называли, приклейками; что планы городовъ: Волоколамска, Звенигорода, Воскресенска, Можайска, Рузы и Верея, были въ то время готовы; наконецъ, что еще въ 1821 году, Н. Н. Муравьевъ, за представленную имъ карту окрестностей Москвы въ масштабѣ одна верста въ дюймѣ, на четырехъ листахъ, составленную со съемокъ колоновожатыхъ, удостоился получить Монаршее благоволеніе и постоянныя столовыя деньги, въ размѣрѣ 4,000 руб. асигн., въ годъ (**).

Карта эта, будучи награвирована штатными художниками Колпаковымъ и Фроловымъ, издана въ 1823 году при главномъ штабѣ Его Императорскаго Величества, и въ настоящее время служитъ образцомъ прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ исполненія, какъ по отчетливости и ясности всѣхъ условныхъ знаковъ, такъ и по самой гравюрѣ. Это положительно наша первая топографическо-картографическая работа, исполненная съ полнымъ совершенствомъ, и вполнѣ принадлежащая нашему генеральному штабу (***).

Все вышеизложенное достаточно свидѣтельствуетъ, что московская съемка, производившаяся, съ 1816 по 1823 годъ, колоновожатыми, подъ руководствомъ Н. Н. Муравьева и состоявшихъ при немъ офи-

---

(*) Архивъ генеральнаго штаба, дѣло 1823 года, № 306: «Объ увольненіи отъ службы генералъ-маіора Муравьева и о переводѣ Московскаго учебнаго заведенія въ С.-Петербургъ.»

(**) Тамъ же.

(***) Лучшею похвалою этой картѣ можетъ служить то, что при посѣщеніи въ 1874 году австрійскимъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба, карта эта была представлена въ числѣ образцовъ нашего картографическаго искусства.

церовъ, имѣла весьма важное значеніе, какъ практическая школа генеральнаго штаба, давшая ему многихъ отличныхъ съемщиковъ, которые потомъ долго служили главными дѣятелями по нашимъ государственнымъ съемкамъ, даже и тогда, когда послѣднія отошли въ вѣдѣніе корпуса топографовъ.

Въ концѣ 1822 года, разстройство здоровья Н. Н. Муравьева, а также и его домашнихъ дѣлъ, не позволявшихъ ему болѣе дѣлать значительныхъ пожертвованій, заставили его просить объ увольненіи отъ службы, вслѣдствіе чего онъ получилъ 15-го февраля 1823 года отставку за болѣзнію, съ мундиромъ, но безъ пенсіона (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ, личный составъ Московскаго учебнаго заведенія былъ переведенъ въ С.-Петербургъ, гдѣ образовалось казенное училище для колоновожатыхъ на новыхъ основаніяхъ. Всего въ Московскомъ учебномъ заведеніи, съ 1816 по 1823 годъ, перебывало около 180 колоновожатыхъ и нѣсколько пажей. Изъ этого числа, по окончаніи курса въ заведеніи, 127 человѣкъ произведены въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, а 11 выпущены офицерами же въ разные армейскіе полки. Многіе изъ числа этихъ, такъ называемыхъ нерѣдко, муравьевскихъ питомцевъ, достигли впослѣдствіи высшихъ званій; нѣкоторыхъ изъ нихъ генеральный штабъ до сихъ поръ имѣетъ честь считать въ своихъ спискахъ (**) и, по общимъ

(*) Оставивъ службу, Н. Н. Муравьевъ посвятилъ остатки своей жизни занятіямъ по сельскому хозяйству. Онъ былъ однимъ изъ основателей и изъ усерднѣйшихъ членовъ «Московскаго общества сельскаго хозяйства», которое обязано ему образованіемъ и первоначальнымъ устройствомъ своей земледѣльческой школы. Управляя IV отдѣленіемъ общества, онъ принималъ участіе въ изданіи въ 1830 году перевода сочиненія А. Теэра: «Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства», который онъ обогатилъ многими примѣчаніями, содержащими практическія примѣненія къ русскому хозяйству. Вынужденный въ послѣдніе два года часто обращаться къ помощи врачей, Н. Н. Муравьевъ переселился изъ деревни въ Москву, но и здѣсь не переставалъ трудиться, учить другихъ и учиться самъ. Многіе жители и посѣтители Москвы искали его ученой бесѣды и утѣшались его обществомъ, такъ какъ до конца жизни онъ сохранялъ всю свою умственную бодрость и теплоту сердца, всю веселость и живость характера. Однако, подагра и присоединившаяся къ ней водяная одолѣвали постепенно его силы и, послѣ продолжительныхъ страданій, Н. Н. Муравьевъ кончилъ трудолюбивую и полезную жизнь свою, 20-го августа 1840 года, въ Москвѣ, на 72 году отъ роду. Тѣло его погребено въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Послѣ него остались сыновья: Александръ (умершій генералъ-лейтенантомъ генеральнаго штаба), Николай (бывшій главнокомандующимъ на Кавказѣ), Михаилъ (пожалованный графскимъ титуломъ и управлявшій сѣверозападнымъ краемъ), Андрей (извѣстный своими сочиненіями по духовной литературѣ), Сергѣй (умершій въ 1874 году) и дочь Софія.

(**) Генералъ-адъютанты: графъ П. Е. Коцебу, баронъ Б. К. Ливенъ, генералы-отъ-инфантеріи: А. К. Ушаковъ, М. М. Раговскій, генералъ-лейтенантъ М. Л. Фантонъ-де-Веррайонъ.

отзывамъ, всѣ они вынесли изъ Московскаго учебнаго заведенія самыя теплыя и пріятныя воспоминанія, самыя искреннія чувства уваженія, благодарности и признательности къ своему бывшему руководителю и наставнику. Какъ уже выше замѣчено, курсъ ученія въ этомъ заведеніи не былъ обширенъ, особенно сравнительно съ курсами нынѣшнихъ военно-учебныхъ заведеній, но за то въ немъ очень сильно было нравственное вліяніе на учащихся всѣхъ начальствующихъ лицъ. Это была единственная въ своемъ родѣ школа, въ которой всѣ преподаватели и воспитатели, связанные общностію носимаго ими и высокочтимаго мундира, подготовляли себѣ же сотоварищей по службѣ и будущихъ сотрудниковъ по занятіямъ. Хотя въ заведеніе поступало очень много богатыхъ людей, принадлежавшихъ къ знатнымъ фамиліямъ, но это не имѣло никакого вліянія на общій ходъ занятій и на духъ заведенія. По отзыву одного изъ бывшихъ учениковъ заведенія, тотъ только, кто хорошо учился, кто хорошо, благородно велъ себя, пользовался справедливымъ вниманіемъ начальства и уваженіемъ товарищей (*). Къ тому же Н. Н. Муравьевъ извѣстенъ былъ по своему необыкновенному такту и полнѣйшему знанію юношеской природы. Снисходительный къ поступкамъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего предосудительнаго, онъ бывалъ строгъ и даже подвергалъ виновнаго исключенію изъ заведенія, когда проступокъ показывалъ испорченность характера, явный предосудительный порокъ. Качества воспитателей не могли не отразиться на ученикахъ, которые, по общимъ отзывамъ, отличались не только образованіемъ, усердіемъ къ службѣ и ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, но также прямотою, честностію своего характера, и вообще многіе изъ нихъ были людьми стоявшими во многихъ отношеніяхъ значительно выше современнаго имъ общества.

Во время закрытія Московскаго учебнаго заведенія, въ немъ состояли: 1 штабъ-офицеръ, 12 оберъ-офицеровъ, изъ числа которыхъ шестеро прапорщиковъ занимались съемками, и только 13 колоновожатыхъ (**); сверхъ того при заведеніи состояло 10 топографовъ, 4 кантониста и 7 сторожей изъ служащихъ нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа прапорщики были отправлены на виленскую съемку, а

(*) Записки Басаргина.

(**) Подполковникъ Колошинъ 1-й, въ должности помощника генерала Муравьева; капитанъ Христіани, поручики: князь Шаховской 1-й, Крюковъ 1-й, подпоручики: Полторацкій 1-й, Путята и Ладыженскій, прапорщики: Болотовъ, Каменскій, Неѣловъ, Татариновъ, Загряжскій и Яковлевъ 4-й; колоновожатые: Кротковъ, Арбеневъ, Голынскій, Шауфусъ, Кошелевъ, Зыковъ, князь Шаховской 2-й, Домашневъ, Карновичъ, Вердеревскій, Поляковъ, Купчиновъ и Ковалевскій.

прочіе офицеры и колоновожатые вытребованы въ Петербургъ, гдѣ между тѣмъ все уже было приготовлено къ открытію новаго училища. 27 апрѣля 1823 года княземъ Волконскимъ было утверждено положеніе для новаго училища колоновожатыхъ, составленное генералъ-адъютантомъ барономъ Толемъ, при содѣйствіи генералъ-маіора Хатова, тогда же назначеннаго директоромъ училища (*).

По новому положенію, училище предназначалось для 60 колоновожатыхъ, которые жили въ заведеніи и при поступленіи обязаны были вносить 200 руб. на обзаведеніе (мебель, столовое бѣлье, посуду и проч.); столъ, одежду, бѣлье (кромѣ столоваго), учебныя пособія, кромѣ чертежныхъ и письменныхъ принадлежностей, содержали на свой собственный счетъ; имъ позволялось имѣть свою прислугу, но съ тѣмъ, чтобы число слугъ не превышало на все заведеніе 20, и чтобы они были одѣты по однообразной формѣ. Отъ казны колоновожатые получали помѣщеніе въ училищѣ, жалованіе по 150 р. въ годъ и казенный провіантъ. Вступленіе въ колоновожатые опредѣлялось экзаменомъ, болѣе обширнымъ противъ прежняго; на немъ требовалось: знаніе русскаго и одного изъ иностранныхъ языковъ, географіи, всеобщей и русской исторіи, ариѳметики, начальныхъ основаній алгебры до уравненій 1-й степени, лонгиметріи и планиметріи, начальныхъ понятій о полевой фортификаціи, рисованіе или черченіе плановъ. Курсъ въ самомъ училищѣ полагался двухъгодичный, причемъ въ низшемъ класѣ проходились: русскій и иностранные языки, ариѳметика, алгебра до уравненій 2-й степени, лонгиметрія, планиметрія и стереометрія, полевая фортификація, чистая тактика пѣхоты и кавалеріи, черченіе плановъ, исторія—древняя, средняя и русская. Въ верхнемъ же класѣ были преподаваемы: тѣ же языки, что и въ нижнемъ, приложеніе алгебры къ геометріи, тригонометрія плоская и сферическая, аналитическая геометрія, геодезія, долговременная фортификація, артилерія и ея тактика, высшая или прикладная тактика и кастраметація, составленіе и черченіе всякаго рода картъ, новѣйшая исторія, особенно военная, географія и статистика. Верхній класъ былъ обучаемъ и верховой ѣздѣ.

Класныя занятія продолжались лѣтомъ съ 8, а зимою съ 9 часовъ до 2-хъ часовъ пополудни, съ получасовымъ перерывомъ въ срединѣ. Курсъ ученія продолжался безпрерывно круглый годъ, кромѣ нѣсколькихъ недѣль, назначаемыхъ на приготовленіе къ экзаменамъ, которые производились въ началѣ каждаго года. Отличнѣйшіе колоно-

(*) Положеніе для училища колоновожатыхъ, въ архивѣ генеральнаго штаба, дѣло 1823 года, № 357.

вожатые верхняго класа прикомандировывались для практики на нѣсколько недѣль къ топографическимъ съемкамъ въ окрестностяхъ Петербурга, а передъ производствомъ въ офицеры отсылались въ гвардейскіе полки, также на нѣсколько недѣль, для ознакомленія съ строевою службою.

Училище было вполнѣ подчинено генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба Его Императорскаго Величества, подъ предсѣдательствомъ котораго производились и выпускные экземены. Для атестаціи принята была десятичная система, причемъ каждый предметъ имѣлъ свое особое число баловъ, такъ что полное число баловъ полагалось: въ языкахъ—160, въ исторіи—130, въ географіи и статистикѣ—110, въ математикѣ—350, и въ военныхъ наукахъ—500; всего за науки 1,250 баловъ, да за поведеніе 100. Для производства же въ офицеры обучающійся долженъ былъ имѣть не менѣе 900 баловъ за науки и 90 баловъ за поведеніе.

Управленіе училищемъ состояло изъ директора, инспектора, который въ тоже время завѣдывалъ канцеляріей, пяти оберъ-офицеровъ квартирмейстерской части, эконома изъ класныхъ чиновниковъ, унтеръ-офицера для присмотра за чистотою и за служителями и двухъ писарей. Одинъ изъ оберъ-офицеровъ состоялъ въ должности помощника инспектора класовъ и завѣдывалъ письмоводствомъ въ канцеляріи, а прочіе четыре назначались для наблюденія за нравственностію, поведеніемъ и опрятностію колоновожатыхъ, которые были разбиты между этими офицерами на четыре отдѣленія. Офицеры эти обязаны были жить въ одномъ помѣщеніи съ колоновожатыми; они же занимались преподаваніемъ, но въ случаѣ надобности для чтенія лекцій приглашались и другіе офицеры квартирмейстерской части. Десять лучшихъ по поведенію колоновожатыхъ исправляли должности фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ и назначались въ помощь оберъ-офицерамъ для наблюденія за своими товарищами. Ежедневно одинъ офицеръ и одинъ колоновожатый назначались дежурными по заведенію.

Положеніемъ особо строго, и даже мелочно, опредѣлялся весь внутренній порядокъ заведенія, отношенія начальственныхъ лицъ, какъ между собою, такъ и къ колоновожатымъ. Видимо, новому училищу желали придать вполнѣ военную обстановку строго казеннаго, закрытаго заведенія, чтобы съ перваго же разу выказать полное отличіе его отъ частнаго учрежденія Муравьева, въ которомъ, конечно, школьная дисциплина не могла имѣть полнаго развитія. Въ этихъ видахъ, съ 1824 года въ училище командировались гвардейскіе унтеръ-офицеры для обученія колоновожатыхъ стойкѣ, маршировкѣ, правиламъ

отданія чести и т. п. Въ новомъ заведеніи жизнь колоновожатыхъ была строго регулирована: къ восьми часамъ утра они должны были быть вполнѣ готовы, и дежурный офицеръ строилъ ихъ для переклички и осмотра чистоты одежды, послѣ чего въ порядкѣ, рядами велъ въ класъ; завтракать они могли въ своихъ комнатахъ до восьми часовъ. Въ два часа, снова строемъ, дежурный велъ ихъ изъ класовъ, а затѣмъ къ обѣду, послѣ котораго до девяти часовъ вечера колоновожатые располагали временемъ по своему усмотрѣнію и могли даже принимать гостей въ особо для того назначенной комнатѣ; только женщины отнюдь не допускались къ посѣщеніямъ. Послѣ ужина снова дѣлалась перекличка, и въ одиннадцать часовъ гасились всѣ огни въ заведеніи.

Куреніе, игра въ карты, чтеніе книгъ, не разрѣшенныхъ инспекторомъ, строго воспрещались. Увольненіе въ отпускъ дѣлалось только въ праздники по билетамъ, съ разрѣшенія директора; въ будни, съ трехъ до девяти часовъ вечера, могли быть отпускаемы изъ училища лишь тѣ, которые, по засвидѣтельствованію родителей, брали на сторонѣ какіе-либо частные уроки. Посѣщеніе театровъ, маскарадовъ, концертовъ, кондиторскихъ и ресторановъ, ѣзда въ экипажахъ строго воспрещались. За всякое нарушеніе установленныхъ положеній налагались разнообразныя наказанія, выговоры, лишеніе отпуска, занесеніе на черную доску, отдѣленіе за особый столъ, разнаго рода аресты, наконецъ, исключеніе изъ заведенія съ назначеніемъ на службу въ армію унтеръ-офицерами (*).

Собственно на содержаніе училища никакихъ особыхъ асигнованій не было, кромѣ 10,000 руб., назначенныхъ на столовыя директору и служащимъ и на вознагражденіе преподавателямъ; изъ этой суммы директоръ получалъ по 2,000 руб. въ годъ, инспекторъ по 900 руб., а преподаватели отъ 500 до 800 руб., смотря по числу занятій. На столъ, содержаніе прислуги и мытье половъ колоновожатые дѣлали особую складчину, по 30 руб. въ мѣсяцъ, за что получали отъ эконома обѣдъ въ три и ужинъ въ два блюда; завтраки и чай колоновожатые могли имѣть на свой счетъ; для питья дозволялась только вода и квасъ. Вся кухонная посуда, столовый приборъ и мебель были казенные, заведенные изъ экономической квартирмейстерской суммы; изъ этой же суммы нанимался для колоновожатыхъ, за 7,000 руб. въ годъ, домъ купца Таля (**), а на пополненіе ея поступали едино-

(*) Положеніе для училища колоновожатыхъ, утвержденное 27-го апрѣля 1823 года, въ архивѣ генеральнаго штаба, дѣло № 357.

(**) На Мойкѣ, по Вознесенскому проспекту, гдѣ нынѣ дворецъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны.

временные взносы, дѣлаемые колоновожатыми при поступленіи въ училище, фуражныя деньги, слѣдующія на ихъ лошадей, которыя въ дѣйствительности не содержались, а равно и отпускаемыя по 6 руб. въ годъ на лошадь ремонтныя деньги на сбрую и сѣдельный приборъ (*). Такимъ образомъ и съ переходомъ въ С.-Петербургъ училище колоновожатыхъ стоило собственно казнѣ весьма немного.

Въ такомъ видѣ С.-Петербургское училище для колоновожатыхъ просуществовало только три года, до лѣта 1826 года, когда оно, по Высочайшему повелѣнію, было вовсе упразднено. За время своего краткаго существованія оно дало весьма немного офицеровъ Свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части, всего только 22 чел. (**). Казалось бы, что съ переходомъ въ Петербургъ училище ничего не могло проиграть, а скорѣе должно было выиграть; въ немъ остались тѣ же воспитатели—Колошинъ, Христіани, Ладыженскій, Крюковъ, не стало только Н. Н. Муравьева, замѣненнаго столь же достойнымъ генераломъ Хатовымъ, да заведеніе сдѣлано закрытымъ. Но послѣднее условіе болѣе всего повліяло на самую жизнь заведенія и измѣнило всѣ отношенія между начальствующими лицами и учащимися. Въ московскомъ заведеніи все держалось полнѣйшимъ уваженіемъ и довѣріемъ учащихся къ Н. Н. Муравьеву и его сотрудникамъ, а также и необыкновеннымъ тактомъ Николая Николаевича въ его обращеніи съ воспитывающимися юношами, которыхъ онъ порабощалъ своимъ умѣніемъ руководить ими. Теперь же колоновожатые стали относиться враждебно къ своимъ наставникамъ, какъ къ надзирателямъ и притѣснителямъ; къ тому же и генералъ Хатовъ былъ постоянно болѣе занятъ своими учеными трудами, чѣмъ ввѣреннымъ ему юношествомъ; малодоступный, несообщительный, онъ, при всемъ желаніи своемъ, не въ состояніи былъ оказать вліянія на своихъ подчиненныхъ, а тѣмъ болѣе внушить имъ довѣріе къ себѣ (***).

При такомъ положеніи, въ основу училищной жизни колоновожатыхъ легла строгость и постоянный страхъ наказанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали болѣе часто проявляться разнаго рода нарушенія мелочныхъ и даже болѣе крупныхъ постановленій; примѣнены были и строгія карательныя мѣры: за три года переведено въ армію унтеръ-офицерами и даже рядовыми болѣе 20 колоновожатыхъ, такъ что число исключенныхъ за наказаніе почти равнялось числу окончив-

(*) Дѣла архива генеральнаго штаба.

(**) Изъ нихъ 12 въ 1824 и 10—въ 1825 году.

(***) Такую характеристику дѣлаетъ Хатову фонъ-Бредке, находившійся подъ его начальствомъ на съемкѣ въ Финляндіи въ 1812 году. (Georg von Bradke's eigene Aufzeichnungen über sein Leben).

шихъ курсъ и выпущенныхъ въ Свиту. Строгость эта возбуждала опасенія на счетъ поступленія въ колоновожатые, почему число послѣднихъ видимо стало уменьшаться, и ко дню закрытія училища въ немъ всего находилось 28 колоновожатыхъ.

Независимо отъ комплектованія изъ числа колоновожатыхъ, Свита Его Величества по квартирмейстерской части могла еще разсчитывать на поступающихъ въ нее изъ Пажескаго Его Величества корпуса и изъ незадолго передъ тѣмъ открытаго Императорскаго Царскосельскаго (нынѣ Александровскаго) лицея. Пажескій корпусъ пользовался правомъ выпуска въ квартирмейстерскую часть еще съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, но до 1817 года далъ этому вѣдомству только пять офицеровъ (*). Затѣмъ, число выпускаемыхъ въ Свиту нѣсколько увеличилось послѣ 1817 года, такъ что до 1826 года этимъ путемъ квартирмейстерское вѣдомство получило всего 15 офицеровъ (**). Хотя въ Пажескомъ корпусѣ проходили военныя науки, но тѣмъ не менѣе предназначаемые изъ онаго для производства въ квартирмейстерскіе офицеры подвергались особому испытанію, наравнѣ со всѣми поступающими въ это вѣдомство, на основаніи положенія 1816 года, точно также какъ и выходящіе изъ лицея.

Царскосельскому лицею при самомъ учрежденіи его въ 1810 году предоставлено было выпускать кончившихъ въономъ курсъ, какъ гражданскими чинами, такъ и офицерскими въ военную службу, примѣняясь къ положенію, по этому предмету существовавшему въ Пажескомъ корпусѣ (***).

Въ первоначальномъ положеніи о лицеѣ ничего, однако, не говорится, чтобы установлены были какіе либо дополнительные курсы для воспитанниковъ, желающихъ идти въ военную службу, и пробѣлъ этотъ пополненъ только въ 1816 году, когда въ лицеѣ введено было обученіе верховой ѣздѣ и установлена въ окончательномъ курсѣ каѳедра военныхъ наукъ, съ предоставленіемъ ей девяти учебныхъ часовъ въ недѣлю. Занимавшій эту каѳедру въ теченіе четырехъ лѣтъ (съ 1816—1820 г.) инженеръ-полковникъ Эльснеръ читалъ лицеистамъ только артилерію, полевую и долговременную фортификацію; болѣе же правильное преподаваніе военныхъ наукъ установилось въ

(*) Въ 1807 году—Васьковъ, въ 1803 году—Финкъ, въ 1810 году—Пушкинъ, а въ 1812 году—Хомутовъ и Ушаковъ; первые трое произведены прямо поручиками, а послѣдніе подпоручиками; послѣ же 1817 года всѣ выпускались уже въ Свиту прапорщиками.

(**) Дѣла Пажескаго Его Величества кадетскаго корпуса.

(***) И. Селезневъ: «Историческій очеркъ Императорскаго, бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея».

лицеѣ лишь съ 1821 года, когда професоромъ оныхъ сдѣланъ былъ Карлъ Петровичъ Сентъ-Андре, бывшій поручикъ виртембергской службы, оставшійся плѣннымъ въ Россіи въ 1812 году (*). Замѣчательно, что, не смотря на вызовы лицея, между квартирмейстерскими офицерами того времени вовсе не находилось желающихъ заниматься преподаваніемъ даже военныхъ наукъ; каждый на столько дорожилъ своею спеціальностію, что считалъ всякое отвлеченіе отъ нея неумѣстнымъ и даже вреднымъ для своихъ занятій. Отъ этого и послѣ Сентъ-Андре каѳедру военныхъ наукъ въ лицеѣ занялъ капитанъ 1-го кадетскаго корпуса Александръ Васильевичъ Устиновъ, занимавшій ее съ 1824 по 1829 годъ, т. е. до самаго ея упраздненія (**).

Вмѣстѣ съ установленіемъ каѳедры военныхъ наукъ было положено, что лицеисты, подлежащіе выпуску въ гвардію, должны быть, прежде производства въ офицеры, прикомандированы на нѣкоторое время къ гвардейскимъ войскамъ, для практическаго ознакомленія съ строевою службою, а выпускаемые въ армію, для той же цѣли, отсылались сперва во 2-й кадетскій корпусъ, а впослѣдствіи въ Образцовый полкъ.

Право выпуска въ офицеры было распространено также и на воспитанниковъ пансіона, состоявшаго при лицеѣ и имѣвшаго съ послѣднимъ совершенно одинаковые курсы. Хотя съ 1817 по 1829 годъ изъ лицея и его пансіона выпущено въ военную службу 128 офицеровъ, но изъ этого числа только четверо произведены были прямо въ квартирмейстерскую часть, да одинъ, будучи выпущенъ изъ лицейскаго пансіона въ армію, вскорѣ былъ причисленъ къ генеральному штабу и затѣмъ переведенъ въ оный (***).

(*) Недолгое время между Эльснеромъ и Сентъ-Андре, каѳедру эту занималъ титулярный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Пушкинъ, служившій до того въ генеральномъ штабѣ, но болѣе извѣстный по своему курсу полевой фортификаціи.

(**) И. Селезневъ: «Историческій очеркъ Императорскаго, бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея.»

(***) Выпущенные изъ лицея были: въ 1817 году—Владиміръ Вальховскій и въ 1820 году—Сергѣй Подлинневъ, оба прапорщиками въ гвардейскій генеральный штабъ: изъ нихъ первый пользовался репутаціей отличнаго офицера генеральнаго штаба и служилъ долго на Кавказѣ; второй же былъ хорошій математикъ, но вышелъ въ отставку по болѣзни въ 1825 году.

Изъ лицейскаго пансіона выпущены въ генеральный штабъ: въ 1825 году: Илья Степановичъ Фроловъ (нынѣ генералъ-адъютантъ), кончившій курсъ съ первою золотою медалью и князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ), кончившій курсъ съ первою серебряною медалью. Кончившій же курсъ въ пансіонѣ, въ 1828 году, Федоръ Федоровичъ Торнау выпущенъ прапорщикомъ въ 33-й егерскій полкъ, а въ 1829 году причисленъ къ генеральному штабу и только въ 1833 г. переведенъ въ оный; всѣ трое по на-

Лицей, какъ заведеніе чисто гражданское и не подчиненное притомъ же квартирмейстерской части, и не могъ имѣть большаго участія въ ея комплектованіи, почему гораздо болѣе надеждъ въ этомъ отношеніи подавали тогдашніе кадетскіе корпуса и особенно недавно открытый Финляндскій кадетскій корпусъ. На нихъ то и обращено было вниманіе князя Волконскаго, чтобы, по возможности, брать лучшихъ изъ нихъ учениковъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части.

Еще въ 1812 году графъ Армфельтъ основалъ для подготовки финляндскаго юношества къ военной службѣ Гапаньемскій топографическій корпусъ, въ которомъ все преподаваніе было направлено къ развитію математическаго и военнаго образованія. Это-то заведеніе князь Волконскій и предполагалъ обратить въ новый источникъ для комплектованія квартирмейстерской части. Вслѣдствіе его ходатайства, корпусъ этотъ былъ ему непосредственно подчиненъ въ концѣ 1817 года, а въ 1819 году переведенъ въ Фридрихсгамъ, гдѣ ему дано новое устройство подъ названіемъ Финляндскаго кадетскаго корпуса. По обыкновенію, Волконскій не скупился въ средствахъ и для этого новаго заведенія: на постройку дома для него было назначено единовременно 233,000 руб., да на первоначальное обзаведеніе 10,150 руб. при постоянномъ ежегодномъ отпускѣ въ 52,744 руб. асигн. Штатъ корпуса опредѣленъ первоначально на 60 кадетовъ, а въ 1822 году къ нему было присоединено частное училище Грипенбаха изъ Тавастгусской губерніи, составившее малолѣтнее отдѣленіе въ 30 учениковъ. Курсъ ученія опредѣленъ шестилѣтній, причемъ особенное вниманіе обращено на занятія математикою, съемками и черченіемъ плановъ. Кончающіе курсъ, смотря по успѣхамъ экзаменовъ, назначались на службу въ гвардію, генеральный штабъ, въ артиллерію и армію. Чтобы ближе связать этотъ корпусъ съ квартирмейстерскою частію, служащимъ въ немъ офицерамъ данъ былъ мундиръ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, но съ желтою выпушкою, а первымъ шефомъ или директоромъ корпуса назначенъ генеральнаго штаба подполковникъ Фіантъ, замѣненный въ 1819 году генералъ-маіоромъ Теслевымъ 2-мъ, извѣстнымъ своими астрономическими и геодезическими познаніями.

Выпуски въ квартирмейстерскую часть изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса продолжались съ 1817 по 1826 годъ и всего дали 32

стоящее время состоятъ въ генеральномъ штабѣ, послѣдній въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

офицера, главную спеціальность которыхъ составляли съемки и черченіе плановъ, хотя было между ними и нѣсколько боевыхъ офицеровъ.

Почти при каждомъ изъ таковыхъ выпусковъ были переводимы въ Свиту одинъ или двое изъ числа корпусныхъ офицеровъ, которые по большей части оставались и послѣ того при корпусѣ, а иногда были назначаемы прямо на государственныя съемки.

Наконецъ, въ 1825 году сдѣланъ былъ опытъ прямаго выпуска въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части изъ другихъ кадетскихъ корпусовъ, причемъ 13 воспитанниковъ удостоились этой чести; но опытъ этотъ и ограничился лишь однимъ 1825 годомъ, такъ какъ въ слѣдующемъ же году положено было не принимать въ генеральный штабъ чиновъ ниже поручика.

Всѣ эти мѣры, принятыя для комплектованія квартирмейстерскаго вѣдомства, повидимому, казались все еще недостаточными для доведенія этого корпуса офицеровъ до такой численности, при которой можно было бы дать надлежащее развитіе государственнымъ съемкамъ, не ослабляя собственно занятій офицеровъ при войскахъ. Отсюда замѣтное усиленіе послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ переводовъ въ Свиту изъ постороннихъ вѣдомствъ и преимущественно изъ корпуса военныхъ инженеровъ и инженеровъ путей сообщенія, гдѣ скорѣе всего можно было найти лицъ, уже подготовленныхъ къ съемкамъ. Такъ, въ одномъ 1816 году переведено въ Свиту по квартирмейстерской части пять поручиковъ корпуса инженеровъ путей сообщенія и пять офицеровъ инженернаго вѣдомства, причемъ всѣ они были прямо зачислены въ 3-е отдѣленіе военно-топографическаго депо. Этимъ путемъ постепенно подготовлялся личный составъ для исполненія будущихъ топографическихъ и картографическихъ работъ. Независимо отъ того, были поощряемы переводы въ Свиту и изъ строевыхъ частей, и таковыхъ ежегодно бывало довольно много; наконецъ, сталъ устанавливаться обычай зачисленія въ Свиту по квартирмейстерской части лицъ, состоящихъ въ должностяхъ начальниковъ штабовъ, или же имѣющихся въ виду для таковыхъ зачисленій. Такъ, съ 1816 по 1825 годъ, были зачислены въ Свиту: полковникъ Вельяминовъ 3-й, при назначеніи его начальникомъ штаба отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, полковникъ князь Горчаковъ (*), назначенный вскорѣ послѣ зачисленія начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ Киселевъ, занимавшій мѣсто начальника штаба 2-й арміи, и начальники штабовъ: 6-го корпуса—флигель-адъютантъ полковникъ Давы-

(*) Князь Михаилъ Дмитріевичъ, бывшій въ Восточную войну главнокомандующимъ въ Крыму.

довъ, 1-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-маіоръ Кайсаровъ и 2-го пѣхотнаго корпуса, полковникъ Обручевъ 2-й (Владиміръ Афонасьевичъ).

Въ видахъ же облегченія, по возможности, строевымъ офицерамъ доступа въ Свиту по квартирмейстерской части, по предложенію начальника штаба 1-й арміи, барона Дибича, открыто 5-го марта 1820 года, съ Высочайшаго разрѣшенія при штабѣ этой арміи, въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, двухкласное офицерское училище (*).

Заведеніе это было подчинено квартирмейстерской части, состоя въ прямомъ вѣдѣніи главнаго начальника всѣхъ школъ 1-й арміи, Свиты Его Величества по квартирмейстерской части генералъ-маіора Краца; непосредственнымъ начальникомъ ея былъ директоръ, совмѣщавшій въ себѣ и должность инспектора; мѣсто это было занято квартирмейстерской части полковникомъ барономъ Притвицомъ. Преподаваніемъ также завѣдывали квартирмейстерскіе офицеры, но были приглашаемы и изъ другихъ вѣдомствъ, преимущественно изъ артиллеріи. Хотя преподаватели эти и получали за свои труды въ школѣ сперва лишнюю треть, а потомъ и двойное жалованіе, но такъ какъ охотниковъ на эти должности, по господствовавшему въ то время въ генеральномъ штабѣ духу, было немного, то и пришлось установить, чтобы никто не имѣлъ права отказываться отъ преподаванія ранѣе двухъ лѣтъ.

Пріемъ въ школу производился по особому экзамену изъ числа офицеровъ, выпускаемыхъ изъ кадетскихъ корпусовъ, но впослѣдствіи стали принимать и другихъ, преимущественно изъ артиллеріи и изъ числа кончившихъ курсъ въ Кіевской и Могилевской же школахъ артиллерійскихъ подпрапорщиковъ. Ежегодно принимаемо было не болѣе 30 офицеровъ. Полный курсъ состоялъ изъ двухъ класовъ: низшаго, предназначаемаго собственно для усовершенствованія военнаго образованія строевыхъ офицеровъ и высшаго, который предназначался спеціально для перевода кончившихъ оный въ квартирмейстерскую часть. Кончившіе курсъ только низшаго класа были возвращаемы обратно въ полки и имѣлись въ виду для привлеченія ихъ на службу по квартирмейстерской части въ военное время. Изъ старшаго же класа лучшіе по успѣхамъ сперва прикомандировывались для испытанія къ Свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части, а затѣмъ переводились въ оную; болѣе же слабые возвращались въ полки. Во время нахожденія въ школѣ, всѣ офицеры получали

(*) Высочайше утвержденное положеніе объ офицерской школѣ при штабѣ 1-й арміи. Полное собраніе законовъ 1820 года, № 28,181.

по 200 руб. добавочнаго жалованія и имѣли помѣщеніе въ самомъ зданіи школы.

Въ занятіяхъ младшаго класа на первомъ планѣ стояли строевыя ученія, а именно: изученіе строевой службы пѣхоты и кавалеріи, при имѣющихся въ штабѣ арміи учебныхъ баталіонѣ и эскадронѣ, а также обученіе нижнихъ чиновъ и ознакомленіе съ ихъ потребностями; въ виду послѣдняго, каждому офицеру назначалась небольшая команда молодыхъ солдатъ. На всѣ эти строевыя занятія ежедневно было посвящаемо не менѣе трехъ часовъ времени. Затѣмъ собственно преподаваніе заключалось: въ сочиненіи дѣловыхъ бумагъ, изученіи алгебры до уравненій 2-й степени, геометріи и тригонометріи, черченіи плановъ, географіи, исторіи, малой тактики и примѣненіи ея, основаніи фортификаціи и артилеріи, инструментальной и глазомѣрной съемки, русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, верховой ѣзды и фехтованія.

Въ верхнемъ же класѣ преподавались: алгебра до 3-й степени и логариомы, сочиненіе диспозицій и реляцій, производство военныхъ обозрѣній, примѣненіе малой тактики, основанія высшей тактики и стратегіи, кастраметація съ примѣненіемъ къ мѣстности, съемки и черченіе плановъ, примѣненіе форпостной службы къ мѣстности, географія общая и военная, исторія общая и военная, языки французскій и нѣмецкій, фехтованіе и верховая ѣзда.

Сверхъ того, для желающихъ были особо преподаваемы ново-греческій языкъ и языки восточные, артилерія, полевая и долговременная фортификація.

Самое обиліе названныхъ предметовъ, проходившихся въ обоихъ класахъ, показываетъ, что преподаваніе ихъ не могло быть особенно обстоятельно и подробно. Этого, впрочемъ, и не имѣлось въ виду; по общему взгляду того времени, каждая школа не столько должна была снабжать обильнымъ запасомъ разнородныхъ свѣдѣній, какъ преимущественно пріучать только къ занятіямъ и къ труду, указывать такъ сказать тѣ рамки, въ которыхъ можно продолжать свое самообразованіе, пріобрѣтая дѣйствительныя познанія.

Могилевское училище пользовалось особымъ покровительствомъ Дибича и Толя, но существованіе его было не продолжительно: уже въ 1828 году, вслѣдствіе движенія нашихъ войскъ въ Турцію, занятія въ немъ значительно были ослаблены, а въ 1830 году, когда вслѣдствіе польскаго возстанія, наиболѣе значительная часть 1-й арміи была направлена къ западнымъ границамъ, оно окончательно закрыто. Въ теченіе десятилѣтняго своего существованія оно дало

квартирмейстерской части около 50 офицеровъ (*), между которыми не было лицъ, отличавшихся особенною ученостію, но тѣмъ не менѣе встрѣчается нѣсколько именъ, пріобрѣвшихъ своей службой извѣстность въ нашей арміи. Офицеры эти особенно оказались полезными и выступили на первый планъ послѣ 1825 года, когда квартирмейстерская часть лишилась очень многихъ чиновъ, принадлежавшихъ къ числу учениковъ Муравьева, и не имѣла никакого постояннаго источника для своего комплектованія.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, квартирмейстерская часть получила въ десятилѣтіе съ 1816 по 1825 годъ на свое комплектованіе всего 325 человѣкъ офицерскихъ чиновъ (**), изъ числа которыхъ наибольшая часть (230) начинала службу въ этомъ вѣдомствѣ съ перваго офицерскаго чина, а меньшинство (95 человѣкъ) служило уже до того въ другихъ вѣдомствахъ. Но и въ числѣ послѣднихъ высшіе чины составляли менѣе четвертой части, а три четверти приходилось на чины оберъ-офицерскіе.

Наиболѣе надежнымъ источникомъ комплектованія за это десятилѣтіе оказалось училище колоновожатыхъ, которое дало болѣе половины всѣхъ поступившихъ оберъ-офицеровъ.

Иностранцы вовсе уже не принимаются въ квартирмейстерское вѣдомство, которое, наконецъ, перестало въ нихъ нуждаться; вмѣстѣ съ тѣмъ, переводъ въ оное высшихъ чиновъ становится какъ бы почетною наградою, которой удостоиваются лица, занимающія должности начальниковъ штабовъ армій и корпусовъ, или же равныя имъ; такъ, переведены: генералъ-маіоры: Киселевъ, Кайсаровъ, князь Меньшиковъ, Бутурлинъ (Дмитрій Петровичъ), полковники: Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ 3-й, Давыдовъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ и другіе. Все это неизбѣжно должно было оказывать самое благотворное вліяніе на квартирмейстерское вѣдомство. Успѣхъ комплектованія этого вѣдомства предохранилъ оное отъ разстройства, какое ему грозило послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ. Убыль во время этихъ войнъ, усиленіе выхода въ отставку съ заключеніемъ мира, неимѣніе постояннаго источника комплектованія, довели было квартирмейстерскую часть до того, что, имѣвъ въ своихъ спискахъ къ 1-му

(*) Такъ какъ время нахожденія офицеровъ въ Могилевской школѣ не заносилось въ послужные списки, а дѣла штаба бывшей 1-й арміи разбросаны по разнымъ архивамъ, то крайне затруднительно опредѣлить точно число офицеровъ, прошедшихъ черезъ Могилевскую школу.

(**) Въ томъ числѣ: 4 генерала, 20 штабъ и 301 оберъ-офицеровъ; цифры эти основаны на спискѣ чиновъ квартирмейстерскаго вѣдомства по порядку зачисленія въ оное; самый списокъ будетъ приложенъ къ «Исторіи русскаго генеральнаго штаба»

января 1814 года 217 чиновъ, она къ началу 1817 года считала едва 180 человѣкъ.

Къ тому же въ ней измѣнилось было, хотя и незначительно, и прежнее отношеніе между разными чинами. Такъ, къ обоимъ означеннымъ срокамъ разные чины составляли слѣдующій процентъ въ составѣ квартирмейстерской части:

	Генералы.	Штабъ-офиц.	Оберъ-офиц.
Къ 1-му января 1814 г. . . .	5,5	27,3	67,2
Къ 1-му января 1817 г. . . .	11,7	27,8	60,5

Слѣдовательно, при общей убыли чиновъ число высшихъ званій увеличилось на счетъ оберъ-офицерскихъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, не могло считаться вполнѣ раціональнымъ. Служба по квартирмейстерской части въ понятіяхъ начала нынѣшняго столѣтія считалась чрезвычайно трудною и требующею подвижности, полной энергіи, молодости, здоровья и силы; это была служба по преимуществу черно-рабочая, такъ какъ она должна была подготовлять все то, чего высшее военное начальство не имѣло возможности, или не могло исполнять по своимъ лѣтамъ и сану. Къ тому же князь Волконскій въ это время задумалъ уже и готовъ былъ приводить въ исполненіе тѣ громадныя работы по государственнымъ съемкамъ, которыя дѣйствительно были исполнены въ его управленіе квартирмейстерскою частію и при его преемникахъ. Какъ для этихъ работъ, такъ и для того, чтобы въ мирное время подготовить на случай войны молодой, полный энергіи генеральный штабъ, ему нужно было усилить въ немъ общую численность чиновъ, но преимущественно чиновъ оберъ-офицерскихъ, составлявшихъ дѣйствительную рабочую силу. Въ надежныхъ руководителяхъ для этой силы онъ не могъ имѣть недостатка, они были подготовлены предшествововшими войнами.

Результаты, достигнутые княземъ Волконскимъ по этой части, были вполнѣ успѣшны: численность чиновъ ввѣреннаго ему вѣдомства стала быстро возрастать, такъ что общее число этихъ чиновъ возрасло къ 1-му января 1822 года до 266 человѣкъ, а къ началу 1826 года до 317, не считая въ томъ числѣ чиновъ особаго корпуса топографовъ, учрежденнаго въ 1822 году. Къ тому же, соразмѣрность разныхъ чиновъ въ этомъ вѣдомствѣ является еще болѣе выгодною, чѣмъ была даже въ 1814 году. Такъ, на разные чины приходились слѣдующія процентныя отношенія:

	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.
Къ 1-му января 1822 года	10,9	19,5	69,6
Къ 1-му января 1826 года	10,4	18,3	71,3

Столь благопріятнаго для своей службы состава наша квартирмейстерская часть не достигала ни до этого времени, ни послѣ того. Не стѣсняемое никакими штатами, вѣдомство это было вполнѣ открыто для энергической и самолюбивой молодежи, которая, сознавая свои рвавшіяся къ проявленію силы, искала только случая, гдѣ бы ихъ употребить съ пользою въ дѣло, которое бы послужило ей къ повышенію. Этимъ-то рвеніемъ молодыхъ силъ и умѣлъ пользоваться князь Волконскій и ближайшіе его сотрудники по квартирмейстерской части, возлагая на квартирмейстерскихъ офицеровъ самыя разнообразныя и многочисленныя работы. Благодаря же тогдашней организаціи управленія квартирмейстерскою частію, каждый исполнитель зналъ, что какъ бы ничтожна ни была порученная ему работа, она все-таки не пройдетъ незамѣченною, и будетъ надлежащимъ образомъ оцѣнена. Оцѣнку эту дѣлали въ первой инстанціи корпусные оберъ-квартирмейстеры, а затѣмъ генералъ-квартирмейстеры армій; какъ тѣ, такъ и другіе могли быть вполнѣ компетентными судьями, такъ какъ сами по большей части въ свое время проходили по степенямъ всѣ градаціи службы генеральнаго штаба. Всѣ они горячо были преданы своему вѣдомству, дорожили честью мундира и, ничѣмъ не стѣсняясь, дѣлали строгую, но справедливую атестацію своимъ подчиненнымъ. По этой атестаціи князь Волконскій знакомился съ офицерами, составлялъ себѣ понятіе объ ихъ служебныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, и она служила ему основаніемъ для повышенія ихъ и поощренія наградами. Для производства въ чины не было еще никакихъ прочно установленныхъ правилъ; все казалось зависящимъ отъ произвола, котораго, однако, въ дѣйствительности не было, и на который совершенно не встрѣчается жалобъ. Просматривая списки убылыхъ изъ квартирмейстерской части за десятилѣтіе, съ 1815 по 1825 годъ, особенно поражаетъ большое число выбывающихъ постоянно изъ нея колоновожатыхъ, прапорщиковъ и подпоручиковъ, которые, по преимуществу, переводятся въ войска; это все лица, которыя признаны почему либо не подходящими къ квартирмейстерской службѣ; но если кто достигъ въ ней до поручичьяго чина, тотъ уже могъ считать себя какъ бы закрѣпленнымъ въ ней, и могъ разсчитывать смѣло, что въ восемь или десять лѣтъ службы будетъ капитаномъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Если же такому офицеру удавалось обратить на себя особое вниманіе своими работами, службою или способностями, то его перечисляли тѣмъ же чиномъ въ гвардейскій генеральный штабъ, въ которомъ онъ, года черезъ два, три, много пять, получалъ прямо чинъ полковника на десятомъ, двѣ-

надцатомъ или пятнадцатомъ году службы. Изъ этихъ-то особо отличенныхъ офицеровъ и назначались, по преимуществу, начальники корпусныхъ штабовъ и вообще на разныя высшія должности. Менѣе же счастливые, оставаясь въ Свитѣ по квартирмейстерской части, достигали чина полковника на двадцатомъ, иногда двадцать пятомъ году службы; ихъ, такъ сказать, выдерживали на штабъ-офицерскихъ чинахъ, въ должности оберъ-квартирмейстеровъ, которая была хорошо обставлена матеріально, и считалась почетною; изъ ихъ числа весьма немногіе получали полки, а чаще производились въ генералы, съ назначеніемъ комендантами или командирами бригадъ (*).

Такимъ образомъ, для офицеровъ квартирмейстерской части особенно важны были два періода ихъ служебнаго поприща: начало его и затѣмъ нахожденіе въ чинѣ капитана; первый періодъ они проводили обыкновенно на училищной скамьѣ (колоновожатыми) или при штабахъ армій и корпусовъ, исполняя разныя порученія прямо на глазахъ генералъ и оберъ-квартирмейстеровъ; во второмъ же, они пользовались уже нѣкоторою служебною самостоятельностію, занимая должности старшихъ адъютантовъ и дивизіонныхъ квартирмейстеровъ; здѣсь надо было какое нибудь особенное отличіе, чтобы выдѣлиться изъ массы и удостоиться чести быть переведеннымъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Попавшій въ послѣдній, могъ считать свою карьеру обезпеченною тѣмъ, что, съ производствомъ въ полковники, получалъ мѣсто оберъ-квартирмейстера, а затѣмъ и начальника корпуснаго штаба, откуда даже, въ чинѣ генерала, можно было быть назначеннымъ въ начальники дивизіи. Не разсчитывавшіе же на переводъ въ гвардейскій генеральный штабъ, или посвящали себя съемкамъ, вовсе уже отказываясь отъ высшихъ назначеній при войскахъ, или же переходили въ строй, или, наконецъ, оставляли службу, разсчитывая, что она имъ ничего не дастъ въ мирное время.

Такимъ образомъ, получалось, что собственно въ штабъ-офицерскихъ чинахъ не было большаго застоя; къ тому же, при неимѣніи штата для квартирмейстерской части, можно было, при постоянномъ общемъ увеличеніи числа всѣхъ чиновъ, увеличивать и число штабъ-

(*) За время съ 1816 — 1825 г. изъ квартирмейстерскаго вѣдомства получили полки четверо полковниковъ: Верховскій, Н. П. Муравьевъ 4-й, Бурцовъ и Гасфортъ; одинъ генералъ-лейтенантъ, Довре, назначенъ командиромъ Литовскаго корпуса, двое генералъ-маіоровъ, Теслевъ и Нейдгартъ 1-й (Павелъ Ивановичъ) получили дивизіи, одинъ генералъ-маіоръ, Дренякинъ—бригаду и 7 генералъ-маіоровъ заняли мѣста комендантовъ, а именно: Тройфъ въ Акерманѣ, Гекель въ Одессѣ, Бергъ (Бурхгардъ Максимовичъ) въ Выборгѣ, Фрейгангъ въ кр. Св. Дмитрія, Штегманъ въ Кинбурнѣ, а потомъ въ Орской крѣпости, Эйхенъ 1-й—въ Петергофѣ, Эйхенъ 2-й—въ Ораніенбаумѣ.

офицеровъ, для которыхъ все еще находились должности, такъ какъ почти до самаго конца царствованія Императора Александра I, встрѣчаемъ оберъ-офицерскіе чины не только на должностяхъ старшихъ адъютантовъ въ штабахъ корпусовъ, но и на мѣстахъ дивизіонныхъ, а даже иногда и оберъ-квартирмейстеровъ.

Взглянемъ теперь на самое распредѣленіе офицеровъ квартирмейстерской части на службѣ и на ту дѣятельность ихъ, которою былъ ознаменованъ описываемый нами періодъ. Для лучшаго выясненія онаго, припомнимъ организацію нашихъ сухопутныхъ военныхъ силъ, установленную послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ.

Къ 1-му января 1818 года сухопутныя силы Имперіи состояли изъ двухъ армій, изъ которыхъ 1-я, имѣвшая штабъ-квартиру въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ, состояла изъ шести пѣхотныхъ корпусовъ, а 2-я, съ главной квартирой въ Тульчинѣ, изъ двухъ пѣхотныхъ. Корпуса, входившіе въ составъ армій, имѣли по три пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи, кромѣ Гренадерскаго и 5-го корпуса, при которыхъ не было кавалеріи. Внѣ этихъ армій находились: пять резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ въ двѣ дивизіи каждый и шесть отдѣльныхъ корпусовъ: Гвардейскій, Литовскій, Грузинскій, каждый въ двѣ дивизіи, Финляндскій, Оренбургскій, Сибирскій, имѣвшіе по одной дивизіи. Сверхъ того, на правахъ отдѣльныхъ корпусовъ были: корпусъ графа Воронцова во Франціи, въ составѣ двухъ пѣхотныхъ и одной сводной драгунской дивизій и корпусъ внутренней стражи. Такимъ образомъ, всего было штабовъ: два главные штаба арміи, къ числу которыхъ слѣдуетъ причислить также и главный штабъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Павловича въ Варшавѣ, 21 корпусный штабъ, 35 пѣхотныхъ дивизіонныхъ и 16 кавалерійскихъ. Организація штабовъ была почти одинакова, съ небольшими лишь исключеніями, между которыми важнѣйшимъ было неимѣніе должности начальника штаба въ кавалерійскихъ корпусахъ.

Мѣста начальниковъ штабовъ, по преимуществу, занимали генералы и полковники квартирмейстерской части; такъ, начальникомъ штаба 1-й арміи былъ баронъ Дибичъ, Гренадерскаго корпуса Нейдгартъ 1-й, 1-го корпуса Теслевъ 2-й, 2-го — Бергъ 2-й (Бурхгардъ Максимовичъ), 3-го — полковникъ Гатовскій, 5-го — генералъ-маіоръ Нейдгартъ 2-й, 7-го — полковникъ Богдановичъ, Грузинскаго — генералъ-маіоръ Вельяминовъ 3-й, Сибирскаго — генералъ-маіоръ баронъ Клотъ-фонъ-Юргенсбургъ, внутренней стражи — генералъ-маіоръ Мухинъ; наконецъ, при корпусѣ графа Воронцова былъ генералъ-маіоръ

Понсетъ, а при главномъ штабѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Павловича—генералъ-лейтенантъ Курута.

Мѣста оберъ-квартирмейстеровъ были заняты штабъ-офицерами квартирмейстерской части, а иногда и капитанами; мѣста же старшихъ адъютантовъ и дивизіонныхъ квартирмейстеровъ—оберъ-офицерами. Впрочемъ, послѣдніе рѣдко были оставляемы при дивизіяхъ, а преимущественно находились въ сборѣ при штабахъ корпусовъ и армій, откуда получали уже разныя командировки и назначенія. Наибольшее число офицеровъ было при штабѣ 1-й арміи, гдѣ, напримѣръ, къ 1-му января 1818 года состояло 41 офицеръ; но число это, конечно, не было постоянно, и иногда уменьшалось до такой степени, что возбуждало жалобы генералъ-квартирмейстера этой арміи, Гартинга. Затѣмъ, при корпусныхъ штабахъ обыкновенно бывало не болѣе четырехъ или пяти офицеровъ, за исключеніемъ корпуса графа Воронцова, гдѣ состояло двѣнадцать, Гвардейскаго и Грузинскаго, при которыхъ бывало не менѣе восьми офицеровъ. Собственно, при главномъ штабѣ Цесаревича въ Варшавѣ состоялъ только одинъ офицеръ русской квартирмейстерской части (капитанъ Данненбергъ 3-й), а то имѣлся особый корпусъ польскаго генеральнаго штаба.

Наконецъ, остальные офицеры квартирмейстерской части были распредѣлены: при главномъ штабѣ Его Величества, при Московскомъ учебномъ заведеніи, на съемкахъ и въ разныхъ откомандировкахъ, между которыми наиболѣе значительны были въ вѣдѣніи графа Аракчеева, для устройства военныхъ поселеній, и по дипломатической части. Въ главномъ штабѣ Его Величества, князь Волконскій былъ окруженъ квартирмейстерскими офицерами: канцеляріею начальника главнаго штаба управлялъ генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ, да сверхъ того постоянно здѣсь имѣлось нѣсколько офицеровъ для сопровожденія князя Волконскаго въ вояжахъ Государя Императора (генералъ-маіоръ Гекель, флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій, подполковникъ Щербининъ, прапорщики графъ Толстой и Вилламовъ). О составѣ собственно канцеляріи генералъ-квартирмейстера и главноуправлявшаго квартирмейстерскою частію, а равно объ офицерахъ, бывшихъ при Московскомъ учебномъ заведеніи, мы уже говорили, о находившихся на съемкахъ подробно скажемъ въ слѣдующей главѣ, теперь же обратимъ вниманіе еще на многихъ высшихъ чиновъ квартирмейстерской части, состоявшихъ по дипломатической части за границею.

Такъ, къ 1818 году находились: генералъ-адъютантъ баронъ Сухтеленъ 1-й, при шведскомъ дворѣ въ Стокгольмѣ, генералъ-лейте-

нантъ Довре въ Берлинѣ, генералъ-маіоръ баронъ Тейль-фонъ-Сераскеркенъ посланникомъ въ Бразиліи, генералъ-маіоръ Брозинъ 2-й въ Парижѣ, при генералѣ Велингтонѣ. Всѣ эти назначенія имѣютъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что ими сдѣланъ былъ опытъ привлеченія чиновъ квартирмейстерской части къ дипломатическимъ занятіямъ, чему князь Волконскій желалъ придать возможно большее развитіе и, что пока привело, какъ увидимъ ниже, къ назначеніямъ этихъ чиновъ въ военныя миссіи на Востокъ, а также къ посылкѣ квартирмейстерскихъ офицеровъ на должности военныхъ агентовъ при посольствахъ.

Обиліе и разнообразіе мѣстъ, занимаемыхъ чинами квартирмейстерской части, свидѣтельствуетъ и о разнообразіи той дѣятельности, которая ихъ занимала и которая оставила по себѣ весьма обильные слѣды. Дѣятельность эта можетъ быть разбита на три наиболѣе крупные вида: занятія при войскахъ, по съемкамъ и астрономическимъ работамъ, наконецъ, по военно-учебной части.

Служба при войскахъ, въ видахъ доставленія имъ возможно лучшаго размѣщенія по квартирамъ, должна была, по указаніямъ князя Волконскаго, составлять первѣйшую обязанность квартирмейстерскихъ офицеровъ (*). На послѣднихъ возлагалось, чтобы каждый полкъ при квартирномъ расположеніи имѣлъ мѣсто удобное для ученій, чтобы мѣста, назначаемыя для кавалеріи и артилеріи, имѣли изобильный фуражъ, конюшни, сараи, манежи и другія необходимыя для нихъ строенія; на нихъ же лежала обязанность избирать лагери и мѣста для сборовъ, вблизи которыхъ были бы достаточныя пространства нетолько для ученій, но, по возможности, и для производства маневровъ. Всѣмъ таковымъ мѣстамъ офицеры квартирмейстерской части должны были заблаговременно составлять планы, снятые инструментально. А въ сборахъ всякаго рода въ тѣ времена недостатка не было.

До 1822 года, въ нашихъ войскахъ допускались только полковые сборы, не считая тѣхъ большихъ, которые производились для Высочайшихъ смотровъ. Но даже и въ это время войска бывали въ постоянныхъ передвиженіяхъ въ своихъ полковыхъ раіонахъ. По положенію для учебныхъ занятій пѣхоты 1819 года, ежемѣсячно въ полковой штабъ приходили для карауловъ роты, по одной отъ каждаго баталіона, и изъ нихъ составлялись учебные баталіоны, которые, между прочимъ, были занимаемы аванпостною службою и малыми ма-

(*) «О должности квартирмейстерскихъ офицеровъ, находящихся при корпусахъ и дивизіяхъ въ мирное время.»

*

неврами. Съ 1822 года установлены были шестидневные дивизіонные сборы съ присоединеніемъ къ пѣхотнымъ дивизіямъ артиллеріи и, по возможности, кавалеріи, а съ 1824 года введены и корпусные сборы, на сроки отъ двухъ до шести недѣль. Во всѣхъ этихъ сборахъ производились и двухсторонніе маневры, журналы которыхъ, по разсмотрѣніи ихъ въ штабахъ армій, представлялись въ главный штабъ Его Императорскаго Величества, а замѣченныя при производствѣ маневровъ тактическія ошибки обыкновенно объявлялись въ приказахъ главнокомандующихъ. Въ сборахъ не участвовали только тѣ части войскъ, которыя были назначаемы на государственныя работы по крѣпостямъ, на шоссе и каналахъ.

Во всѣхъ таковыхъ сборахъ и занятіяхъ войскъ, квартирмейстерскіе офицеры принимали, по своей обязанности, весьма дѣятельное участіе, а если принять во вниманіе, что передвиженія войскъ по поводу сборовъ, были громадны, такъ что войска выступали на сборы иногда въ мартѣ мѣсяцѣ, а возвращались по квартирамъ не ранѣе октября, то и понятно будетъ, что для квартирмейстерскихъ офицеровъ при всѣхъ этихъ занятіяхъ было очень много работы, благодаря которой они входили въ ближайшія соотношенія съ войсками, дававшія имъ полную возможность практиковаться въ своихъ обязанностяхъ и узнавать войска (*).

Собственно же для ознакомленія квартирмейстерскихъ офицеровъ съ строевою службою и со всѣми дѣлающимися въ ней перемѣнами, офицеровъ этихъ всегда собирали въ корпусные штабы и въ штабы армій, когда при первыхъ формировались учебные баталіоны и эскадроны, а при вторыхъ даже цѣлые учебные полки и дивизіи. Всѣ этого рода учебныя части выставлялись въ кадровомъ составѣ и квартирмейстерскіе офицеры не только были зрителями ихъ обученія, но нерѣдко принимали и прямое участіе въ ихъ занятіяхъ, командуя строевыми частями (**).

При всякомъ вообще сборѣ, на обязанность корпусныхъ оберъ-квартирмейстеровъ возлагалось наставлять состоящихъ при нихъ молодыхъ офицеровъ «въ разстановкѣ аванпостовъ и въ ихъ службѣ, въ узнаваніи непріятеля и вообще въ пріобрѣтеніи навыка сообра-

(*) Архивъ канцеляріи военнаго министерства, дѣло 1826 года № 8. Донесеніе начальника штаба 1-й арміи къ начальнику главнаго штаба отъ 11-го іюня 1826 года.

(**) Послужной списокъ квартирмейстерской части полковника Гасфорта (Густавъ Христіановичъ, бывшій впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Западной Сибири), изъ котораго видно, что за отличное командованіе полкомъ въ составѣ учебной дивизіи, собранной при штабѣ 1-й арміи въ 1821 году, ему пожалованъ брильянтовый перстень.

жаться съ выгодами мѣстоположенія, особливо при атакѣ и оборонѣ полевыхъ укрѣпленій (*)». Онъ же обязанъ былъ пріучать этихъ офицеровъ къ избранію позицій, къ оцѣнкѣ ихъ удобствъ и невыгодъ, къ составленію предположеній объ ихъ укрѣпленіи и оборонѣ, къ составленію проектовъ разныхъ маневровъ, маршей и т. под. О всѣхъ таковыхъ занятіяхъ оберъ-квартирмейстеры обязаны были доносить генералъ-квартирмейстерамъ черезъ каждые шесть мѣсяцевъ, съ представленіемъ всѣхъ исполненныхъ при этомъ плановъ (**)

Нельзя не обратить вниманія также на мѣру участія квартирмейстерскихъ офицеровъ того времени, въ дѣлѣ военнаго образованія строевыхъ офицеровъ. Въ ихъ вѣдѣніи находились тогдашнія войсковыя школы, учрежденныя въ двадцатыхъ годахъ, при нѣкоторыхъ корпусахъ и при штабахъ обѣихъ армій, съ цѣлію распространенія общаго и военнаго образованія между вольноопредѣляющимися, поступающими въ ряды арміи. Школы эти, служившія прототипомъ нынѣшнихъ юнкерскихъ училищъ, не смотря на свое кратковременное существованіе, имѣли громадное значеніе для нашихъ войскъ и наиболѣе обязаны своими успѣхами тогдашнимъ квартирмейстерскимъ и артилерійскимъ офицерамъ, которые занимались въ нихъ преподаваніемъ. Независимо отъ того, на обязанности корпусныхъ оберъ-квартирмейстеровъ лежало обученіе строевыхъ офицеровъ правиламъ примѣненія аванпостовъ къ мѣстности, производству разнаго рода рекогносцировокъ и черченію плановъ, что было установлено въ тѣхъ видахъ, чтобы образовать въ каждомъ полку, по крайней мѣрѣ, по одному офицеру, котораго бы можно было въ военное время употреблять по квартирмейстерской части, въ случаѣ недостатка офицеровъ этого вѣдомства.

Польза этой мѣры особенно выказалась послѣ 1826 года, когда при недостаткѣ офицеровъ генеральнаго штаба и при неимѣніи постоянныхъ источниковъ къ ихъ комплектованію, пришлось пополнять ихъ составъ во время Персидской, Турецкой и Польской войнъ, прямо изъ числа строевыхъ офицеровъ.

Наконецъ, въ видахъ содѣйствія распространенію военнаго образованія между строевыми офицерами, квартирмейстерская часть временъ Александра I издавала разнаго рода руководства. Такъ, въ 1819 году издана была при управленіи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества «Памятная книжка для военныхъ людей», заключавшая въ себѣ очень много дѣльныхъ указаній по

(*) «О должности офицеровъ квартирмейстерской части» и т. д.

(**) Тамъ же.

строевой службѣ, и въ томъ же году, при штабѣ 1-й арміи, составлена и напечатана книга: «Замѣчанія для пріуготовленія молодыхъ офицеровъ къ военнымъ дѣйствіямъ», которая долгое время пользовалась у насъ весьма справедливо заслуженною извѣстностью.

Все это показываетъ, что офицеры квартирмейстерской части временъ Александра I, не смотря на кажущуюся односторонность своего математически-топографическаго образованія, тѣмъ не менѣе не были вовсе чужды строевой и даже хозяйственной части войскъ. Для большаго подтвержденія этого считаемъ не безъинтереснымъ привести отзывы о генеральномъ штабѣ, высказанные хотя и въ болѣе позднюю эпоху, но людьми, которые, по своему воспитанію и складу мыслей, образовались именно въ описываемое нами время. «Дѣло офицера генеральнаго штаба», говорилъ генералъ-маіоръ Вальховскій въ бытность свою начальникомъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса (*), «заботиться обо всемъ, знать все, что касается до состава войскъ и до снабженія ихъ припасами всякаго рода; для этого ему открыта канцелярія и предоставлено право распрашивать проводниковъ и получать свѣдѣнія отъ начальниковъ частей (**)».

Другой отзывъ былъ высказанъ княземъ М. Д. Горчаковымъ, который хотя и началъ службу въ артилеріи, но еще въ Отечественную войну былъ употребляемъ по квартирмейстерской части, а въ 1817 году въ чинѣ полковника и переведенъ въ оную.

Будучи въ 1853 году командующимъ войсками 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ, князь однажды спросилъ молодаго офицера генеральнаго штаба, гдѣ и въ какомъ числѣ находятся команды хлѣбопековъ такой-то дивизіи; такъ какъ предметъ этотъ не входилъ въ кругъ штабныхъ занятій спрашиваемаго, то послѣдній отозвался незнаніемъ, за что и пришлось ему выслушать рѣзкое замѣчаніе князя, который прибавилъ къ этому, что каждый офицеръ генеральнаго штаба, состоящій при арміи, долженъ знать до мелочей все къ ней относящееся (***). Таковы были взгляды служакъ квартирмейстерской части первой четверти нынѣшняго столѣтія.

(*) Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій выпущенъ въ 1817 году изъ Царскосельскаго лицея прямо въ гвардейскій генеральный штабъ, считался отличнѣйшимъ офицеромъ, былъ употребляемъ для разныхъ командировокъ въ Среднюю Азію, и во время А. П. Ермолова на Кавказѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ начальникомъ штаба во время командованія отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ Паскевича и Розена.

(**) «Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи». Т.; въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1869 года.

(***) Изъ воспоминаній автора о Дунайской кампаніи 1853—1854 годовъ.

V.

(1815—1825).

Участіе офицеровъ квартирмейстерской части въ астрономическихъ, геодезическихъ и топографическихъ работахъ. К. И. Теннеръ; Ф. Ф. Шубертъ.— Главныя работы, исполненныя въ этотъ періодъ.—Топографическія и картографическія работы, исполненныя при штабахъ.—Учрежденіе корпуса топографовъ.—Ученые труды чиновъ квартирмейстерской части; дѣятельность ихъ на азіятскихъ окраинахъ Россіи и въ Средней Азіи.—Замѣна князя Волконскаго барономъ Дибичемъ.—Генералъ-квартирмейстеры главнаго штаба Его Величества: Гартингъ и Адеркасъ.—Участіе офицеровъ квартирмейстерской части въ тайныхъ обществахъ.

Общій европейскій миръ, установившійся послѣ низложенія Наполеона I и обѣщавшій продолжительное спокойствіе, далъ возможность приступить, наконецъ, у насъ къ обширнымъ геодезическо-топографическимъ работамъ, въ которыхъ Россія нуждалась и починъ которымъ былъ сдѣланъ еще Сухтеленомъ. Но починъ этотъ, вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ начала нынѣшняго столѣтія, далъ слишкомъ слабые результаты, а между тѣмъ въ хорошихъ военныхъ картахъ все болѣе и болѣе чувствовался недостатокъ, сознавалась необходимость пріобрѣсть ихъ. И вотъ едва успѣли вернуться войска изъ за-границы, какъ принимаются энергическія мѣры къ удовлетворенію этой насущной потребности, принимаются онѣ, притомъ, въ двухъ разныхъ направленіяхъ, сверху для удовлетворенія потребностей государственныхъ и непосредственно при войскахъ для обезпеченія ихъ надобностей; исполнителемъ же, работникомъ этого дѣла является все таки квартирмейстерское вѣдомство. Съ одной стороны, князь Волконскій предпринимаетъ обширное дѣло государственныхъ съемокъ, которыя бы производились самымъ точнымъ и научнымъ способомъ и для этого употребляетъ чиновъ квартирмейстерскихъ, какъ наиболѣе къ тому подготовленныхъ по своимъ математическимъ познаніямъ; въ тоже самое время, штабы армій и отдѣльныхъ корпусовъ усиленно заботятся о томъ, чтобы для своихъ насущныхъ потребностей имѣть возможно болѣе удовлетворительныя карты и обращаютъ квартирмейстерскихъ чиновъ на производство всякаго рода рекогносцировокъ и военно-топографическихъ съемокъ, для повѣрки и исправленія имѣющихся картъ, составленія

новыхъ дислокаціонныхъ и маршрутныхъ, для съемки плановъ мѣстъ сборовъ и маневровъ. Эта-то двойственность участія въ съемкахъ чиновъ квартирмейстерской части временъ Александра I и составляетъ отличительную черту этой эпохи. Въ работахъ втораго рода, составляющихъ прямую спеціальность генеральнаго штаба, должны были и дѣйствительно принимали безпрекословно участіе всѣ чины, служившіе въ квартирмейстерской части. Но къ большимъ геодезическимъ работамъ далеко не всѣ они были подготовлены, еще менѣе всѣ могли чувствовать къ нимъ наклонность и способность, тѣмъ болѣе, что подготовка ихъ и образцы службы генеральнаго штаба, которые они имѣли передъ собою, были чисто военные, да къ тому же въ государственныхъ съемкахъ вводились тогда пріемы и методы, мало еще распространенные и извѣстные. А между тѣмъ, видимо проявлялось желаніе князя Волконскаго непремѣнно всѣхъ офицеровъ квартирмейстерской части проводить черезъ государственныя съемки, какъ бы черезъ практическую школу. Такое стремленіе, очевидно, должно было встрѣчать затрудненія въ своемъ исполненіи и привело къ тому, что въ дѣйствительности лишь весьма немногія личности посвятили себя вполнѣ съемкамъ по своему собственному влеченію и составили прочный фундаментъ, на которомъ и было построено все зданіе нашихъ государственныхъ съемокъ. А такъ какъ незначительность числа этихъ лицъ не соотвѣтствовала обширнымъ предположеніямъ князя Волконскаго, то и явилась потребность созданія новой силы, для осуществленія этихъ предположеній, въ видѣ особаго корпуса военныхъ топографовъ. Корпусу этому, этому родному дѣтищу квартирмейстерской части, послѣдняя передала веденіе всѣхъ начатыхъ ею работъ, предоставляя себѣ, однако, наблюденіе за нимъ и даже руководство, что въ особенности было въ полной силѣ въ первое время послѣ учрежденія корпуса военныхъ топографовъ, пока онъ не сталъ совершенно въ самостоятельное положеніе. Самостоятельность же эта была пріобрѣтена имъ уже значительно позже; въ описываемую же нами эпоху квартирмейстерская часть представляется, по справедливости, главною участницею всѣхъ произведенныхъ у насъ геодезическихъ и топографическихъ работъ, которыя, какъ по прямому своему значенію, такъ и по вліянію на всѣ послѣдующія работы, заслуживаютъ полнаго нашего вниманія.

Предписаніемъ отъ 16-го декабря 1815 года, князь Волконскій увѣдомилъ начальника штаба 1-й арміи, генералъ-лейтенанта барона Дибича, что по Высочайшему повелѣнію имѣетъ быть произведена тригонометрическая и топографическая съемка Виленской губерніи,

для чего тотчасъ же должны быть командированы офицеры квартирмейстерской части, чтобы выбрать основаніе для тригонометрической съемки на одномъ изъ озеръ въ окрестностяхъ Браслава или Дрисвята и зимою же измѣрить его по льду. Исполненіе этого порученія было возложено на оберъ-квартирмейстера 1-го пѣхотнаго корпуса, Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, полковника Теннера, которому въ помощь были назначены квартирмейстерской же части капитанъ Мессингъ и прапорщики Гецель и Врангель.

Выборъ, какъ мѣстности для начала правильныхъ нашихъ государственныхъ съемокъ, такъ и лица, которому поручался этотъ почнинъ, былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Тогдашняя Виленская губернія заключала въ себѣ и всю нынѣшнюю Ковенскую губернію, слѣдовательно захватывала весьма значительную часть западнаго пограничнаго пространства, наиболѣе нуждавшагося въ картахъ. Къ тому же, Вильна имѣла университетъ съ обсерваторіею, что для почина астрономическихъ и тригонометрическихъ работъ было весьма важно. Наконецъ, въ Теннерѣ работы эти пріобрѣтали руководителя, лучше котораго нельзя было желать. Изъ всего тогдашняго состава квартирмейстерской части, Теннеръ и Шубертъ (оба полковники съ 1814 года) наиболѣе обращали на себя вниманіе по своему строго-математическому образованію, но Шубертъ находился въ то время оберъ-квартирмейстеромъ корпуса графа Воронцова, оставленнаго во Франціи, почему выборъ князя Волконскаго палъ на Теннера. Послѣдній, кромѣ прекрасной теоретической подготовки, имѣлъ уже и практическій навыкъ къ геодезическимъ работамъ, находясь съ 1809 по 1812 годъ при составленіи тригонометрической сѣти С.-Петербурга и тріангуляціи по южному берегу Финскаго залива. Къ тому же Теннеръ до самоотверженія былъ преданъ поручаемому ему дѣлу, ставя его выше всякихъ личныхъ своихъ разсчетовъ; добросовѣстный до мелочей, даже до педантизма, неутомимый въ работѣ, онъ занимался геодезическими работами съ полнѣйшею любовью и увлеченіемъ, какія только возможны въ человѣкѣ, вполнѣ посвятившемъ себя математикѣ. Увлеченію этому еще болѣе способствовало то обстоятельство, что въ производимыхъ имъ геодезическихъ работахъ Теннеръ видѣлъ возможность осуществленія завѣтной идеи его молодости, сдѣлавшейся, такъ сказать, цѣлію всей его жизни, это измѣренія дуги меридіана (*).

(*) Личность Карла Ивановича Теннера какъ нельзя лучше обрисовывается изъ его бумагъ, а въ особенности изъ его дневника (Journal und Privat-Correspondenz), въ который онъ съ необыкновенною мелочностію записывалъ

Произведя зимою 1815 — 1816 года рекогносцировку Виленской губерніи, Теннеръ представилъ свои соображенія по производству тріангуляціи князю Волконскому, отъ котораго получилъ тогда же разрѣшеніе связать съ этой тріангуляціей и всѣ астрономическія работы, вызываемыя градуснымъ измѣреніемъ.

Нельзя не замѣтить, что около того же времени мысль о градусномъ измѣреніи въ Россіи появляется и также получаетъ возможность осуществленія другимъ путемъ. Въ 1816 году, Лифляндское экономическое общество, желая воспользоваться подробными съемками отдѣльныхъ участковъ, для составленія точной карты всей страны, предложило профессору и астроному-наблюдателю Дерптскаго университета, В. Я. Струве, произвести необходимыя для того астрономо-тригонометрическія работы. Струве и воспользовался этимъ предложеніемъ для осуществленія также завѣтной своей мысли о градусномъ измѣреніи и сдѣлался, съ того времени, главнымъ дѣятелемъ его, въ направленіи отъ Лифляндіи къ сѣверу, до Норвегіи; на долю же Теннера выпало исполнить это предпріятіе къ югу, до Дуная. Совокупными трудами этихъ двухъ ученыхъ и произведена работа, которою вполнѣ можетъ гордиться Россія: измѣрена дуга меридіана въ 25° 20′, изъ которой собственно на Россію приходится 20° 31′, а изъ этой дуги, измѣреніе 11°—10′, отъ Двины до Измаила, есть собственно трудъ Теннера, исполненный имъ съ полнымъ совершенствомъ (*), не смотря на всѣ встрѣчаемыя имъ къ тому затрудненія.

Было бы излишне вдаваться здѣсь во всѣ техническія подробности работъ, произведенныхъ квартирмейстерскою частію по нашимъ тригонометрическимъ и топографическимъ съемкамъ, тѣмъ болѣе, что описаніе ихъ уже сдѣлано и напечатано въ запискахъ военно-топографическаго депо и въ «Историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ съ 1822 по 1872 годъ»; постараемся поэтому только охарактеризировать ту мѣру участія, которую принималъ въ этихъ работахъ нашъ генеральный штабъ и результаты этого участія.

Тригонометрическая съемка Виленской губерніи, начатая Теннеромъ въ 1816 году, кончена въ 1821 году, причемъ измѣрено было три

всю свою дѣятельность изо дня въ день, встрѣчи и даже разговоры съ разными болѣе замѣчательными лицами, всю свою частную кореспонденцію. Къ сожалѣнію, часть этого дневника сдѣлалась жертвою пожара въ Минскѣ 30-го мая 1835 года.

(*) «Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ съ 1822 по 1872 годъ».

базиса (Дрисвятскій, у м. Понедѣлъ и при Полангенѣ), и опредѣлено 115 треугольниковъ первокласной сѣти, связывавшихъ 98 точекъ. За начальный пунктъ для своихъ работъ Теннеръ избралъ первокласную точку Мѣшканцы, въ 26-ти верстахъ отъ Вильно, и здѣсь устроена была обсерваторія. Предпринятое имъ одновременно со съемкою градусное измѣреніе требовало обширныхъ и самыхъ точныхъ астрономическихъ наблюденій. Всѣ эти работы нуждались въ опытныхъ исполнителяхъ и хорошихъ инструментахъ, и хотя Теннеру пришлось встрѣчать многія трудности въ этомъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ признать, что не мало было для него и благопріятныхъ обстоятельствъ. Будучи на отличнѣйшемъ счету у князя Волконскаго и барона Дибича, пользуясь дружбою генералъ-квартирмейстера 1-й арміи, Гартинга, Теннеръ могъ разсчитывать, что ему будетъ оказано полное содѣйствіе въ его работахъ. Къ тому же въ предѣлахъ своей съемки онъ имѣлъ Виленскій университетъ, съ обсерваторіею, ученые профессора котораго, Снядецкій, Славинскій, Глушневичъ, Жилинскій, Древицкій, принимали самое дѣятельное участіе въ его трудахъ. Сверхъ того, онъ пользовался содѣйствіемъ Митавской обсерваторіи и тамошняго астронома Паукера.

Инструментами Теннеръ былъ снабженъ отъ главнаго штаба, но весьма не полно, такъ, напримѣръ, онъ долго не могъ добиться присылки барометровъ и термометровъ; къ тому-же требуемые инструменты доставлялись съ замедленіями, да и были недостаточно прочны, а трубы имѣли слишкомъ слабую оптическую силу. Отвѣтственность въ томъ, конечно, падала на Рейсиха, завѣдывавшаго механическою мастерскою главнаго штаба и пользовавшагося полнымъ довѣріемъ князя Волконскаго. Недостатокъ въ казенныхъ инструментахъ Теннеръ постоянно пополнялъ заимствованіями изъ Виленской и Митавской обсерваторій (*).

Что касается до личнаго состава тригонометрической съемки Виленской губерніи, то на ней постоянно находились квартирмейстерской части капитанъ Мессингъ, подпоручикъ Дитмаръ и прапорщики Гецель, Занденъ и Бырдинъ, а въ послѣдній годъ, еще и колоновожатый Ходзько (**). Всѣ эти лица были командированы къ Тен-

(*) Переписка Теннера съ Гартингомъ (съ 1816 по 1825 г.) и съ генералъ-квартирмейстеромъ А. И. Нейдгартомъ въ 1833 г., а также письма Теннера къ попечителямъ Виленскаго и Дерптскаго учебныхъ округовъ—В. В. Пеликану и князю Ливену.

(**) Осипъ Ивановичъ Ходзько, кончивъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ съ званіемъ кандидата, принятъ 20-го января 1821 г. въ службу колоновожатымъ и прямо поступилъ въ распоряженіе Теннера; 23-го мая 1822 г. произведенъ въ пра-

неру по особой атестаціи Гартинга. Всѣ они, такъ сказать, воспытались подъ руководствомъ Теннера и виленскихъ астрономовъ и нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи имѣли случай проявить и самостоятельную дѣятельность. Наиболѣе обращали на себя вниманіе Дитмаръ и Гецель, особенно первый, котораго Гартингъ называетъ образцомъ усердія, терпѣнія и постоянства; не менѣе выдавался по своимъ математическимъ познаніямъ и способностямъ колоновожатый Ходзько, котораго Теннеръ и употреблялъ обыкновенно для самыхъ трудныхъ и сложныхъ наблюденій и вычисленій. Неуспѣлъ еще Теннеръ кончить всей тригонометрической съемки Виленской губерніи, какъ уже ему приказано приступить къ топографическимъ работамъ, для чего изъ 1-й арміи было ему назначено 15 офицеровъ квартирмейстерской части и 10 артилерійскихъ, съ надлежащимъ числомъ нижнихъ чиновъ, для прислуги (*); для ближайшаго же завѣдыванія этою съемкою ему предоставлено было выбрать особаго штабъ-офицера и выборъ его палъ на полковника Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, Фитингофа.

Хотя при содѣйствіи Гартинга къ Теннеру были назначены, по возможности, лучшіе съемщики изъ квартирмейстерской части 1-й арміи, тѣмъ не менѣе оказалось, что изъ числа присланныхъ офицеровъ только пятеро знали вполнѣ инструментальную съемку и умѣли чертить горы по недавно введенной тогда въ употребленіе системѣ Лемана. Это и неудивительно, такъ какъ мензульная съемка въ то время была еще мало въ употребленіи, а квартирмейстерскіе офицеры, состоявшіе при войскахъ, были упражняемы лишь въ глазомѣрной съемкѣ и въ крокировкѣ; система же Лемана введена у насъ во всеобщее употребленіе только съ 1819 года.

Обстоятельство это вынудило Теннера употребить 1819 годъ на производство практической, чисто учебной съемки для состоящихъ при немъ офицеровъ, а такъ какъ вслѣдъ затѣмъ ему объявлено было приказаніе князя Волконскаго, чтобы квартирмейстерскіе офицеры не засиживались на топографическихъ съемкахъ, для чего ежегодно пятерыхъ изъ числа находящихся на съемкахъ приходилось замѣнять новыми (**), то Теннеръ, озабочиваясь возможно скорѣйшимъ

порщики квартирмейстерской части, а нынѣ состоитъ при Кавказской арміи, въ чинѣ генералъ-лейтенанта генеральнаго штаба.

(*) Предписаніе начальника главнаго штаба полковнику Теннеру, отъ 28-го сентября 1818 года.

(**) Распоряженіе это послѣдовало въ 1820 году и не распространялось на офицеровъ, занятыхъ тригонометрическими и астрономическими работами (Письма Гартинга къ Теннеру).

окончаніемъ работъ, рѣшился употребить на съемки воспитанниковъ военно-сиротскихъ отдѣленій и преимущественно тѣхъ, которые готовились въ инженерные кондукторы.

Въ ноябрѣ 1819 г. онъ обратился съ ходатайствомъ по этому предмету къ князю Волконскому и, получивъ на то разрѣшеніе, выбралъ изъ Рижскаго военно-сиротскаго отдѣленія 15 болѣе способныхъ воспитанниковъ, которые и были зачислены на топографическую съемку. Оставалось образовать изъ этихъ молодыхъ людей хорошихъ съемщиковъ, что, впрочемъ, особенною заботливостію Теннера и при помощи находившихся при съемкѣ офицеровъ и значительнаго числа выписанныхъ книгъ и моделей, шло довольно успѣшно, такъ что, съ начала 1821 года, всѣ воспитанники, прибывшіе изъ Риги, могли уже самостоятельно производить топографическую съемку (*).

Успѣхъ этого перваго опыта побудилъ Теннера и въ послѣдующіе года продолжать его, такъ что въ теченіе трехъ лѣтъ онъ вытребовалъ болѣе 70-ти воспитанниковъ, изъ которыхъ наиболѣе способные были оставляемы на съемкѣ въ званіи инженеръ-кондукторовъ, а впослѣдствіи, съ учрежденіемъ корпуса топографовъ, въ званіи топографовъ.

Только благодаря такому увеличенію рабочихъ рукъ и могъ Теннеръ окончить тѣ обширныя работы, которыя были произведены имъ въ Виленской губерніи. Независимо отъ съемки пространства въ 57,432¼ квадратныхъ верстъ, въ масштабѣ 250 саженъ, на 658 листахъ, составлялись еще одновременно со съемкою, такъ называемые полубѣловые планы, въ масштабѣ одна верста въ дюймѣ, которые вычерчивались и иллюминовались весьма тщательно, а также маршрутная карта, въ масштабѣ три версты въ дюймѣ; всѣ эти работы требовали большаго числа исполнителей, почти бо́льшаго чѣмъ сама топографическая съемка. Сверхъ всего этого, къ концу съемки (въ 1829 году) Теннеромъ было представлено еще и статистическое описаніе Виленской губерніи, составленное офицерами квартирмейстерской части (**) и представлявшее первый трудъ въ этомъ родѣ въ ряду тѣхъ обширныхъ статистическихъ работъ, которыми столь справедливо можетъ гордиться нашъ генеральный штабъ (***).

Одновременно съ производствомъ топографической съемки Виленской губерніи, Теннеръ приступилъ съ 1822 года къ составленію

(*) «Историческій очеркъ дѣятельности корпуса топографовъ».

(**) Тамъ же.

(***) За тригонометрическую съемку Виленской губерніи Теннеръ былъ произведенъ въ 1822 году въ генералъ-маіоры и ему пожалованы столовыя деньги, наравнѣ съ бригадными командирами (по 4,000 руб. въ годъ).

тріангуляціи въ Курляндіи, гдѣ въ два года опредѣлено имъ 42 пункта и столько же перворазрядныхъ треугольниковъ. Съемка эта въ особенности интересовала его лично потому, что ею онъ продолжалъ свое градусное измѣреніе до Западной Двины, гдѣ оно могло быть соединено съ лифляндскимъ измѣреніемъ Струве. Помощниками у него оставались тѣ же офицеры, которые были и на виленской съемкѣ, съ присоединеніемъ еще квартирмейстерской же части прапорщиковъ Михайлова и Вронченко; изъ нихъ послѣдній пріобрѣлъ со временемъ извѣстность своими геодезическими познаніями и ученостію.

Опытность, пріобрѣтенная на виленской тріангуляціи, не мало способствовала тому, что тригонометрическая съемка Курляндіи была окончена всего въ два года, послѣ чего тотчасъ же Теннеръ приступилъ къ распространенію тріангуляціи на югъ по Гродненской и Минской губерніямъ.

Почти одновременно съ Теннеромъ выступаетъ на поприще нашихъ государственныхъ съемокъ и другой замѣчательный дѣятель, Федоръ Федоровичъ Шубертъ, сынъ извѣстнаго астронома. Возвратившись въ 1818 году съ корпусомъ графа Воронцова изъ Франціи, Шубертъ назначается въ слѣдующемъ же году начальникомъ 3-го (картографическаго) отдѣленія военно-топографическаго депо, а въ 1820 году начальникомъ тригонометрической и топографической съемки Петербургской губерніи, вскорѣ послѣ чего онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Тріангуляція Петербургской губерніи, начатая въ 1820 году подъ руководствомъ Шуберта, была продолжена въ 1824 году, въ Новгородскую губернію, а затѣмъ по Псковской и Витебской, гдѣ она была связана съ тріангуляціями Струве и Теннера. Всего съ 1820 по 1822 годъ, на этихъ работахъ измѣрено четыре базиса и опредѣлено 225 точекъ, посредствомъ 322 первокласныхъ треугольниковъ. До 1826 года работы производились офицерами квартирмейстерской части, а именно, капитаномъ Рокасовскимъ, поручикомъ Вальховскимъ, подпоручикомъ Скалономъ 3-мъ, прапорщиками: Дюгамелемъ, Корфомъ 1-мъ и барономъ Ливеномъ; всѣ они, впрочемъ, оставались на съемкѣ недолго, только одинъ Рокасовскій былъ на ней непрерывно съ 1821 по 1826 годъ. Съ послѣдняго же года на работахъ употреблялись одни только офицеры корпуса топографовъ.

Характеристика астрономическихъ и тригонометрическихъ работъ Шуберта лучше всего опредѣляется тѣмъ, что онъ не придавалъ никакого практическаго значенія градуснымъ измѣреніямъ, почему ста-

вилъ единственною цѣлію для производимыхъ подъ его руководствомъ астрономическихъ наблюденій, оріентировку тригонометрической сѣти. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Теннеромъ, онъ выразился даже, что градусное измѣреніе *вздоръ* (ein Dummeszeug), чего Теннеръ не могъ забыть ему во всю жизнь (*). Къ тому же, съ 1826 года, производство астрономическихъ наблюденій ввѣрено было Шубертомъ только одному, состоявшему при военно-топографическомъ депо чиновнику Лемму, который, получивъ университетское образованіе и будучи хорошимъ математикомъ, пользовался полнымъ довѣріемъ Шуберта (**). Поручая эти работы одному лицу, послѣдній полагалъ доставить имъ однообразіе и одинаковую достовѣрность; самъ же Шубертъ непосредственно участвовалъ въ полевыхъ работахъ только въ первые годы по своемъ назначеніи начальникомъ тригонометрической съемки.

Точность тріангуляцій Шуберта оказалась значительно ниже точности теннеровскихъ, не столько вслѣдствіе бывшихъ въ употребленіи инструментовъ, сколько потому, что не было при ихъ производствѣ той постоянной настойчивости достигнуть возможнаго совершенства, какая отличала Теннера; сверхъ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не были оцѣнены и, должнымъ образомъ, парализованы вліянія различныхъ обстоятельствъ, вредившихъ этой точности. Многое у Шуберта безспорно, дѣлалось лучше, чѣмъ у Теннера, но недостаточная акуратность нѣкоторыхъ дѣйствій хотя и не могла существенно повредить топографическимъ съемкамъ, тѣмъ не менѣе была причиною, что обширныя работы, требовавшія значительныхъ затратъ, не принесли всей пользы, какой можно было отъ нихъ ожидать. Такъ, между прочимъ, въ тріангуляціяхъ Шуберта недоставало опредѣленія высотъ тригонометрическихъ пунктовъ, что дало себя чувствовать, когда потребовалось приводить длины измѣренныхъ базисовъ къ поверхности моря и когда для этого приходилось производить особыя, иногда довольно обширныя работы (***).

Вслѣдъ за тріангуляціей Петербургской губерніи приступлено было, подъ руководствомъ Шуберта же, къ топографической съемкѣ этой губерніи. Съемка эта продолжалась съ 1820 по 1831 годъ, причемъ снято было, въ масштабѣ 200 саженъ въ дюймѣ, пространство въ

(*) Изъ записокъ и писемъ Теннера.

(**) Въ 1832 году Леммъ переведенъ поручикомъ въ корпусъ топографовъ, въ которомъ служилъ до увольненія въ отставку въ 1863 году съ чиномъ генералъ-маіора.

(***) Заимствуя настоящую оцѣнку работъ Теннера и Шуберта изъ «Историческаго очерка дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ», отсылаемъ къ этому источнику желающихъ ближе ознакомиться съ ея мотивами.

38,926,4 квадратныхъ верстъ, на 526 листахъ. Сверхъ того, самъ Петербургъ снятъ былъ въ масштабѣ 50 саженъ въ дюймѣ, но затѣмъ полубѣловыхъ плановъ въ верстовомъ масштабѣ и какихъ бы то ни было другихъ картъ, одновременно со съемкою, не дѣлалось. Существенной разницы въ отдѣлкѣ плановъ Шуберта противъ тенперовскихъ незамѣтно: обѣ съемки основаны на тригонометрической сѣти, брульоны отъилюминованы по одинаковымъ условнымъ знакамъ, и горы вычерчены по системѣ Лемана. Можетъ быть, Петербургская губернія снята нѣсколько точнѣе Виленской, но это зависѣло отъ того, что Шубертъ, бывшій во время производства этой съемки уже начальникомъ военно-топографическаго депо, имѣлъ полную возможность назначать на свою съемку только опытныхъ топографовъ, между тѣмъ какъ Тенперъ довольствовался тѣми, которыхъ ему назначали, и нерѣдко бывалъ въ затрудненіи отъ недостатка хорошихъ съемщиковъ (*).

Обращаясь, наконецъ, къ стоимости той и другой съемки, оказывается, что собственно топографическая ихъ часть обошлась казнѣ болѣе 550,000 рублей ассигнаціями, а отдѣльно съ переводомъ на серебро, выходитъ, что стоимость одной квадратной версты на Виленской съемкѣ обошлась въ 1 руб. 45 коп., а на Петербургской въ 1 руб. 80 коп. Если же принять во вниманіе еще чертежныя работы, произведенныя у Теннера (полубѣловые планы, маршрутная карта и статистическое описаніе), то стоимость квадратной версты Виленской съемки обошлась значительно менѣе показанной цѣны (*).

Нельзя не замѣтить, что на обѣихъ этихъ, нашихъ первыхъ государственныхъ съемкахъ, условные знаки совершенно одинаковы, но масштабы разные. По этимъ двумъ вопросамъ, оба наши знаменитые геодезиста также не сходились. Если на обѣихъ съемкахъ условные знаки были приняты одинаковые, то это потому, что въ 1822 году были изданы отъ главнаго штаба, составленные по указаніямъ барона Толя, въ его канцеляріи, условные знаки для употребленія на топографическихъ, географическихъ и квартирныхъ картахъ и военныхъ планахъ. Знаки эти, по цвѣту красокъ и способу изображенія подробностей, во многомъ согласны съ употребляемыми въ настоящее время. Независимо отъ того, Теннеръ проектировалъ новые условные знаки въ замѣчательномъ своемъ «Мемуарѣ о военныхъ картахъ и планахъ», представленномъ имъ въ 1826 году тогдашнему началь-

(*) «Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ».
(**) Тамъ же.

нику главнаго штаба, барону Дибичу (*); между прочимъ, онъ предлагалъ характеризовать лѣса по ихъ густотѣ и удобопроходимости для войскъ, не различая породъ лѣса, что въ военномъ отношеніи не имѣетъ большой важности. Вообще, условные знаки Теннера составлены съ большимъ знаніемъ дѣла, и ихъ можно упрекнуть развѣ только въ томъ, что излишняя подробность изображенія свойствъ мѣстности наноситъ ущербъ ясности карты. Къ сожалѣнію, Шубертъ оказалъ полнѣйшее невниманіе къ проекту Теннера.

Таже участь постигла и другое предложеніе, заключавшееся въ мемуарѣ Теннера, относительно масштабовъ. Первоначально для топографическихъ съемокъ принятъ былъ масштабъ 250 саженъ въ дюймѣ, причемъ имѣлось въ виду, чтобы эти съемки удовлетворяли самымъ строгимъ тактическимъ требованіямъ, и могли служить точными оригиналами для составленія, смотря по надобности, картъ разныхъ масштабовъ. Въ своемъ мемуарѣ Теннеръ предлагалъ снимать наши западныя губерніи даже въ двухверстномъ масштабѣ, а города и мѣстности, удобныя для позицій и маневровъ, въ полуверстовомъ (250 саженъ). При этомъ, онъ приводилъ, что подобный же масштабъ былъ употребляемъ съ полнымъ успѣхомъ Леманомъ въ Саксоніи, Шрамеромъ въ Восточной Прусіи, Кассини во Франціи, и что, принявъ его у насъ для съемокъ Курляндіи, Гродненской и Минской губерній, можно будетъ кончить эти съемки въ шесть лѣтъ, вмѣсто девятнадцати, да еще сдѣлать экономію до 800,000 рублей. Но Шубертъ, оставаясь при томъ мнѣніи, что всегда съемка въ большомъ масштабѣ принесетъ болѣе пользы для страны, чѣмъ съемка въ маломъ, находилъ даже масштабъ въ 250 саженъ неудовлетворительнымъ, почему для своихъ съемокъ принялъ масштабъ 200 саженъ въ дюймѣ (**). Впослѣдствіи и Теннеръ долженъ былъ подчиниться этому условію.

Независимо отъ этихъ капитальныхъ съемокъ, въ разсматриваемый періодъ производились, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ центральнаго управленія квартирмейстерскою частію, еще и двѣ другія съемки: одна на сѣверѣ въ Финляндіи, другая на югѣ въ Бесарабіи.

Финляндская съемка, по первоначальному предположенію, должна была производиться *скорымъ* способомъ, по правиламъ, употреблявшимся во французской арміи, т. е. увеличивая землемѣрныя карты и пополняя ихъ въ масштабѣ двѣ версты въ дюймѣ; при этомъ, всю

(*) Представленъ при письмѣ Теннера, отъ 14-го февраля 1826 года, за № 67.

(**) «Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ».

новопріобрѣтенную Финляндію, пространствомъ до 275,000 квадратныхъ верстъ, предполагалось снять въ три года, употребляя для работъ 24 офицера. Такого числа съемщиковъ на ней, впрочемъ, никогда не было, да къ тому же и масштабъ съемокъ былъ измѣненъ на 250 саженъ въ дюймѣ, вслѣдствіе чего, съемка эта, начатая въ 1809 году, прерванная затѣмъ въ Отечественную войну, была окончена только къ 1842 году. На ней перебывало множество начальниковъ и очень мало съемщиковъ, такъ что даже непонятно, какъ могло главное управленіе квартирмейстерскою частію допустить столь медленное и притомъ же оказавшееся къ концу вполнѣ безплодным производство съемки. Въ разсматриваемый нами періодъ начальниками финляндской съемки были: сперва, съ 1815 года, полковники Штегманъ и Черкасовъ, а потомъ, съ 1825 по 1830 годъ, полковникъ Энегольмъ. Сохранилось извѣстіе объ особенно неудовлетворительной работѣ подъ вѣдѣніемъ полковника Штегмана, которому былъ объявленъ за то, въ 1819 году, строгій выговоръ, и то единственно только изъ уваженія къ его продолжительной службѣ (*). Весь же участокъ его, пространствомъ до 60,000 квадратныхъ верстъ, приказано было переснять вновь (**).

Въ этомъ случаѣ со Штегманомъ было поступлено очень снисходительно, чего не встрѣчаемъ въ другихъ представлявшихся случаяхъ, когда всѣ расходы по передѣланной заново съемкѣ относились на счетъ виновныхъ. Такъ, когда въ 1823 году Теннеръ донесъ, что при повѣркѣ виленской съемки, брульоны поручиковъ Астафьева, Сорокина и корпуса топографовъ Безкорниловича оказались не вѣрно снятыми, то управлявшій въ то время квартирмейстерскою частію баронъ Дибичъ приказалъ, чтобы расходы по новой съемкѣ были взысканы съ виновныхъ, а имъ, объявивъ на первый разъ выговоръ, пригрозилъ за дальнѣйшія упущенія отдачею подъ судъ (*).

Что касается до съемки Бесарабіи, то она была производима въ масштабѣ 250 саженъ въ дюймѣ, съ 1817 по 1819 годъ, полковникомъ Корниловичемъ, а съ 1822 по 1827 годъ, кромѣ того, еще полковникомъ Гедихинымъ и подполковникомъ фонъ-Руге, съ участіемъ исключительно однихъ офицеровъ квартирмейстерской части и армейскихъ; изъ корпуса топографовъ въ ней участвовалъ лишь

(*) Штегманъ былъ офицеромъ съ 1790 года.

(**) Приказъ по квартирмейстерской части, отданный княземъ Волконскимъ 25-го октября 1819 года, за № 161, и «Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ».

(***) Приказъ по квартирмейстерской части 29-го іюля 1823 года, № 160.

одинъ штабсъ-капитанъ Безкорниловичъ, поступившій въ это вѣдомство изъ квартирмейстерской части.

Значеніе съемокъ Финляндіи и Бесарабіи вполнѣ объясняется желаніемъ имѣть вѣрныя карты нашихъ пограничныхъ областей.

Къ этому же разряду съемокъ слѣдуетъ отнести работы, хотя имѣвшія цѣль, по преимуществу, сельско-хозяйственную, но тѣмъ не менѣе произведенныя подъ начальствомъ офицеровъ квартирмейстерской части, по требованіямъ всесильнаго въ то время Аракчеева, для устраиваемыхъ имъ военныхъ поселеній. Работы эти отвлекали очень много офицеровъ: въ ноябрѣ 1817 года Гартингъ жаловался, что изъ одного штаба 1-й арміи взято для съемокъ въ военныхъ поселеніяхъ 33 офицера (*). Нѣкоторые изъ квартирмейстерскихъ офицеровъ находились безотлучно, съ 1816 по 1827 годъ, при военныхъ поселеніяхъ, и принимали весьма дѣятельное участіе въ ихъ устройствѣ. Въ ряду ихъ наиболѣе извѣстными остались работы полковниковъ: Паренсова, Винярскаго, Насакина и Мялицына, капитановъ Шрама 1-го и Гецеля, поручиковъ фонъ-Брадке и барона Ребиндера и прапорщика Бергенстроле. Но въ особенности выдѣляется дѣятельность фонъ-Брадке, который, кромѣ съемочныхъ занятій, имѣлъ и много другихъ разностороннихъ порученій отъ Аракчеева, а своей исполнительностію, способностями и усердіемъ, пріобрѣлъ на столько довѣріе послѣдняго, что, въ чинѣ капитана, былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ обширнаго вѣдомства военныхъ поселеній (**).

Совершенно другую категорію съемокъ составляютъ работы, произведенныя офицерами квартирмейстерской части, состоявшими при шта-

(*) Письмо Гартинга къ Теннеру отъ 16-го ноября 1817 года, въ частныхъ бумагахъ Теннера.

(**) Егоръ Федоровичъ фонъ-Брадке произведенъ въ офицеры Свиты изъ колоновожатыхъ въ 1815 году; съ 1817 по 1825 годъ повысился изъ подпоручиковъ въ подполковники. Будучи еще въ чинѣ поручика, онъ въ 1819 году былъ командированъ въ Могилевское военное поселеніе, чтобы устроить тамъ всю хозяйственную часть и на мѣстѣ разрѣшить разныя недоразумѣнія, возникавшія по этому предмету у генералъ-лейтенанта Цвиленева, управлявшаго этимъ поселеніемъ. Фонъ-Брадке всячески отказывался отъ этой командировки, выставляя, что онъ ничего не смыслитъ въ сельскомъ хозяйствѣ, что не умѣетъ отличить даже ржи отъ ячменя. «Все это вздоръ; когда что приказываютъ, то состоящій на службѣ долженъ исполнять»,—отвѣтилъ Аракчеевъ.— А если я по незнанію дурно сдѣлаю,—возразилъ Брадке.—«Тогда отдамъ васъ подъ судъ», — былъ короткій отвѣтъ Аракчеева. Къ счастію, командировка была исполнена вполнѣ благополучно, благодаря той добросовѣстности, которою, какъ истый офицеръ генеральнаго штаба, отличался Брадке. «Видишь ли,—сказалъ ему Аракчеевъ, по возвращеніи его изъ Могилева, все идетъ хорошо, если есть добрая воля на то».—(Georg von Bradke's eigene Aufzeichnungen über sein Leben bis zum Jahre 1854).

*

бахъ армій и отдѣльныхъ корпусовъ. Въ особенности обширны и замѣчательны съемки, исполненныя при 1-й арміи, подъ непосредственнымъ руководствомъ генералъ-квартирмейстера ея Гартинга, который, будучи самъ отличнымъ съемщикомъ и чертежникомъ, дѣятельно поддерживалъ этого рода занятія между подвѣдомственными ему офицерами; обширность же квартирнаго раіона 1-й арміи, занимавшаго почти три четверти пространства всей Европейской Россіи, давала этимъ работамъ большой просторъ (*).

Такъ, въ 1816 году Гартингомъ предпринята повѣрка столистовой карты, а въ слѣдующемъ году и маршрутной, такъ какъ обѣ онѣ были переполнены ошибками; первую работу онъ возложилъ на оберъ-квартирмейстеровъ и состоявшихъ при корпусныхъ штабахъ офицеровъ, а вторую—на дивизіонныхъ квартирмейстеровъ съ тѣмъ, чтобы каждый произвелъ эту повѣрку въ раіонѣ расположенія тѣхъ войскъ, при которыхъ состоялъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ предприняты частію полуинструментальныя, частію глазомѣрныя съемки съ офицерами, состоявшими при штабѣ арміи, съ цѣлію составленія общей пятиверстной карты всего пространства, занимаемаго 1-й арміей. Работы эти, произведенныя съ 1816 по 1821 годъ, доставили обильный матеріалъ для прекрасной карты на 64 листахъ, составленной по проекціи Делиля, какъ наиболѣе простой; одна эта карта обнимала пространство до 800,000 квадратныхъ верстъ. Независимо отъ того, произведены были и многія другія съемки съ разными цѣлями,—для сборовъ войскъ, маневровъ, Высочайшихъ смотровъ, наконецъ, чисто съ учебною цѣлію. Въ послѣднемъ отношеніи особенно обращаетъ на себя вниманіе работа, исполненная, подъ руководствомъ полковника барона Зедделера, офицерами квартирмейстерской части и состоявшими въ Могилевскомъ офицерскомъ училищѣ, въ 1825 и 1826 годахъ. Съемка эта произведена полуинструментально въ масштабѣ 1 вер. въ дюймѣ, между Днѣпромъ и Десною, и обнимала пространство въ 80,500 кв. верстъ; планшеты ея иллюминованы и горы на нихъ вычерчены по системѣ Лемана.

Что касается до работъ, исполненныхъ при 2-й арміи, то онѣ менѣе значительны, такъ какъ средства ея штаба были менѣе обширны и притомъ же дѣятельность квартирмейстерскихъ офицеровъ при ней была, по преимуществу, направлена на другую работу, имен-

(*) Матеріаломъ къ описанію работъ, произведенныхъ при войскахъ, служили: «Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ», отчеты генералъ и оберъ-квартирмейстеровъ, хранящіеся при дѣлахъ архива генеральнаго штаба, а отчасти и частныя письма генерала Гартинга въ бумагахъ Теннера.

но по собиранію матеріаловъ для описанія турецкихъ войнъ, о чемъ будетъ указано ниже. Сверхъ того, многіе офицеры этой арміи были привлекаемы къ съемкѣ Бесарабіи, производившейся, какъ выше сказано, подъ начальствомъ полковника Корниловича, бывшаго въ то же время оберъ-квартирмейстеромъ 6-го корпуса.

Изъ другихъ работъ, исполненныхъ офицерами 2-й арміи, наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе полуинструментальная съемка Херсонской губерніи, съ подробными планами городовъ, и инструментальная съемка Кіевской губерніи, начатая подъ руководствомъ гвардейскаго генеральнаго штаба капитана фонъ-деръ-Ховена и долженствовавшая служить началомъ съемки всего пространства, занимаемаго войсками 2-й арміи. Недостатокъ при этой арміи офицеровъ, свѣдущихъ въ астрономіи и геодезіи, немало затруднялъ въ началѣ производство тригонометрическихъ работъ; самыя же топографическія работы, начатыя въ масштабѣ 250 саженъ въ дюймѣ только въ 1825 году, вскорѣ были вовсе прекращены по случаю Турецкой войны, а затѣмъ вновь уже не возобновлялись и, не смотря на многія свои достоинства, вовсе не были приняты во вниманіе, когда уже въ 1847 году приступлено было снова къ съемкѣ Кіевской губерніи.

Изъ работъ, исполненныхъ при отдѣльныхъ корпусахъ, наиболѣе замѣчательны произведенныя во Франціи во время нахожденія тамъ нашихъ войскъ, и въ Западной Сибири.

Еще въ 1815 году, подъ начальствомъ генерала Гартинга, снята была въ двухверстномъ масштабѣ сѣверо-восточная часть Франціи, занятая войсками 1-й арміи. Съемка эта, основанная на кассиніевской сѣти, обнимала пространство около 33,400 квадратныхъ верстъ и исполнена частію инструментально, частію же глазомѣрно. Въ то же время полковникомъ Шубертомъ исполнена съемка департаментовъ Арденовъ и Марны, на пространствѣ 1,520 верстъ, а въ періодъ времени съ 1816 по 1818 годъ и съемка всей части Франціи, занятой нашими войсками, бывшими подъ начальствомъ графа Воронцова. Послѣдняя работа обнимаетъ пространство въ 10,500 квадратныхъ верстъ и исполнена 12-ю офицерами квартирмейстерской части, состоявшими въ вѣдѣніи Шуберта. Съемка произведена въ верстовомъ масштабѣ, а крѣпости, входившія въ раіонъ ея, сняты въ масштабѣ 100 саженъ въ дюймѣ. Горы вычерчены перомъ по системѣ Лемана, такъ что это была первая наша съемка, на которой была принята эта новая система выраженія горъ.

Въ Оренбургскомъ краѣ и въ Сибири производились, въ разсма-

триваемый нами періодъ, по преимуществу, только рекогносцировки и маршрутныя съемки, удовлетворявшія требованіямъ минуты.

Изъ ряда этихъ работъ выдѣляются:

1) Рекогносцировки Свиты Его Величества по квартирмейстерской части полковника Берга, въ 1823 году, степи Малой киргизской орды, а въ 1825 году пространства между Аральскимъ и Каспійскимъ морями. На этихъ работахъ, кромѣ офицеровъ постороннихъ вѣдомствъ, участвовало шесть офицеровъ квартирмейстерской части; маршруты обнимаютъ около 1,600 верстъ.

2) Полуинструментальная съемка праваго фланга Сибирской линіи, отъ г. Омска до редута Алабугскаго, исполненная въ періодъ съ 1820 по 1825 годъ, на пространствѣ 41,852 квадратныхъ верстъ, подъ начальствомъ квартирмейстерской части генералъ-маіора барона Клодта-фонъ-Юргенсбурга и полковника Дьяконова. Съемка производилась въ масштабѣ 2 версты въ дюймѣ, а города, крѣпости, форпосты сняты въ масштабѣ 100 и 200 саженъ въ дюймѣ.

Что касается до работъ при отдѣльномъ Грузинскомъ корпусѣ, переименованномъ въ 1820 году въ отдѣльный Кавказскій корпусъ (*), то о нихъ имѣется очень мало свѣдѣній, вслѣдствіе полной самостоятельности и независимости, какою пользовался этотъ корпусъ съ назначеніемъ командиромъ его А. П. Ермолова, облеченнаго большою властію и довѣріемъ Императора Александра I. Тѣмъ не менѣе, извѣстны нѣкоторыя работы трехъ штабъ-офицеровъ квартирмейстерской части, служившихъ въ этомъ корпусѣ, а именно: полковниковъ Верховскаго, Коцебу (Морицъ Августовичъ) и Иванова. Подъ наблюденіемъ Верховскаго исполнена была 15-ти-верстная, подробная карта Грузіи съ присоединенными къ оной землями, отгравированная въ 1819 году. Карта эта была основана на съемкахъ и рекогносцировкахъ, произведенныхъ въ 1810 году подъ руководствомъ подполковника Буцковскаго и затѣмъ повѣренныхъ оберъ-квартирмейстеромъ Грузинскаго корпуса полковникомъ Ивановымъ (**). Послѣднему же А. П. Ермоловъ, вскорѣ по прибытіи своемъ на Кавказъ, поручилъ осмотрѣть Талышенское ханство, а въ то же время состоящимъ при

(*) Полное Собраніе Законовъ. Т. XXXVI, № 28,436. Сенатскій указъ 11-го октября 1820 года.

(**) Полковникъ Верховскій способный и боевой офицеръ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части; служба его на Кавказѣ хорошо цѣнилась А. П. Ермоловымъ, въ чемъ можетъ свидѣтельствовать приказъ по корпусу отъ 12-го мая 1820 года, гдѣ Верховскому объявлена благодарность за отличную распорядительность по начальствованію отрядомъ на зимнихъ квартирахъ въ Дагестанѣ. Вскорѣ послѣ того Верховскій былъ назначенъ командиромъ Куринскаго пѣхотнаго полка.

немъ квартирмейстерскимъ офицерамъ сдѣлать обозрѣніе границъ съ Персіею, такъ какъ до того времени объ этихъ мѣстностяхъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній (*). Что же касается до полковника М. А. Коцебу, то онъ извѣстенъ своими астрономическими познаніями; имъ опредѣлены, между прочимъ, въ 1817 и 1818 годахъ широта и долгота Тифлиса и еще трехъ другихъ пунктовъ въ Грузіи, а въ 1826 году представлена начальнику главнаго штаба особая записка о болѣе удобныхъ способахъ опредѣленія долготъ посредствомъ наблюденія прохожденія луны черезъ меридіанъ. Способъ этотъ былъ заимствованъ имъ отъ англійскихъ астрономовъ и по разсмотрѣніи въ военно-ученомъ комитетѣ признанъ наилучшимъ изъ всѣхъ тогда существовавшихъ; за представленіе этой записки Коцебу получилъ особую благодарность барона Дибича, исполнявшаго въ то время должность начальника главнаго штаба.

Наконецъ, по иниціативѣ же А. П. Ермолова снаряжена была въ 1819 году экспедиція съ Кавказа къ восточному берегу Каспійскаго моря, причемъ приданный отряду капитанъ генеральнаго штаба Н. Н. Муравьевъ долженъ былъ обозрѣть этотъ берегъ и отправиться въ Хиву, для открытія сношеній съ тамошнимъ ханомъ и для описанія страны. Съ большими трудностями Муравьевъ достигъ Хивы и хотя былъ принятъ ханомъ благосклонно, но ему не удалось установить на прочномъ основаніи наши торговыя сношенія съ этими странами. Единственнымъ результатомъ этой экспедиціи осталось прекрасное описаніе путешествія въ Туркменію и Хиву, изданное въ 1822 году въ Москвѣ и распросная карта Хивинскаго ханства въ масштабѣ $\frac{1}{4.500,000}$.

Въ заключеніе настоящаго очерка состоянія астрономическихъ и топографическихъ работъ къ концу царствованія Императора Александра I считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о важнѣйшихъ картографическихъ произведеніяхъ того времени, такъ какъ и это дѣло не обходилось безъ участія въ немъ квартирмейстерскаго вѣдомства. Назначеніе Ф. Ф. Шуберта сперва начальникомъ 3-го отдѣленія военно-топографическаго депо (по составленію и черченію картъ), а вскорѣ послѣ того и директоромъ депо (31-го марта 1825 года), неизбѣжно должно было повліять благопріятно на весь ходъ занятій этого учрежденія. Во время войны съ Наполеономъ депо имѣло очень много работы по изготовленію разныхъ картъ и плановъ, потребныхъ для арміи; занятія эти образовали у насъ

(*) Записки А. П. Ермолова.

граверовъ, пріучая ихъ къ спѣшной и точной работѣ. Съ окончаніемъ же войны, кромѣ обыкновенныхъ текущихъ работъ по изданію прежнихъ столистовой и дорожной картъ, представилась необходимость изготовлять еще новыя картографическія изданія изъ обильно поспѣвавшихъ со всѣхъ сторонъ матеріаловъ, добываемыхъ квартирмейстерскою частію. Такъ, въ послѣдніе годы царствованія Александра I изданы наиболѣе замѣчательныя картографическія произведенія:

1) Въ 1816 году—16 листовъ карты Царства Польскаго, дополнившіе, такъ называемую, столистовую карту Сухтелена, которая теперь имѣла всего 114 листовъ.

2) Въ томъ же году—четырехверстная военно-топографическая карта Крыма на шести листахъ, составленная квартирмейстерской части генералъ-маіоромъ Мухинымъ, верстовыя карты окрестностей Петербурга на 16-ти и Вильны на одномъ листѣ и 50-ти верстная карта Средней Азіи на девяти листахъ. По отдѣлкѣ болѣе замѣчательны первыя три карты и въ особенности карта Крыма, которая во многомъ можетъ служить образцомъ для гравировальнаго искусства даже въ настоящее время.

3) Въ 1819 году—карта Грузіи въ масштабѣ 15 верстъ въ дюймѣ.

4) Въ 1823 году—одноверстная топографическая карта окрестностей Москвы на четырехъ листахъ, о которой мы уже говорили при обзорѣ Московскаго учебнаго заведенія и снова упоминаемъ здѣсь, такъ какъ она была гравирована въ военно-топографическомъ депо.

Независимо отъ этихъ работъ, въ разсматриваемый нами періодъ предприняты весьма многія изданія, въ которыхъ не только самое составленіе ихъ, но и надзоръ за гравированіемъ принадлежалъ по преимуществу, квартирмейстерскимъ офицерамъ, составлявшимъ значительную часть чиновъ военно-топографическаго депо. Такъ, въ это время, именно съ 1821 года, приступлено было Ф. Ф. Шубертомъ къ составленію его столь извѣстной спеціальной 10-ти верстной карты, работы по которой, однако, пришлось пріостановить въ 1824 году, по недостатку офицеровъ и возможно было продолжать только уже въ 1826 году, когда въ распоряженіи Шуберта были всѣ силы депо; въ это же время готовилось новое изданіе военно-дорожной карты, карты окрестностей Краснаго Села и Петербурга, почтовой карты Европейской Россіи, планъ Петербурга и многія другія изданія, которымъ суждено было появиться уже въ слѣдующемъ періодѣ, при Императорѣ Николаѣ.

Изъ настоящаго очерка можно видѣть, что хотя въ первое пяти-

лѣтіе послѣ окончанія войнъ съ Наполеономъ многое было сдѣлано по геодезической и топографической части, но это многое все таки не соотвѣтствовало тому, къ чему стремились, что желали исполнить. Это былъ какой то особенный порывъ къ дѣятельности по этой части, вполнѣ одобряемый и поощряемый княземъ Волконскимъ, который не жалѣлъ средствъ на возможно скорѣйшее исполненіе всѣхъ обширныхъ своихъ преднамѣреній. Недоставало только рукъ для исполненія всего задуманнаго; недоставало преимущественно потому, что квартирмейстерское вѣдомство, на которое разсчитывали для этихъ работъ, было немногочисленно и къ тому же имѣло другого рода обязанности при войскахъ и по ученой части, отъ которыхъ не могло быть отрываемо безъ существенныхъ потерь для военнаго дѣла. Явилась потребность въ созданіи рабочей силы для этого дѣла и наиболѣе пригоднымъ источникомъ для нея представились военно-сиротскія отдѣленія, воспитанники которыхъ еще въ прошломъ столѣтіи употреблялись для межевыхъ, топографическихъ, чертежныхъ и картографическихъ работъ. Изъ этого источника и стали черпать: военно-топографическое депо пополняло изъ него своихъ граверовъ; штабы армій и отдѣльныхъ корпусовъ стали набирать себѣ оттуда же чертежниковъ; даже Московское учебное заведеніе имѣло кантонистовъ для чертежныхъ работъ по производимой имъ съемкѣ. Этому же примѣру послѣдовалъ, какъ мы видѣли, и Теннеръ, приступая къ топографической съемкѣ Виленской губерніи. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ воспитанниковъ военно-сиротскихъ отдѣленій подготовляли сперва къ предстоящимъ имъ занятіямъ и затѣмъ съ полнымъ успѣхомъ употребляли на разнаго рода работы, требуя, по преимуществу, одной механической исполнительности, подъ надзоромъ опытныхъ руководителей.

Успѣхъ этихъ отдѣльныхъ начинаній побудилъ князя Волконскаго обобщить ихъ, установивъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ привлеченіе кантонистовъ военно-сиротскихъ отдѣленій къ съемкамъ. Составленіе проекта подобнаго установленія онъ поручилъ генералу Шуберту, которымъ и было выработано положеніе о корпусѣ съемщиковъ и чертежниковъ, получившемъ названіе корпуса топографовъ. Положеніе это одобрено княземъ Волконскимъ и удостоилось Высочайшаго утвержденія 28 января 1822 года. Вскорѣ же послѣ того послѣдовало и дополненіе къ положенію, Высочайше утвержденное 14-го мая того же года (*).

На основаніи этихъ законоположеній, корпусъ топографовъ учреж-

(*) Полное собраніе законовъ 1822 года, №№ 28,901 и 29,038.

дался при главномъ штабѣ Его Императорскаго Величества и долженъ былъ состоять въ вѣдѣніи управляющаго квартирмейстерскою частію съ тою цѣлію, *чтобы успѣшнѣе могли производиться съемки государственныя во время мирное и обозрѣніе мѣстъ въ тылу армій въ военное*, на основаніи XIV отдѣленія учрежденія о большой дѣйствующей арміи.

Корпусъ долженъ былъ состоять изъ штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, называемыхъ топографами, численность его ничѣмъ не опредѣлялась, а могла быть увеличиваема по мѣрѣ надобности.

Офицеры корпуса имѣли мундиръ, линію производства и всѣ служебныя преимущества квартирмейстерскихъ офицеровъ, отъ которыхъ отличались только свѣтлосинею выпушкою и таковыми же клапанами на обшлагахъ.

Топографы должны были комплектоваться, по экзамену, изъ способнѣйшихъ кантонистовъ военно-сиротскихъ отдѣленій, притомъ же не изъ дворянъ, съ тою цѣлію, чтобы ихъ можно было долѣе удерживать на службѣ для образованія изъ нихъ вполнѣ надежныхъ съемщиковъ (*). Для поступленія въ топографы требовались слѣдующія познанія: ариѳметика, алгебра до уравненій 2-й степени, планиметрія, чистописаніе и рисованіе плановъ.

Топографамъ даны мундиръ по образцу колоновожатыхъ, но съ свѣтлосинею выпушкою и клапанами того же цвѣта, сабля и киверъ; на содержаніе имъ положено отпускать ежегодно на каждаго по 120 р. и провіантъ, а въ военное время, въ случаѣ похода, снабжать отъ казны верховыми лошадьми съ полнымъ уборомъ по образцу колоновожатыхъ, но съ свѣтлосинимъ, вмѣсто краснаго, сукномъ; тогда же опредѣлено производить имъ и фуражное довольствіе.

Всѣ топографы раздѣлялись на два класа, причемъ изъ втораго класа въ 1-й (высшій) производились не иначе, какъ за успѣхи въ наукахъ, послѣ строгаго испытанія; топографы 1-го класа получали унтеръ-офицерское званіе и галунъ. Званіе унтеръ-офицера могло быть жалуемо и топографамъ 2-го класа за хорошее поведеніе и прилежаніе къ наукамъ, но безъ галуна. Топографы 1-го класа, выслужившіе безпорочно унтеръ-офицерами 8 лѣтъ, и выдержавшіе особое испытаніе въ наукахъ, удостоивались производства въ офицеры корпуса топографовъ; за малые же успѣхи въ наукахъ могли быть обра-

(*) Такое желаніе правительства видно изъ отказа, сдѣланнаго на представленіе Теннера объ опредѣленіи въ топографы воспитанника изъ дворянъ.

щаемы изъ 1-го класа во 2-й, за дурное же поведеніе лишаемы унтеръ-офицерскаго званія и выписываемы рядовыми въ армію.

Для изученія топографами всѣхъ необходимыхъ имъ познаній, при корпусѣ учреждено двухкласное училище, а образованіе топографовъ, состоящихъ при арміяхъ и корпусахъ, возложено на офицеровъ, подъ наблюденіемъ генералъ-и оберъ-квартирмейстеровъ. Топографы же 1-го класа, состоящіе при войскахъ, не иначе могли быть производимы въ офицеры корпуса топографовъ, какъ по пробытіи послѣдняго года служенія ихъ унтеръ-офицерами въ Петербургскомъ училищѣ. Въ младшемъ класѣ училища назначено было преподавать: стереометрію, алгебру до уравненій 3-й степени, теорію и употребленіе логариѳмовъ, плоскую тригонометрію, низшую геодезію, особенно употребленіе мензулы, россійскую географію и основанія математической географіи, законъ Божій, русскую граматику, черченіе горъ съ моделей и теорію Лемана; сверхъ того, повтореніе всего требуемаго при пріемѣ.

Въ старшемъ же класѣ топографы обучались общей теоріи уравненій, сферической тригонометріи, основанію коническихъ сѣченій, всеобщей географіи, математической географіи во всемъ объемѣ, съ разными задачами на глобусѣ, высшей геодезіи или тригонометрической съемкѣ, закону Божію, русскому языку, преимущественно составленію рапортовъ разнаго рода, статистическихъ и топографическихъ описаній мѣстъ и т. под., черченію плановъ на камнѣ. Для преподаванія наукъ назначалось послѣобѣденное время, не болѣе трехъ часовъ въ день, а все утро посвящалось упражненіямъ въ чертежной. Лѣтомъ же одинъ мѣсяцъ посвящался занятіямъ младшаго класа топографическою, а старшаго тригонометрическою съемкою.

Оцѣнка на экзаменахъ производилась по 10-ти бальной системѣ, причемъ высшее общее число баловъ было 120; для перевода изъ младшаго класа въ старшій требовалось имѣть не менѣе 75, а для производства въ офицеры не менѣе 100 баловъ.

Наконецъ, кромѣ двухъ вышеуказанныхъ класовъ для топографовъ, положеніемъ опредѣлялось учредить еще особый класъ для офицеровъ корпуса, въ которомъ преподавались бы слѣдующіе предметы. 1) основаніе диференціальныхъ и интегральныхъ вычисленій; 2) исчисленіе большихъ тригонометрическихъ съемокъ, основанныхъ на предъидущихъ исчисленіяхъ и на коническихъ сѣченіяхъ; 3) теорія различныхъ проекцій картъ и особенно Флемстидовой, принятой для топографическихъ картъ; 4) теорія и практика опредѣленія широты и долготы мѣстъ, посредствомъ секстанта; 5) топографическая глазомѣрная съемка.

Однако, учрежденіе офицерскаго класа не состоялось, а съ 1824 года было замѣнено посылкою офицеровъ въ Дерптъ для слушанія лекцій астрономіи у тамошняго професора В. Струве. Въ первые годы были командируемы туда одни квартирмейстерскіе офицеры, а только уже съ 1830 года и офицеры корпуса топографовъ (*). Каждый курсъ астрономіи у В. Струве продолжался два года, послѣ чего слушавшіе его офицеры командировались на тригонометрическія работы.

Предположеніе о посылкѣ офицеровъ въ Дерптъ повело къ первымъ дополненіямъ въ учебной части училища: такъ какъ лекціи въ Дерптѣ читались на нѣмецкомъ языкѣ, то пришлось ввести преподаваніе этого языка въ училище топографовъ для того, чтобы доставить возможность кончающимъ въ немъ курсъ слушать курсъ астрономіи (**). Это было началомъ болѣе крупныхъ измѣненій въ учебной части училища, введенныхъ уже въ тридцатыхъ годахъ.

Непосредственное завѣдываніе всѣмъ корпусомъ топографовъ и училищемъ возлагалось на директора онаго, который долженъ былъ вести исправные списки всѣмъ топографамъ, какъ въ Петербургѣ находящимся, такъ и состоящимъ при арміяхъ и корпусахъ съ показаніемъ ихъ службы, успѣховъ въ наукахъ и поведенія. Для преподаванія же назначалось 7 учителей изъ квартирмейстерской части, офицеровъ корпуса или другихъ вѣдомствъ, по усмотрѣнію директора. Состоящіе въ училищѣ топографы помѣщались въ зданіи главнаго штаба.

Къ сожалѣнію, не имѣется никакихъ прямыхъ указаній на то, какіе именно виды имѣло правительство, учреждая корпусъ топографовъ. По непонятному стеченію обстоятельствъ, въ дѣлахъ не сохранилось ни первоначальнаго проекта объ учрежденіи этого корпуса, ни слѣдовъ доклада, при которомъ проектъ представлялся на Высочайшее утвержденіе. «Одинъ изъ старыхъ служакъ», говорится въ «Историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса топографовъ», «будучи очевидцемъ, разсказывалъ, что князь Волконскій, возвратясь съ утвержденнымъ уже положеніемъ, приказалъ сдѣлать по немъ необходимыя распоряженія, но докладъ, при которомъ оно представлялось и въ которомъ, надо полагать, были изложены всѣ доводы, послу-

(*) Съ 1824 года перебывали на курсѣ астрономіи въ Дерптѣ: гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Эссенъ и Свиты по квартирмейстерской части: капитаны: Врônченко, Обергъ, Механъ, Розеніусъ, штабсъ-капитаны: Ортенбергъ и баронъ Икскюль-фонъ-Гильденбандъ, и поручикъ Швидко, а корпуса топографовъ: поручики: Васильевъ, Горюповъ, Максимовъ и подпоручикъ Войновъ.

(**) Въ 1824 году.

жившіе основаніемъ новому учрежденію, князь сохранялъ въ глубочайшей тайнѣ, долго носилъ при себѣ, и потомъ сдѣлалъ изъ него неизвѣстно какое употребленіе».

Какъ ни странно это объясненіе изчезновенія всякихъ слѣдовъ учрежденія цѣлаго новаго вѣдомства, но приходится имъ довольствоваться, за неимѣніемъ другаго и, такъ сказать, ощупью, догадками, отыскивать разъясненіе самой постановки новаго созданнаго корпуса.

Вглядываясь въ положеніе о корпусѣ топографовъ и особенно въ первоначальныя распоряженія по оному, можно положительно придти къ такому заключенію, что имъ ничего не было создано новаго, а только придана законная форма тому, что дѣлалось до того, какъ бы частнымъ образомъ. Положеніемъ установлялось, что для успѣшнѣйшаго производства государственныхъ съемокъ и разныхъ работъ въ военное время, выдѣляется неопредѣленное число кантонистовъ и офицеровъ. Но это самое дѣлалось и въ разное время до 1822 года; кантонистамъ, получающимъ названіе топографовъ, дается образованіе, соотвѣтственное предстоящимъ имъ служебнымъ занятіямъ, что также дѣлалось прежде. Но вотъ новое: для поощренія занятій топографовъ, имъ представляется перспектива, что за 10 лѣтнее унтеръофицерство, при выдержаніи строгаго экзамена, они могутъ попасть офицерами въ корпусъ топографовъ, приравненный по правамъ къ квартирмейстерскому вѣдомству.

Независимо отъ того, устанавливается комплектованіе корпуса топографовъ офицерами, посредствомъ перевода по экзамену изъ другихъ вѣдомствъ. Повидимому, правительство, учреждая корпусъ топографовъ, не желало имѣть въ немъ большое число офицеровъ, а въ особенности произведенныхъ изъ топографовъ, вовсе не имѣвшихъ образованія. Такъ, въ первый годъ по учрежденіи корпуса, зачислено было въ топографы 144 воспитанника военно-сиротскихъ отдѣленій и только 8 офицеровъ, къ которымъ въ послѣдующіе два года прибавилось лишь двое (*). Офицеры эти были переведены въ корпусъ топографовъ по собственному желанію изъ квартирмейстерской части (7) и изъ артилеріи (3). Затѣмъ, въ 1825 году, по экзамену изъ топографскаго училища было произведено въ прапорщики корпуса

(*) Въ 1822 году: изъ квартирмейстерской части: штабсъ-капитаны: Бахтистовъ и Меденцовъ, поручики: Меркушинъ, Верховитиновъ и Безкорниловичъ подпоручики: Мѣдниковъ и Позняковъ, а изъ артилеріи: подпоручикъ Свѣчинъ; въ 1823 и 1824 годахъ: прапорщикъ Константиновъ—изъ отставныхъ артилерійскихъ офицеровъ и подпоручикъ Носковъ изъ артилеріи.

топографовъ только 8 отличнѣйшихъ учениковъ (*), выслужившихъ 10 лѣтъ унтеръ-офицерами, такъ что къ 1-му января 1826 года, за выходомъ одного офицера, корпусъ топографовъ имѣлъ въ своемъ составѣ всего только 17 офицеровъ. Такое умѣренное комплектованіе корпуса продолжалось и въ слѣдующіе два года до Турецкой войны, послѣ которой численность офицеровъ корпуса топографовъ стала довольно быстро возрастать, усиливаясь при томъ же изъ источника, на который не имѣется вовсе указаній въ первоначальномъ положеніи.

Первоначальное устройство, данное корпусу топографовъ, представляло много существенныхъ выгодъ, которыя главнѣйше были слѣдствіемъ тѣснаго сближенія новаго учрежденія съ квартирмейстерскою частію, а также и существовавшихъ въ то время длинныхъ сроковъ выслуги до офицерскаго чина.

Съ зачисленіемъ лучшихъ воспитанниковъ военно-сиротскихъ отдѣленій въ топографы, получился отличный матеріалъ для подготовки хорошихъ съемщиковъ; соединеніе же корпуса топографовъ съ квартирмейстерскою частію, въ средѣ которой находилось много офицеровъ съ хорошимъ математическимъ образованіемъ и вполнѣ опытныхъ въ дѣлѣ производства съемокъ, доставило возможность дать молодымъ топографамъ отличныхъ руководителей, которые въ короткое время выработали изъ нихъ прекрасную рабочую силу для съемокъ. Къ тому же квартирмейстерскіе офицеры послужили первымъ основаніемъ офицерскимъ чинамъ корпуса топографовъ; они же стали во главѣ корпуса и учрежденной при немъ школы. Генералъ Шубертъ былъ назначенъ директоромъ корпуса; квартирмейстерской части подполковникъ Галяминъ, капитанъ Тарасовъ, поручики Скалонъ 1-й и Корниловичъ 2-й были первыми преподавателями въ школѣ топографовъ. Естественно, что такое сліяніе корпуса топографовъ съ квартирмейстерскою частію должно было сразу поставить офицеровъ корпуса въ весьма почетное положеніе.

Съ другой стороны, обязательность продолжительной выслуги до офицерскаго чина доставляла возможность имѣть дешевыхъ, опыт-

(*) Въ «Историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ» показано, что въ первый выпускъ изъ училища, въ 1825 году, произведено въ офицеры корпуса 12 воспитанниковъ, но это, очевидно, ошибка, потому что въ спискѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ корпуса, поступившихъ въ оный со времени его учрежденія, записано только восемь офицеровъ, произведенныхъ въ 1825 году по экзамену въ прапорщики корпуса, а именно: Воробьевъ 2-й (Петръ), Паршевъ, Оверинъ, Обручешниковъ, Павловъ, Воробьевъ (Степанъ), Козьминъ и Федоровъ.

ныхъ и искусныхъ рабочихъ для съемокъ; топографы, оставаясь па съемкѣ по 8 и болѣе лѣтъ до производства въ офицеры, практикуясь лѣтомъ въ полѣ, а зимою въ чертежной, пріобрѣтали дѣйствительно рѣдкій навыкъ въ своей спеціальности, что и дало возможность исполнить ту массу топографическихъ работъ, которая поражаетъ своей громадностію и притомъ изяществомъ отдѣлки. О дешевизнѣ этого учрежденія, въ особенности въ тотъ періодъ его существованія, пока въ немъ главную рабочую силу составляли нижніе чины, и говорить нечего.

Конечно, какъ и во всемъ, въ учрежденіи корпуса топографовъ были своего рода неудобства, которыя, впрочемъ, высказались лишь впослѣдствіи, а не въ первые годы его существованія. Объ нихъ намъ придется сказать въ одной изъ слѣдующихъ главъ, теперь же, оставаясь въ предѣлахъ обзора событій разсматриваемаго періода, скажемъ, что при распредѣленіи чиновъ корпуса топографовъ офицеры онаго остались при своихъ же должностяхъ, которыя они занимали до перевода въ корпусъ, большей частію при военно-топографическомъ депо; нижніе же чины (топографы) были распредѣлены такъ, что изъ общаго числа ихъ, 54 человѣка состояли на съемкахъ, считая въ томъ числѣ и 18, находившихся при Московскомъ учебномъ заведеніи для тамошней съемки, 49 человѣкъ при штабахъ армій и корпусовъ, а остальные 41 при военно-топографическомъ депо; изъ числа послѣднихъ 37 были зачислены въ школу топографовъ, открытую 22-го октября 1822 года, а именно: 20 человѣкъ въ старшій и 17 въ младшій классъ.

Все это число топографовъ поступило, такъ сказать, въ обученіе къ офицерамъ квартирмейстерской части, которымъ не мало, конечно, довелось приложить труда и старанія, чтобы образовать изъ нихъ хорошихъ, вполнѣ самостоятельныхъ съемщиковъ. Результаты этихъ трудовъ могли выказаться лишь впослѣдствіи, почему всѣ работы тригонометрическія и топографическія, совершенныя въ разсматриваемомъ нами періодѣ, также какъ и самое образованіе корпуса топографовъ, должны вполнѣ считаться принадлежностію нашего генеральнаго штаба.

Независимо отъ всѣхъ вышепоименованныхъ работъ, офицеры квартирмейстерской части, послѣ окончанія войнъ съ Наполеономъ, участвовали въ нѣкоторыхъ капитальныхъ ученыхъ работахъ, о которыхъ, къ сожалѣнію, по большей части сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія, такъ какъ сами работы, частію были оставлены впослѣдствіи, частію же затерялись въ нашихъ архивахъ.

Такъ, первые годы послѣ возвращенія нашихъ войскъ изъ заграничнаго похода были употреблены на приведеніе въ порядокъ военныхъ журналовъ за прошедшіе года, со всѣми къ нимъ приложеніями. Барономъ Толемъ предпринято было, въ 1816 году, описаніе кампаніи 1812 года и съемка всѣхъ мѣстностей, на которыхъ происходили какія-либо встрѣчи съ непріятелемъ въ эту замѣчательную эпоху. Генераломъ Гартингомъ и офицерами 1-й арміи составлено было описаніе кампаніи 1815 года съ планами; многіе чины квартирмейстерскаго вѣдомства трудились надъ обработкою картъ Силезіи, Тюрингіи, Польши и Франціи, вообще тѣхъ мѣстностей, которыя были ознаменованы дѣйствіями нашихъ войскъ. Но слѣды всѣхъ этихъ работъ сохранились лишь въ приказахъ по квартирмейстерской части, гдѣ неоднократно объявлялись участникамъ ихъ Высочайшія награды и благодарность князя Волконскаго, да еще въ нѣкоторыхъ указаніяхъ нашихъ позднѣйшихъ историковъ. Изъ этихъ же приказовъ по квартирмейстерской части узнаемъ и о нѣкоторыхъ другихъ работахъ чиновъ этого вѣдомства, которыя, къ сожалѣнію, не дошли до насъ. Такъ, въ 1818 году была отпечатана при управленіи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества «Памятная книга для военно-служащихъ», разосланная тогда же безплатно всѣмъ офицерамъ квартирмейстерской части, но сдѣлавшаяся теперь большой библіографической рѣдкостію. Въ 1816 году объявлена была благодарность князя Волконскаго за представленныя рукописи: 1) гвардейскаго генеральнаго штаба полковнику Муравьеву 1-му (Александръ Николаевичъ), штабсъ-капитану Муравьеву 2-му (Николай Николаевичъ) и подпоручику Бурцову, за составленное ими «Военное описаніе дороги изъ Петербурга черезъ Нарву, Псковъ и Динабургъ въ Вильну, а изъ Динабурга и въ Вилькомиръ», въ которомъ, какъ сказано въ приказѣ, сдѣланы разныя замѣчанія, относящіяся къ должности офицера генеральнаго штаба и 2) гвардейскаго же генеральнаго штаба поручику Муравьеву 5-му (Михаилъ Николаевичъ), за составленное имъ и принесенное въ даръ военно-топографическому депо «Описаніе кавказскихъ народностей», которыя онъ имѣлъ возможность изучить, находясь два года на съемкѣ тамошнихъ мѣстъ.

Столь же мало извѣстна и обширная по плану работа, возложенная княземъ Волконскимъ на квартирмейстерскихъ офицеровъ въ 1818 году, по составленію общаго свода всѣхъ свѣдѣній о военныхъ силахъ европейскихъ государствъ. Сводъ этотъ долженъ былъ заключать въ себѣ двѣ главныя рубрики: крѣпости и войска; въ него должны были войти свѣдѣнія о слѣдующихъ государствахъ: Швеціи,

Даніи, Прусіи, Австріи, Германіи, Голландіи, Франціи, государствъ Итальянскаго полуострова, Турціи, Семи Соединенныхъ Острововъ (Іоническихъ), Англіи и Швейцаріи. Описаніе каждаго государства должно было представлять особую статью, такъ, чтобы можно было имѣющіяся свѣдѣнія дополнять вновь получаемыми изъ-за границы. Къ отдѣлу о крѣпостяхъ слѣдовало прилагать опись всѣхъ сочиненій и статей, въ которыхъ описывались осады этихъ крѣпостей (*). Имѣя указанія лишь о томъ, что предписано было составить подобный сборникъ, мы ничего не можемъ сказать какъ въ дѣйствительности исполнялась эта работа и даже была ли она осуществлена.

Такъ какъ свѣдѣнія о военныхъ силахъ иностранныхъ государствъ должны были получаться изъ-за границы, то со стороны князя Волконскаго были приняты мѣры къ облегченію этого дѣла. Съ этой цѣлію онъ не упускалъ представлявшихся случаевъ, чтобы вводить, по возможности, квартирмейстерскихъ офицеровъ въ среду дипломатическаго корпуса, въ качествѣ военныхъ агентовъ. Первый опытъ къ тому былъ сдѣланъ на восточныхъ окраинахъ Имперіи, гдѣ квартирмейстерскіе офицеры нерѣдко были посылаемы съ разными дипломатическими порученіями въ Хиву и Бухару; при посольствѣ А. П. Ермолова въ 1816 году въ Персію состояло семь офицеровъ квартирмейстерской части и двое колоновожатыхъ; затѣмъ, въ 1824 году была отправлена военная миссія изъ четырехъ офицеровъ къ нашему посольству въ Константинополѣ, а прежде того еще въ 1820 году, квартирмейстерской части подпоручикъ Вильбоа былъ командированъ къ нашему посольству въ Баварію, а флигель-адъютантъ полковникъ Д. П. Бутурлинъ состоялъ въ качествѣ военнаго агента въ Парижѣ и даже находился въ 1823 году, при французской арміи, дѣйствовавшей въ Испаніи. Наконецъ, нѣсколько высшихъ чиновъ квартирмейстерской части, какъ уже сказано выше, были прямо употребляемы по дипломатической части.

Нѣсколько болѣе свѣдѣній имѣется о трудахъ квартирмейстерской части по другой капитальной работѣ, именно по описанію всѣхъ войнъ, происходившихъ со времени Петра Великаго между Россіею и Турціею. Первоначальный починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ начальнику штаба 2-й арміи, генералъ-адъютанту П. Д. Киселеву, который, желая доставить занятіе квартирмейстерскимъ офицерамъ, состоявшимъ при арміи, а также и въ виду заблаговременной подготовки

(*) Предписаніе князя Волконскаго генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба Его Императорскаго Величества, барону Толю, отъ 6-го марта 1818 г., въ секретномъ архивѣ канцеляріи военнаго министерства.

среди мира всѣхъ свѣдѣній, какія могли бы потребоваться въ случаѣ разрыва съ Турціею, предпринялъ въ 1816 году составленіе «Полнаго историческаго начертанія всѣхъ съ турецкою державою военныхъ дѣйствій отъ временъ Петра Великаго до послѣдняго мира» (Бухарестскій въ 1812 году). По выработанной имъ же програмѣ трудъ этотъ долженъ былъ заключать въ себѣ слѣдующее:

1) Статистическое описаніе края, въ которое должны были входить также и военно-топографическія свѣдѣнія о немъ;

2) Способы продовольствія при началѣ каждаго похода и въ продолженіи его;

3) Сборныя мѣста на границахъ;

4) Движенія колоннъ съ описаніемъ, какъ препятствій, встрѣчавшихся имъ, такъ и средствъ къ ихъ преодолѣнію;

5) Встрѣчи съ непріятелями, сраженія и послѣдствія оныхъ;

6) Осады крѣпостей;

7) Планы кампаніи, представленные главнокомандующимъ и наставленія, данныя правительствомъ.

Планъ этотъ былъ утвержденъ княземъ Волконскимъ, который разрѣшилъ Киселеву обращаться за матеріалами для этого труда во всѣ архивы Петербурга, Москвы и особенно южно-русскихъ крѣпостей, гдѣ, конечно, хранилось наибольшее число бумагъ, относящихся до турецкихъ войнъ; при этомъ постановлено было, чтобы всѣ болѣе важныя бумаги, относящіяся до военныхъ дѣйствій, были пересылаемы для дальнѣйшаго храненія въ архивъ военно-топографическаго депо.

Непосредственное завѣдываніе этой работой Киселевъ возложилъ на своего адъютанта, гвардіи капитана Бурцева (*), въ вѣдѣніи котораго сосредоточивались всѣ доставляемые въ штабъ 2-й арміи матеріалы. Въ пять лѣтъ, съ 1817 по 1822 годъ, многое было уже сдѣлано: пересмотрѣны и разобраны архивы Измаила, Бендеръ, Хотина, Херсона, Николаева, Перекопа, получены были многія свѣдѣнія отъ заграничныхъ консуловъ нашихъ, находившихся въ предѣлахъ Турціи и вообще отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, от-

(*) Иванъ Григорьевичъ Бурцевъ принадлежалъ къ обществу математиковъ; въ 1812 году произведенъ въ прапорщики арміи съ назначеніемъ состоять по квартирмейстерской части, въ которую былъ переведенъ въ 1813 году; затѣмъ, находился адъютантомъ при Киселевѣ, а въ 1822 году, снова переведенъ въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, съ производствомъ въ полковники и съ назначеніемъ начальникомъ канцеляріи начальника штаба 2-й арміи. Въ 1824 году назначенъ командиромъ Украинскаго пѣхотнаго полка, а въ 1829 году убитъ подъ Байбуртомъ, въ чинѣ генералъ-маіора.

крыты сношенія съ многими участниками турецкихъ войнъ, а также съ наслѣдниками уже умершихъ, сдѣланы многія извлеченія изъ петербургскихъ архивовъ. Изъ лицъ, трудившихся по этой части, извѣстно, что генералъ-квартирмейстеръ 2-й арміи Хоментовскій завѣдывалъ составленіемъ карты театра турецкихъ войнъ, квартирмейстерской же части молодые офицеры: Петровъ, Басаргинъ, Гасфортъ, баронъ Ребиндеръ, и гражданскіе чиновники: Алексѣевъ, Михайловскій, Павлищевъ, были наиболѣе дѣятельными тружениками по разборкѣ архивовъ и группировкѣ собираемыхъ матеріаловъ.

Предположенія свои о задуманной работѣ П. Д. Киселевъ сообщилъ на разсмотрѣніе разныхъ компетентныхъ лицъ и отовсюду получалъ самые одобрительные отзывы, изъ числа которыхъ особаго вниманія заслуживаютъ мнѣнія барона Дибича и Е. Ф. Канкрина (*). Дибичъ очень заинтересовался работой, предпринятой при штабѣ 2-й арміи и, какъ видно изъ письма къ нему Киселева, еще въ 1819 году былъ занятъ вопросомъ о томъ, въ какой степени, дѣйствительно, Балканы могутъ считаться непроходимыми, что ему пришлось лично разрѣшить на дѣлѣ десять лѣтъ спустя (**). Что касается до Е. Ф. Канкрина, то онъ, считая предпріятіе Киселева наиполезнѣйшимъ и вполнѣ необходимымъ, дѣлаетъ нѣсколько дополненій къ разсмотрѣнной имъ програмѣ, но тѣмъ не менѣе предсказываетъ всей работѣ неуспѣхъ, какъ потому, что послѣ наполеоновскихъ войнъ всѣ увлечены только большими стратегическими комбинаціями, а не изученіемъ техники военнаго дѣла, такъ еще болѣе вслѣдствіе того, что значеніе, придававаемое въ то время фронтовымъ занятіямъ, вполнѣ заглушало военную науку, отодвигая ее на второй планъ (***).

Къ сожалѣнію, мрачнымъ предсказаніямъ Канкрина суждено было сбыться, отчасти, конечно, отъ указанныхъ имъ причинъ, но еще болѣе вслѣдствіе малаго сочувствія и даже противодѣйствія, выказанныхъ этой работѣ со стороны нѣкоторыхъ лицъ, занимавшихъ видныя мѣста въ квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ.

(*) Егоръ Францовичъ Канкринъ изъ Ганау, съ обширнымъ и многостороннимъ образованіемъ, вступилъ въ русскую службу, былъ въ 1812 году генералъ-интендантомъ нашихъ армій, а съ 1823 года министромъ финансовъ, въ званіи котораго оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1845 году. Въ царствованіе Императора Николая возведенъ въ графское достоинство.

(**) Извлеченіе изъ письма П. Д. Киселева къ барону Дибичу отъ 5-го августа 1819 года. Военно-ученый архивъ главнаго штаба, I отдѣленіе, № 391.

(***) Въ высшей степени интересную по своей оригинальности записку Е. Ф. Канкрина относительно описанія походовъ противъ турокъ приводимъ въ приложеніи, сохраняя вполнѣ ея орфографію.

Еще въ 1819 году, Толь и Селявинъ, эти два ближайшіе помощника князя Волконскаго, выказали свое нежеланіе помочь работамъ, производимымъ при штабѣ 2-й арміи. Когда Киселевъ просилъ о доставленіи ему нѣкоторыхъ дѣлъ и плановъ, хранившихся въ военно-топографическомъ депо, то ему отвѣчали, что высылать ихъ нельзя, а списывать и перечерчивать некому, почему надлежитъ особо поручить это кому-либо. Вслѣдствіе того, Киселевъ командировалъ въ 1822 году въ Петербургъ поручика Петрова и двухъ чиновниковъ, которымъ оказано было всякое содѣйствіе отъ дежурнаго генерала Закревскаго и отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, для ознакомленія съ архивами этихъ вѣдомствъ, но труднѣе всего было получить что-либо именно изъ военно-топографическаго депо. Трудности эти были слѣдствіемъ того, что въ это же время, въ управленіи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества, производились также значительныя работы по изученію турецкихъ войнъ. Письмомъ отъ 26-го января 1822 года за № 4 (*), баронъ Толь извѣстилъ Киселева, что предположеніе послѣдняго относительно описанія походовъ «Россіянъ противъ Порты» приводится и отчасти уже приведено въ исполненіе въ С.-Петербургѣ, а именно:

1) Сочиняется на 24-хъ листахъ генеральная карта театра войны всѣхъ турецкихъ владѣній съ прилежащими къ нимъ землями, составляемая изъ новѣйшихъ достовѣрныхъ свѣдѣній и картъ россійскихъ и иностранныхъ, и основанная на астрономическихъ наблюденіяхъ съ 1816 по 1821 годъ.

2) Сочиняется топографическая карта частей Бесарабіи, Молдавіи, Валахіи и Булгаріи на 22-хъ листахъ, составленная изъ военныхъ обозрѣній, произведенныхъ офицерами квартирмейстерской части въ теченіе последней Турецкой войны. Одиннадцать листовъ этой карты были уже готовы и въ десяти экземплярахъ тогда же посланы Киселеву.

3) Окончены и въ печати военно-топографическія описанія дорогъ отъ береговъ Дуная въ Константинополь, а именно: дороги отъ Рущука черезъ Шумлу и Адріанополь и отъ Галаца черезъ Праводы и Арабабургасъ, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ генеральнаго штаба полковникомъ Леномъ, сопровождавшимъ въ 1792 году наше посольство въ Турцію, и исправленныхъ по новѣйшимъ матеріаламъ, а дороги отъ Исакчи черезъ Бабадагъ, Варну, Бургасъ и Мидію, по описанію, доставленному гвардейскаго генеральнаго штаба капитаномъ

(*) Военно-ученый архивъ главнаго штаба, I отдѣленіе, № 394.

Бергомъ, во время обратнаго пути его изъ Константинополя въ Измаилъ, въ 1819 году.

4) Окончено и въ печати краткое описаніе всѣхъ походовъ, бывшихъ противъ Порты Отоманской съ 1769 по 1812 годъ, составленное флигель-адъютантомъ полковникомъ Бутурлинымъ (*).

Къ этому баронъ Толь присовокуплялъ, что войны Петра Великаго противъ турокъ уже описаны съ надлежащею подробностію Бутурлинымъ же въ его «Военной Исторіи походовъ Россіянъ въ XVIII столѣтіи», а миниховы походы также имъ окончены, но еще не напечатаны. «Къ тому же, прибавлялъ Толь, ваше превосходительство можетъ быть согласитесь со мною, что сіи послѣдніе походы, какъ по тогдашнему театру войны, образованію и тактикѣ нашихъ войскъ, такъ и по недостаточнымъ понятіямъ самыхъ полководцевъ о военномъ искусствѣ, не могутъ быть для насъ поучительны». А между тѣмъ, въ это самое время, при штабѣ 2-й арміи, поручикъ Басаргинъ составлялъ уже описаніе походовъ Миниха, которымъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ указаніямъ, Киселевъ придавалъ не малое значеніе, особенно въ административномъ отношеніи.

Въ заключеніе своего письма, баронъ Толь сообщалъ, что свѣдѣнія относительно всѣхъ прочихъ предметовъ, долженствовавшихъ поступить въ составъ предположеннаго Киселевымъ сочиненія, могутъ быть почерпаемы изъ источниковъ, имѣющихся при главномъ штабѣ.

Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это письмо на Киселева и на всѣхъ трудившихся по его почину при второй арміи; неизвѣстно былъ ли отвѣтъ на это письмо, но сохранилась черновая замѣтка Киселева, написанная видимо въ защиту предпринятой имъ работы: въ ней, между прочимъ, говорится, что особенно въ войнѣ противъ турокъ недостаточны одни теоретическія познанія, а болѣе важны уроки опыта, указывающіе, что было и можетъ быть полезнымъ и вреднымъ на самомъ дѣлѣ. Опытъ же этотъ извлекается изъ подробнаго и обстоятельнаго изученія всѣхъ распоряженій не только главнокомандующихъ, но и прочихъ генераловъ, что и имѣлось въ виду въ сочиненіи, задуманномъ Киселевымъ.

Затѣмъ, въ запискѣ указывается, что особенно важное значеніе имѣетъ изученіе продовольствія войскъ и сбереженія оныхъ, всякаго

(*) Сочиненіе это не слѣдуетъ смѣшивать съ большимъ сочиненіемъ Бутурлина: «Картина войнъ Россіи съ Турціею, въ царствованіе Императрицы Екатерины II и Императора Александра I», которое издано было уже въ 1829 году; упоминаемое же здѣсь краткое описаніе этихъ войнъ было напечатано въ 1822 году, всего въ пятидесяти экземплярахъ и вовсе не предназначалось для продажи.

рода медицинскія свѣдѣнія, указанія на счетъ средствъ расположенія войскъ квартирами и биваками, устройство этаповъ, транспортовъ и т. п.

Мысль Киселева о подобномъ изученіи турецкихъ войнъ замѣчательна въ томъ отношеніи, что она опередила тогдашнія понятія о военномъ дѣлѣ, по которымъ всѣ мелочи военной техники не обращали на себя вниманія; тогдашнее общество находилось вполнѣ подъ обаяніемъ Жомини, и его стратегическихъ ученій; это отразилось, какъ нельзя болѣе, на нашей военной литературѣ этой эпохи. Какъ ни бѣдна она, но все таки въ ней замѣтно преобладаніе сочиненій, носящихъ громкія заглавія: «картина войны или войнъ», «взглядъ на кампанію», «стратегическія разсужденія о военныхъ дѣйствіяхъ». Задуманный же Киселовымъ трудъ шелъ въ разрѣзъ съ этими установившимися понятіями, почему и не имѣлъ успѣха, встрѣтивъ несочувствіе именно въ высшихъ представителяхъ квартирмейстерской части. Корень этого несочувствія безспорно лежалъ въ различіи взглядовъ на военную исторію и ея значеніе; но, съ другой стороны, можно заподозрить въ этомъ дѣлѣ участіе и личныхъ отношеній. Квартирмейстерское вѣдомство пріобрѣтало въ это время уже нѣкоторую сплоченность, духъ корпораціи, оно начинало смотрѣть на нѣкоторыя должности, какъ на неотъемлемо ему принадлежащія, въ томъ числѣ, конечно, на должности начальниковъ штабовъ корпусовъ и армій. И дѣйствительно, большинство этихъ должностей было занято чинами квартирмейстерскаго вѣдомства; носило мундиръ генеральнаго штаба; если назначались начальниками штабовъ лица другихъ вѣдомствъ, обратившія на себя вниманіе своими заслугами и способностями, то имъ, какъ бы въ награду, давали мундиръ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части (*). Естественно, что на начальниковъ штабовъ, не имѣвшихъ этого мундира, квартирмейстерская часть смотрѣла, какъ на чужихъ для нея людей и относилась вообще ко всѣмъ ихъ начинаніямъ крайне сдержано, чтобы не сказать враждебно. П. Д. Киселѣвъ, по своей прошедшей службѣ, не принадлежалъ къ квартирмейстерской части, въ которую былъ зачисленъ только въ 1819 году, послѣ назначенія начальникомъ штаба 2-й арміи, вслѣдствіе особаго довѣрія и расположенія къ нему Императора Александра; возвышеніемъ этимъ онъ сталъ какъ бы поперегъ дороги Толя, который могъ считать себя ближайшимъ кандидатомъ на эту должность. Отсюда и личное нерасположеніе между этими лицами, неодно-

(*) Мундиръ генеральнаго штаба всѣмъ начальникамъ корпусныхъ штабовъ данъ только въ 1835 году.

кратно проявлявшееся и имѣвшее, конечно, вліяніе на самый успѣхъ ихъ служебныхъ обязанностей.

Извѣстно, какимъ оживленіемъ русской мысли и литературы ознаменовалось послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I. Стоитъ вспомнить, что къ этому времени относятся лучшія произведенія Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Гнѣдича, Крылова; начало литературнаго поприща А. С. Пушкина, основаніе многочисленныхъ журналовъ («Русскаго Вѣстника», «Вѣстника Европы», «Сына Отечества», «Отечественныхъ Записокъ») и многихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ; этому общему движенію не было чуждо и военное общество, а конечно и квартирмейстерское, служившее представителемъ наиболѣе образованной и развитой части нашей арміи. И въ немъ также были свои ученыя общества и кружки, свои періодическія изданія, свои писатели и даже поэты. Въ Петербургѣ, съ почина начальника штаба Гвардейскаго корпуса, генералъ-маіора Николая Мартемьяновича Сипягина, составилось «общество любителей военныхъ наукъ», издававшее три года, съ 1817 по 1819 г., «Военный Журналъ», богатый любопытными статьями (*). При штабахъ обѣихъ армій, въ Могилевѣ и Тульчинѣ, изъ штабныхъ лицъ образовались кружки, которые посвящали много времени чтенію, бесѣдамъ, взаимному самообразованію. Въ тѣ времена картежная игра далеко не занимала въ нашемъ обществѣ такого виднаго мѣста, какое суждено было ей занять впослѣдствіи; офицеры, возвратившіеся изъ заграничнаго похода, навезли съ собою множество книгъ нѣмецкихъ и по преимуществу французскихъ, привезли немалую долю опыта и наблюдательности надъ видѣннымъ, почему чтеніе, бесѣды и обсужденіе прочитаннаго занимали наиболѣе времени въ средѣ штабныхъ кружковъ. Къ тому же, большое вліяніе на всѣхъ штабныхъ, особенно же на младшихъ чиновъ, имѣлъ примѣръ высшихъ начальниковъ, пользовавшихся полнѣйшимъ уваженіемъ за свои личныя качества. Въ особенности это было замѣтно въ 1-й арміи, гдѣ личности самаго главнокомандующаго—Барклая-де-Толли, начальника штаба—барона Дибича и генералъ-квартирмейстера—Гартинга вполнѣ импонировали своей ученостью и серьезнымъ направленіемъ. Возлѣ нихъ группировался многочисленный штабъ, въ средѣ котораго рѣзко выдѣлялись тогда по своимъ способностямъ Гасфортъ, Веймарнъ (Петръ Федоровичъ) и князь Горчаковъ (Михаилъ Дмитріевичъ).

(*) «Императоръ Александръ I и его сподвижники»,—біографія генералъ-лейтенанта Н. М. Сипягина. Къ сожалѣнію, въ архивѣ вовсе не сохранилось слѣдовъ существованія этого нашего перваго и почти единственнаго военноученаго общества.

Три вечера въ недѣлю всѣ принадлежавшіе къ главной квартирѣ обязательно собирались у главнокомандующаго, гдѣ обыкновенно устраивались танцы, разныя игры; или же велась оживленная бесѣда. Всѣ прочіе вечера были также разобраны, но вообще на этихъ собраніяхъ дамы не имѣли первенствующей роли, картъ также не было, а по преимуществу устраивались чтенія и бесѣды о прочитанномъ и видѣнномъ. Симпатичная личность Гартинга, этого высокообразованнаго, глубоко свѣдущаго и вполнѣ религіознаго человѣка, давала какъ бы общій тонъ всему обществу квартирмейстерскаго вѣдомства 1-й арміи (*).

Во 2-й арміи штабъ былъ малочисленнѣе, самъ главнокомандующій, князь Витгенштейнъ, не жилъ въ Тульчинѣ, генералъ-квартирмейстеръ Хоментовскій, утомленный походами и службою, не имѣлъ уже достаточной энергіи, чтобы вліять на штабное общество, но зато начальникъ штаба, П. Д. Киселевъ, все восполнялъ собою. Довершивъ своими собственными трудами свое образованіе, глубоко сознавая всю его необходимость, Киселевъ старался всячески поддерживать стремленіе къ нему и въ своихъ подчиненныхъ. Въ этихъ видахъ, онъ предпринялъ составленіе описанія турецкихъ войнъ, въ этихъ же видахъ онъ самъ посѣщалъ нерѣдко частныя собранія офицеровъ, бесѣдовалъ съ собиравшимися, стараясь возбудить и поддержать въ нихъ охоту къ чтенію (**). Здѣсь же, въ Тульчинѣ, прошла почти вся служба произведеннаго въ 1817 году изъ колоновожатыхъ въ прапорщики Свиты по квартирмейстерской части Александра Федоровича Вельтмана, имя котораго извѣстно въ нашей литературѣ, какъ беллетриста и ученаго историческаго изслѣдователя. Дѣятельно прослуживъ при 2-й арміи болѣе десяти лѣтъ, получивъ за Кулевчу чинъ капитана, онъ, въ 1831 году, вышелъ за болѣзнію въ отставку, и окончательно посвятилъ себя литературѣ (***).

Появленіе съ 1813 года газеты «Русскій Инвалидъ», переданной въ 1816 году въ вѣдѣніе комитета, Высочайше учрежденнаго 18-го августа 1814 года, а также изданіе «Военнаго Журнала», должно было возбуждать дѣятельность офицеровъ къ литературнымъ занятіямъ и въ особенности привлекло очень многихъ офицеровъ квар-

---

(*) Georg von Bradke's eigene Aufzeichnungen über sein Leben.

(**) «XIX вѣкъ» историческій сборникъ П. Бартенева, —«Записки Басаргина», служившаго офицеромъ квартирмейстерской части при 2-й арміи, а затѣмъ адъютантомъ П. Д. Киселева.

(***) Вельтманъ былъ членомъ Московскаго и Одесскаго обществъ исторіи и древностей, членомъ комитета древностей Россійскаго государства, а съ 1852 до самой своей смерти, директоромъ оружейной палаты.

тирмейстерской части. Статьи послѣднихъ нерѣдко появлялись на страницахъ тогдашнихъ періодическихъ изданій, но почти всегда не подписанными, согласно съ тогдашнимъ обычаемъ; имена же другихъ сохранились въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, ими изданныхъ, и между ними наиболѣе извѣстны фамиліи: Чуйкевича, Д. П. Бутурлина, А. И. Хатова. Первый оставилъ двѣ брошюры, заключающія въ себѣ «стратегическія разсужденія о первыхъ дѣйствіяхъ Россіянъ за Дунаемъ и о войнѣ 1812 года», въ которыхъ прямо является послѣдователемъ стратегическихъ системъ Жомини. Болѣе плодовиты двое другихъ писателей, занимающихъ видное мѣсто въ нашей военной литературѣ и всецѣло принадлежащихъ нашему генеральному штабу.

Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, родился въ 1790 году; началъ службу въ кавалеріи, откуда въ 1812 году переведенъ подпоручикомъ въ квартирмейстерскую часть; былъ нѣкоторое время адъютантомъ при князѣ Волконскомъ, въ 1817 году пожалованъ флигель-адъютантомъ, а въ 1824 году, въ чинѣ генералъ-маіора, назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи, и въ этой же должности дѣлалъ съ Дибичемъ Турецкую кампанію (*). Сочиненія его писаны на французскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ гораздо лучше, чѣмъ своимъ роднымъ. По справедливости, его можно назвать нашимъ первымъ (по времени) военно-историческимъ писателемъ. Наиболѣе капитальныя его сочиненія: «Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII вѣкѣ», заключающая въ себѣ описаніе войнъ Петра I и Анны Іоанновны, «Очеркъ войнъ, веденныхъ противъ турокъ при Екатеринѣ II и Александрѣ I», «Исторія нашествія Наполеона на Россію въ 1812 году и картина осенней кампаніи 1813 года въ Германіи». Бутурлинъ принадлежалъ къ числу самыхъ горячихъ приверженцевъ и послѣдователей Жомини, что вполнѣ отражается на критической оцѣнкѣ описываемыхъ имъ военныхъ дѣйствій. Самыя описанія этихъ дѣйствій изложены отчетливо, но безъ всякихъ мелочныхъ подробностей, которыя столь необходимы для болѣе полной характеристики дѣйствующихъ лицъ и событій.

Александръ Ильичъ Хатовъ можетъ быть названъ переводчикомъ и дополнителемъ сочиненій Бутурлина, хотя извѣстенъ также и самостоятельными своими трудами. Вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ Безкорниловичемъ онъ составилъ и издалъ атласъ плановъ и картъ къ военной исторіи Бутурлина. Самостоятельныя его сочиненія имѣютъ

(*) Въ 1830 году Бутурлинъ перешелъ въ гражданскую службу и съ 1842 года былъ директоромъ Императорской публичной библіотеки; умеръ въ 1849 году.

преимущественно дидактическій характеръ, но и въ свое время не имѣли большаго значенія, а теперь вполнѣ уже забыты. Къ этого рода сочиненіямъ Хатова принадлежатъ: «Опытъ общей тактики» въ двухъ частяхъ, небольшая брошюра «О военной дисциплинѣ» и «Руководство молодымъ офицерамъ къ отправленію службы разнаго рода въ военное время», изданное имъ уже въ 1835 году.

Къ разсматриваемому же періоду времени относятся и первые труды, едва начинавшаго тогда свое литературное поприще, Александра Ивановича Михайловскаго-Данилевскаго.

Служба его, съ чина поручика до генерала (съ 1813 по 1823 годъ), принадлежитъ квартирмейстерской части, причемъ онъ почти все время состоялъ непосредственно при князѣ Волконскомъ, а съ 1816 года имѣлъ честь носить флигель-адъютантскій аксельбантъ. Первый литературный трудъ его были «Записки 1814—1815 годовъ», изданныя имъ во время состоянія въ квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ. Будучи же произведенъ въ 1823 году въ генералы, съ назначеніемъ командиромъ 3-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи, онъ участвовалъ въ этомъ званіи въ войнахъ Турецкой и Польской, и по окончаніи уже послѣдней вполнѣ посвятилъ себя военной литературѣ. Труды его по этой части слишкомъ извѣстны, чтобы перечислять ихъ здѣсь; можно замѣтить только, что хотя нѣкоторые изъ нихъ потеряли уже свое значеніе, такъ какъ описываемыя въ нихъ событія нашли себѣ другихъ историковъ, тѣмъ не менѣе есть и такія сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, которыхъ до сихъ поръ еще нечѣмъ замѣнить и которыя невольно остаются единственными матеріалами къ изученію войнъ александровской эпохи.

Изъ этого очерка дѣятельности квартирмейстерскихъ чиновъ въ періодъ времени съ 1815 по 1825 годъ можно видѣть, что чины эти и въ мирное время являются столь же полезными и трудящимися, какъ въ эпоху предшествовавшихъ войнъ. Независимо отъ непосредственно лежащихъ на нихъ обязанностей при войскахъ, имъ открылось въ это время обширное поприще государственныхъ съемокъ, на которыхъ они, работая сами, подготовляютъ и для будущаго времени, такъ сказать, замѣстителей себѣ въ корпусѣ топографовъ. Учрежденіе это создано и поставлено на ноги вполнѣ квартирмейстерскою частію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, офицеры этого послѣдняго вѣдомства начинаютъ пріобрѣтать важное значеніе и въ дѣлѣ развитія и распространенія у насъ военнаго образованія. Въ училищѣ колоновожатыхъ, въ Могилевской офицерской школѣ, въ школахъ подпрапорщиковъ при арміяхъ и корпусахъ, въ школѣ топографовъ, въ Финляндскомъ ка-

детскомъ корпусѣ и нѣкоторыхъ другихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ квартирмейстерскіе офицеры начинаютъ занимать видное мѣсто въ средѣ преподавателей; наконецъ, ихъ имена появляются и въ литературѣ. Все это должно было поднять въ глазахъ общества это вѣдомство, и дѣйствительно, мундиръ генеральнаго штаба, названіе «свитскаго» офицера, какъ обыкновенно называли офицеровъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, пріобрѣтаетъ почетъ и значеніе. Заслуженные и пользующіеся извѣстностію генералы дорожатъ честію носить мундиръ генеральнаго штаба и числиться въ спискахъ квартирмейстерскаго вѣдомства.

Однако, рядомъ съ этимъ періодъ глубокаго мира начинаетъ уже налагать свою печать на это вѣдомство, процвѣтающее обыкновенно во время войны и какъ бы разрушающееся съ ея окончаніемъ. Явленіе это вполнѣ нормальное въ службѣ генеральнаго штаба. Во время войны служба эта дѣлается наиболѣе замѣтною, и если только она исполняется мало-мальски хорошо, то это сильно поднимаетъ значеніе всего вѣдомства въ глазахъ войсковыхъ начальниковъ и самихъ войскъ. Съ окончаніемъ войны и съ наступленіемъ мирнаго періода положеніе это начинаетъ измѣняться: дѣятели войны, заслужившіе на боевыхъ поляхъ свой авторитетъ и право на уваженіе, начинаютъ исчезать съ служебнаго поприща; ихъ мѣста занимаетъ молодежь, едва сошедшая со школьной скамьи, чуждая еще войскамъ, по большей части вовсе не входящая въ ихъ жизнь, но гордая уже своимъ мундиромъ и выказывающая притязанія на такой же почетъ, какимъ пользовались ея предшественники. А между тѣмъ и въ войскахъ уже успѣли установиться другіе взгляды на служебныя обязанности, другія требованія соотвѣтственно мирному времени. Вотъ и достаточный поводъ къ столкновенію между этими двумя элементами военной силы: строевымъ и штабнымъ, уставно-фронтовымъ и школьно-ученымъ. Первый опирается на современныхъ требованіяхъ мирнаго времени, гордится той ролью, какую ему приходится отбывать въ настоящемъ, считая ее единственно вѣрной для будущаго и забывая совершенно уроки прошедшаго, переставая даже ихъ изучать; точно также и школьно-ученый элементъ впадаетъ обыкновенно въ крайность, ставя науку, нерѣдко безъ всякаго практическаго ея примѣненія, на первый планъ; пренебрегая мелочною, такъ сказать, элементарною техникою военнаго дѣла, ради высшихъ взглядовъ и теорій. Отсюда, конечно, одинъ только положительный вредъ для военнаго дѣла, раздвоеніе между мыслію и дѣломъ, которое неизбѣжно должно вести къ самымъ неблагопріятнымъ результатамъ. Къ сожалѣнію,

подобное раздѣленіе является повсемѣстно послѣ войнъ и чѣмъ продолжительнѣе бываетъ слѣдующій за этими войнами миръ тѣмъ раздвоеніе это становится болѣе рѣзкимъ и пагубнымъ; къ тому же, оно въ особенности рѣзко выступаетъ въ тѣхъ арміяхъ, гдѣ образованіе не распредѣлено равномѣрно, гдѣ въ рядахъ войскъ рядомъ съ лицами, имѣющими высшее развитіе и образованіе, встрѣчаются и совершенно противоположныя крайности. Во время войны, когда вся военная семья бываетъ дружно сплочена общностію воодушевленія, патріотизма, эти различія не даютъ себя чувствовать, но за то проявляются во всей силѣ съ наступленіемъ мира.

Это именно вполнѣ выказалось и въ нашей арміи въ концѣ царствованія Императора Александра. Патріотическое воодушевленіе 1812 года, слава, пріобрѣтенная при низложеніи Наполеона, высоко подняли наше военное сословіе, сблизили его разнородные слои между собою, среди общихъ опасностей и самопожертвованія, заставили забыть всякое различіе въ образованіи и развитіи; золотое оружіе и знаки военнаго ордена украшали одинаково и лицъ, обладавшихъ высшимъ образованіемъ, и тѣхъ, которые едва обладали начатками грамотности. Но съ каждымъ годомъ мира воспоминанія прошедшаго сглаживались, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и раздѣльность между строевымъ и ученымъ элементами войскъ. Раздѣльность эта болѣе всего должна была неблагопріятно отражаться на квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ, стоявшемъ особнякомъ отъ всѣхъ прочихъ войскъ.

Имѣя въ колоновожатыхъ свой собственный источникъ комплектованія, пополняя его не изъ рядовъ арміи, а молодежью, едва сошедшею съ школьной скамьи, соприкасаясь съ войсками лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и то отдѣльными только личностями, квартирмейстерское вѣдомство съ каждымъ годомъ дѣлалось все болѣе и болѣе чуждымъ для войскъ, теряло прежнее свое значеніе. Прежніе его дѣятели, пріобрѣвшіе извѣстность, или вовсе выходили изъ него, получая другія назначенія, или же пристраивались къ съемкамъ, а замѣнявшая ихъ молодежь, будучи быстро повышаема въ чинахъ, вносила въ жизнь квартирмейстерской части много самоувѣренности, и мало служебной опытности и практичности.

Подобное положеніе дѣлъ должно было медленно подтачивать самыя основы этого учрежденія и требовалась усиленная и внимательная дѣятельность, чтобы предупредить вредныя для дѣла послѣдствія. А между тѣмъ къ концу царствованія Императора Александра обстоятельства сложились крайне неблагопріятно въ этомъ отношеніи и привели квартирмейстерское вѣдомство въ совершенное разстройство.

Въ началѣ 1823 года, какія-то недоразумѣнія по военной смѣтѣ побудили князя Волконскаго просить объ отпускѣ за границу. Его мѣсто по званію начальника главнаго штаба временно было занято барономъ Дибичемъ, который, въ іюлѣ 1824 года, былъ утвержденъ въ этой должности, съ назначеніемъ также управляющимъ квартирмейстерскою частію и съ отчисленіемъ отъ званія начальника штаба 1-й арміи. Вмѣсто него на эту должность тогда же былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Величества, баронъ Толь.

Переходя на новую должность, баронъ Дибичъ перевелъ вмѣстѣ съ собою и ближайшаго своего помощника по 1-й арміи, генералъ-квартирмейстера оной Гартинга, на соотвѣтственную должность въ главномъ штабѣ Его Величества. Назначеніе это состоялось Высочайшимъ приказомъ 9-го іюля 1824 года, но преждевременная смерть похитила Гартинга ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ вступить въ новую должность. Личность Гартинга слишкомъ замѣчательна, чтобы не посвятить нѣсколько строкъ ея памяти, тѣмъ болѣе, что въ ней олицетворяется, какъ нельзя полнѣе, идеалъ офицера генеральнаго штаба.

Соотечественникъ и близкій родственникъ графа Сухтелена, Гартингъ имъ же былъ вызванъ на службу въ Россію, въ 1803 году, изъ Голандіи, гдѣ онъ состоялъ инженернымъ поручикомъ въ войскахъ Батавской республики. Принятый въ нашу службу подпоручикомъ инженернаго вѣдомства, онъ въ 1808 году переведенъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части и въ рядахъ этого вѣдомства сдѣлалъ Финляндскую кампанію 1808—1809 годовъ, неоднократно обращая на себя вниманіе своей исполнительностію, отличнымъ пониманіемъ дѣла и энергіей. Отечественную войну онъ дѣлалъ въ должности оберъ-квартирмейстера 3-го пѣхотнаго корпуса, съ которымъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ, удостоившись, въ числѣ прочихъ наградъ, получить: за Малоярославецъ—чинъ полковника, за Красное—золотую шпагу, за Кульмъ—Владимірскій крестъ, за Лейпцигъ—св. Георгія 4-й степени. Въ 1814 году, онъ былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ и назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ Гвардейскаго корпуса, а за смотръ подъ Вертю произведенъ, на тридцатомъ году жизни, въ генералъ-маіоры и назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи. Дѣятельность его въ этомъ званіи была, какъ уже сказано въ своемъ мѣстѣ, весьма обширна и разнообразна и за нее онъ удостоенъ былъ въ 1820 году ордена св. Анны 1-й степени.

Не менѣе замѣчательно и плодотворно было вліяніе Гартинга на всю окружавшую его среду. Обладая высокимъ научнымъ образова-

ніемъ, будучи отличнымъ математикомъ, зная въ совершенствѣ семь или восемь живыхъ языковъ, литературу которыхъ онъ вполнѣ изучилъ, Гартингъ въ тоже время былъ авторитетомъ во всемъ, относящемся до военныхъ наукъ и особенно въ дѣлѣ съемокъ и топографическаго изученія мѣстности; въ знаніи топографіи нашего западнаго пограничнаго пространства и прилежащихъ къ нему иностранныхъ государствъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго въ нашемъ генеральномъ штабѣ; въ черченіи обладалъ замѣчательнымъ талантомъ, одинаково искусно владѣя карандашемъ обѣими руками (*). Будучи связанъ тѣсною дружбою съ Теннеромъ, съ которымъ онъ сблизился, когда послѣдній жилъ у Сухтелена, Гартингъ принималъ живое участіе въ его работахъ по тригонометрическимъ съемкамъ, сообщая ему разныя практическія указанія, даже повѣряя болѣе сложныя его вычисленія, которыя Теннеръ ему доставлялъ на просмотръ (**).

Одаренный прекрасной, въ высшей степени симпатичной наружностію, высоко религіозный въ душѣ, соединяя въ себѣ кротость съ живостью, скромность съ импонирующимъ достоинствомъ, Гартингъ оказывалъ необыкновенное вліяніе на всѣхъ окружающихъ, покорялъ себѣ всѣ сердца, вовсе не стараясь о томъ. Одно его появленіе укрощало взрывы горячности Дибича, а всѣ его подчиненные питали къ нему полнѣйшую любовь, уваженіе и довѣріе. Императоръ Николай Павловичъ, до вступленія своего на престолъ, будучи еще Великимъ Княземъ, имѣлъ случай близко узнать Гартинга, когда послѣдній сопровождалъ его при осмотрѣ полей сраженій 1812 года и будучи имъ очарованъ, велъ съ нимъ самую задушевную кореспонденцію (***).

Состоя генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи, при которой постоянно находилась наибольшая часть офицеровъ квартирмейстерской части, Гартингъ имѣлъ большое на нихъ вліяніе и строго слѣдилъ за ихъ занятіями, поведеніемъ и образомъ мыслей. Будучи глубоко преданъ тому вѣдомству, мундиръ котораго носилъ, онъ ревностно заботился о сохраненіи его достоинства. Изъ писемъ его къ Тепперу видно, какъ хорошо, до мелочей, зналъ онъ своихъ подчиненныхъ, со всѣми ихъ слабостями и недостатками; отправляя офицеровъ на внаевскую съемку, онъ почти о каждомъ сообщалъ свои конфиденціальныя замѣтки: о нѣкоторыхъ пишетъ, что они требуютъ строгаго надзора и чтобы ихъ подгоняли къ работѣ; между прочимъ, объ одномъ сообщаетъ, что онъ только и хорошъ въ обществѣ, да за

(*) Georg von Bradke's eigene Aufzeichnungen über sein Leben.

(**) Письма Гартинга въ частныхъ бумагахъ Теннера.

(***) Geord von Bradke's eigene Aufzeichnungen über sein Leben.

ломбернымъ столомъ, а не тамъ, гдѣ предстоитъ работа; о другомъ, что онъ въ долгахъ, вслѣдствіе большей заботливости о туалетѣ, чѣмъ о дѣлѣ, и. т. под.; при этомъ онъ выражается, что считаетъ своимъ первѣйшимъ долгомъ очищать квартирмейстерское вѣдомство отъ подобныхъ личностей, оберегая честь этого корпуса офицеровъ (*). И все это не было лишь фразой; дѣйствительно, фамиліи офицеровъ, дурно аттестованныхъ Гартингомъ, не встрѣчаются потомъ уже въ генеральномъ штабѣ.

Потеря такого лица, полнаго самыхъ блестящихъ достоинствъ, имѣвшаго передъ собою еще будущность (онъ умеръ на 39 году отъ роду), была невознаградима для квартирмейстерскаго вѣдомства. Въ первой арміи Гартингъ былъ замѣненъ генералъ-маіоромъ Д. П. Бутурлинымъ, съ которымъ К. Ф. Толь былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ, а мѣсто генералъ-квартирмейстера главнаго штаба долго никѣмъ не было замѣщаемо и должность эту временно исправлялъ генералъ Хатовъ, бывшій директоромъ училища колоновожатыхъ. Только уже 29-го апрѣля 1825 года состоялось назначеніе на это мѣсто генералъ-маіора Адеркаса (Андрей Антоновичъ), принятаго тогда же на службу изъ отставки. Вовсе неизвѣстно, чѣмъ вызванъ и обусловленъ былъ этотъ выборъ, но его никакъ нельзя признать удачнымъ.

Адеркасъ получилъ воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1789 году былъ выпущенъ поручикомъ въ Великолуцкій пѣхотный полкъ. Въ Финляндскую войну 1788 и 1789 годовъ онъ былъ употребляемъ при штабахъ въ квартирмейстерской должности, вслѣдствіе чего въ 1794 году переведенъ капитаномъ въ генеральный штабъ. Дальнѣйшая служба его проходила по преимуществу на съемкахъ, особенно въ Финляндіи, откуда онъ въ 1806 году вмѣстѣ съ Штейнгелемъ, поступилъ въ составъ арміи Бенигсена, гдѣ за дѣло подъ Гутштадтомъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Произведенный въ 1807 году въ генералъ-маіоры, Адеркасъ дѣлалъ Финляндскую кампанію 1808 и 1809 годовъ, а затѣмъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ въ Молдавской арміи, гдѣ находился до 1811 года.

Приготовленія къ Отечественной войнѣ застаютъ Адеркаса на должности генералъ-квартирмейстера 2-й арміи, бывшей подъ начальствомъ князя Багратіона; но тутъ же случилось дѣло непонятное, разъясненія котораго мы нигдѣ не могли найти. 21-го мая 1812 года Адеркасъ былъ уволенъ отъ службы по болѣзни, съ полнымъ пенсіономъ,

(*) Письма Гартинга въ частныхъ бумагахъ Теннера.

и затѣмъ оставался въ частной жизни до начала 1825 года, когда состоялось, какъ сказано выше, принятіе его на службу прямо на должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества. Такимъ образомъ, человѣкъ, пробывшій тринадцать лѣтъ въ отставкѣ, не участвовавшій вовсе за это время ни въ боевой дѣятельности квартирмейстерской части, ни въ ея новыхъ занятіяхъ мирнаго времени, незнавшій, слѣдовательно, и настоящаго ея состава, сталъ во главѣ ея, долженъ былъ сдѣлаться ея руководителемъ.

Генералъ-квартирмейстерство Адеркаса было, впрочемъ, также непродолжительно: 1-го января 1826 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 7-го апрѣля того же года снова уволенъ отъ службы, за болѣзнію, съ полнымъ пенсіономъ. Время управленія его квартирмейстерскою частію только и ознаменовано тѣми прискорбными событіями, которыя нанесли роковой ударъ этому вѣдомству, набросивъ на него самый невыгодный свѣтъ въ глазахъ правительства и общества.

Достойно замѣчанія, что удаленіе князя Волконскаго отъ важныхъ, лежавшихъ на немъ должностей, совпадаетъ, по времени, съ выходомъ изъ другихъ министерствъ графовъ Каподистріи, Кочубея, Гурьева и князя А. Н. Голицына, съ усиленіемъ значенія Аракчеева, какъ перваго послѣ Государя лица въ Имперіи, наконецъ, съ перемѣною вообще взглядовъ Императора Александра на дѣла внутренней и внѣшней политики Россіи. Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ подробности того значенія, какое имѣли всѣ эти обстоятельства, но нельзя не замѣтить, что они въ сильной степени содѣйствовали возбужденію и развитію въ обществѣ нашемъ неудовольствія противъ современнаго порядка дѣлъ, общій потокъ котораго увлекъ также и нѣкоторыхъ представителей квартирмейстерскаго вѣдомства, сдѣлавъ ихъ участниками тайныхъ обществъ. Это тѣмъ болѣе понятно, что сама почва къ тому была уже заблаговременно подготовлена.

Еще съ конца прошлаго столѣтія у насъ явились скорѣе мода, чѣмъ потребность, организаціи тайныхъ обществъ, подъ названіемъ «массонскихъ ложъ»; само правительство было къ нимъ снисходительно, почему въ числѣ братьевъ-массоновъ и встрѣчается множество почетныхъ и извѣстныхъ лицъ (*). Первоначальныя цѣли этихъ обществъ были вполнѣ благонамѣренныя, внушенныя любовью къ отечеству, желаніемъ общественнаго блага. Съ возвращеніемъ нашихъ войскъ изъ заграницы,

(*) Все относящееся до тайныхъ обществъ и участія въ нихъ квартирмейстерскаго вѣдомства основано на сочиненіи М. И. Богдановича: «Исторія царствованія Императора Александра I», съ нѣкоторыми дополненіями изъ дѣлъ архива генеральнаго штаба.

послѣ низверженія Наполеона, тайныя общества начинают принимать мало по малу все болѣе опасный для государства характеръ, и въ это-то время главными дѣятелями въ обществахъ являются Муравьевы, фамилія которыхъ, какъ видно изъ предшествовавшаго, тѣсно была связана въ царствованіе Императора Александра съ учрежденіемъ и жизнію квартирмейстерской части. Тихій, скромный, но склонный къ увлеченію, Александръ Николаевичъ Муравьевъ, служившій съ отличіемъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, основываетъ въ 1817 году тайное общество, подъ названіемъ «*Союза Спасенія*, или *истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества*»; въ слѣдующемъ же году, братъ его, Михаилъ Николаевичъ, извѣстный уже по учрежденному имъ обществу математиковъ, передѣлываетъ уставъ нѣмецкаго общества Tugendbund (*Союзъ добродѣтели*) на русскій ладъ, для новаго общества, принявшаго названіе «*Союза благоденствія*». Главными помощниками у обоихъ являются, между прочими, Никита Михайловичъ Муравьевъ, также офицеръ квартирмейстерской части, да два брата Муравьевы-Апостолы, Сергѣй и Матвѣй Ивановичи, первый, бывшій до 1820 года капитаномъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, а потомъ подполковникомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, а второй—подполковникъ въ отставкѣ. Хотя Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и вышелъ потомъ вскорѣ изъ общества, но, тѣмъ не менѣе, примѣръ былъ поданъ и не остался безъ послѣдствій. Достаточно припомнить, какое значеніе имѣла фамилія Муравьевыхъ для квартирмейстерской части, чтобы понять тотъ успѣхъ, какой имѣли организованныя ими общества въ средѣ этого вѣдомства, большинство котораго прошло черезъ Московское учебное заведеніе. И дѣйствительно, питомцы этого заведенія и квартирмейстерскіе офицеры являются чуть не главными дѣятелями въ тайныхъ обществахъ двадцатыхъ годовъ. Многіе изъ нихъ во-время успѣли оставить общества, когда замѣтили въ нихъ явное стремленіе къ низверженію существующаго порядка, къ установленію представительнаго правленія, даже предположенія о цареубійствѣ. Но, къ сожалѣнію, нѣкоторые оставались участниками тайныхъ козней до разразившейся, наконецъ, послѣ кончины Императора Александра, катастрофы. Многочисленные аресты, послѣдовавшіе послѣ 14-го декабря 1825 года въ средѣ квартирмейстерской части, закончили этотъ злополучный для нея годъ и послужили переходомъ къ тѣмъ кореннымъ въ ней преобразованіямъ, которыя ознаменовали самое начало новаго царствованія.

Н. Глиноецкій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ЗАПИСКА Е. Ф. КАНКРИНА

ОТНОСИТЕЛЬНО ОПИСАНІЯ ПОХОДОВЪ ПРОТИВЪ ТУРОКЪ.

На подлинной помѣчено: «Получена 31-го августа 1819 года отъ генерала Канкрина».

Предполагаемое Вашимъ Превосходительствомъ описаніе всѣхъ прошедшихъ походовъ противъ Турковъ есть наиполезнѣйшее и необходимое предпріятіе. Всякую новую войну должно бы начать, основываясь на опытахъ прошедшихъ, чтобы не каждый разъ начать испытанія, какъ молодой человѣкъ въ жизни. Каждое государство должно было имѣть точное описаніе силы и слабости своихъ границъ, что противъ онаго сосѣди могутъ предпринимать и что оно себѣ можетъ поставить цѣлью. Но кто этимъ занимается, кромѣ французовъ и то прежныхъ.

Два обстоятельства, не говоря о томъ, что таковыя таинства опасно положить на бумагу, тому препятствуютъ:

а) Дикость военнаго духа, заведенная черезъ послѣднія войны съ французами.

Огромные планы нападенія, разбить, уничтожить непріятеля, завоевать государства, диктовать покоренія, вотъ черты сего духа.

Но таковыя войны имѣютъ свои эпохи! Когда время не благопріятствуетъ энтузіазму и когда свойства арміи сдѣлались ровнѣе, наступаетъ время равновѣсія (guerres stationaires), арміи дѣлаются похожи на двѣ тяжести, которыя одинаковою силою и скоростію, при одинаковомъ вѣсѣ ударяютъ одна противъ другой. Тутъ надобно болѣе искусства, а успѣхъ будетъ менѣе. Но сему теперь трудно чтобы повѣрили, хотя опыты Исторіи сего доказываютъ. Послѣ 30 и 7 лѣтнихъ войнъ сіе случалось и почти всегда.

b) *Фрунтъ*. Сей механизмъ, впрочемъ, весьма нужный, заключаетъ въ себѣ первоначальный грѣхъ (le péché héréditaire) воинскаго состоянія. Свойственная человѣку лѣнь, чтобы не ломать голову, легкость тутъ отличаться, приманчивости игры, блистательная пустота, истина, что воинство поддерживаетъ монархіи (когда фрунтъ есть легчайшее въ воинствѣ, въ которомъ всякъ отличаться можетъ) и многія другія резоны суть причины, что фрунтъ почти послѣ всякой войны въ наши времена беретъ верхъ и затмѣваетъ вышную часть—философію, математику и поэзію военной науки. Но тѣмъ самымъ препятствуетъ оный приготовить себя для будущей войны, сколько по части личной, матеріальной, ученой и исторической. Болѣзнь фрунта особенно усилилась со времени Фридриха II и я собралъ весьма любопытныя свѣдѣнія, до какой степени военное искусство при началѣ войны революціи упавши было. И въ нынѣшнее время фрунтъ начинаетъ себѣ воображать, что онъ побѣдилъ въ послѣдней войнѣ, далеко отбрасывая отъ себя школьничество наукъ и писарство военныхъ управленій.

Сіи разсужденія могутъ казаться не принадлежащими къ предмету, но они докажутъ, что и у насъ трудно будетъ писать исторію бывшихъ противъ Турковъ походовъ, тѣмъ болѣе, что едвали себѣ позволить можно открыть всегда истинныя причины бывшихъ неудачъ или недоспѣховъ.

Но можно бы довольствоваться имѣть хотя сухое, но справедливое опи-

саніе обстоятельствъ и бытности; изъ онаго всякъ могъ бы дѣлать свои заключенія. Тутъ, однако, главнѣйшее затрудненіе отыскать матеріалы и извлечь оныя изъ хаоса незначущихъ бумагъ, какъ и Ваше Превосходительство пишете. Осталося только раздѣлить работу въ главномъ штабѣ Государя въ разныя руки и дѣлать экстракты по точному и самому подробному плану. Таковой планъ также начертили, но мнѣ кажется, что еще можно бы кое что прибавить. Напримѣръ:

Къ статьѣ описаніе военнаго театра надобно бы прибавить разсужденія о характерѣ онаго въ разныя времена, что имѣло неминуемое вліяніе на характеръ самой войны. До Петра I театръ войны былъ степной, сражалась милиція противъ милиціи и много тутъ было азіятическаго. Съ Петра I театръ войны былъ тоже степной, но сражались солдаты противъ милицій,- отчего весьма перемѣнился образъ войны. Прутъ есть эпизода, которая имѣла побочныя причины, особливо ту, что Петръ I въ существѣ не былъ большой воинъ и слишкомъ спыльчивъ для полководца. Походы Миниха весьма любопытны, но онъ тоже сражался болѣе съ затрудненіями театра войны, нежели съ Турками. Мало по мало театръ войны послѣ того перемѣнился, а нынѣ война съ Турками водится въ полуобразованномъ краю. Объ вліяніи всѣхъ таковыхъ обстоятельствъ я подробно объясняюсь въ извѣстномъ моемъ сочиненіи (*).

Надобно взять въ помощь и иностранную литературу. Я даже имѣю книжку, переведенную изъ турецкаго о семъ предметѣ, крайне любопытную.

Нужно бы знать составъ нашихъ армій, устройство (organisation) оной; духъ; какъ главнокомандующій былъ поддержанъ или шиканированъ при дворѣ. Но кто сего напишетъ? Дѣлать собраніе диспозиціи. Простакъ Плото писалъ наиполезнѣйшею книгу въ семъ отношеніи (**).

Необходимо нужно описаніе о составѣ, качествѣ, духѣ турецкой милиціи; стоячей (постоянной) части ихъ армій, яничаръ и топчи—поселенныхъ войскъ, тимаріотовъ—вербованныхъ, арнаутовъ—союзныхъ—прежде татаръ, курдовъ и проч., настоящей милиціи (ban), привозимой воинскими головами (пашами) наиболѣе изъ Азіи и проч. Изъяснить положеніе Турецкаго государства въ то время и царствовавшій духъ; во время Екатерины духъ ихъ очень было упалъ; послѣ того нѣсколько поднялся.

Крѣпости надобно описывать по эпохамъ; положеніе ихъ было весьма неровное.

По части продовольствія, нужно различить каждый разъ принятую систему и было ли все готово. Минихъ выступилъ съ 80,000 повозками, укрѣпилъ свою операціонную линію редутами и проч. При Екатеринѣ сначала съ малыми арміями бились кое какъ. Послѣ того одѣли всегда кафтанъ прежде нежели былъ сшитъ, думали о томъ, что должно было быть готово до войны, по начатіи оной и затѣмъ, по недостатку твердаго плана и по глупой системѣ неприготовленныхъ штурмовъ, съ большими силами ничего соразмѣрнаго не дѣлали. И боюсь, чтобы впредь не случилось подобное. Для турецкой войны требуются ужасныя приготовленія, для коихъ

(*) Ueber die Militär-Oekonomie im Frieden und Krieg und ihr Wechselverhältniss zu den Operationen.

(**) Намекъ на извѣстное сочиненіе о войнѣ 1806—1807 года, представляющее подробный хронологическій подборъ всѣхъ диспозицій и приказаній, отданныхъ по войскамъ во время кампаніи.

нужны годы, а бить Турковъ не трудно, если войскамъ хоть нѣсколько сохранится ржавщина войны и не представляютъ себѣ Балканъ плацпарадомъ.

Богъ знаетъ, были ли прежде твердые планы кампаніи. Но въ самомъ существѣ войны были и есть степени, кои сами собою указали операцій,— Крымъ, Днѣстръ, Бугъ, Дунай, Балканы, Цареградъ!

Еще можно примѣтить, что какъ всякая ошибочно начатая и веденная война мало образуетъ, то сколько я не говорилъ съ воинами въ Молдавіи бывшими, не такъ то много нашелъ у нихъ здравыхъ видовъ о турецкой войнѣ и едва ли у кого предчувствіе настоящей мѣры возможности.

Вотъ нѣкоторыя мысли. Они остаются между нами, впрочемъ, писавъ прямо на бѣло, прошу извиненіе штилу. Кромѣ того, всегда сражаюся съ русскимъ языкомъ, не зная оный фундаментально.

21-го августа 1819 года.

